

Флетчер Нибел

Чарльз Бейли

Очень

важные

соглашения

2018

**Флетчер Нибел
Чарльз Бейли**

**ОЧЕНЬ ВАЖНЫЕ
СОГЛАШЕНИЯ**

**Паровая типолитографія А. А. Лапудева
Москва
Георгиевскій переулокъ, домъ 19
2018**

Флетчер Нибел
01.10.1911 – 26.02.1993
Чарльз Бейли
28.04.1929 – 03.01.2012

Флетчер Нибел, Чарльз Бейли. Очень важные соглашения.
— Москва, Паровая типолитография А. А. Лапудева, 2018 —
205 с., илл. В. Е. Терещенко.

В заключительном том шеститомного собрания сочинений американского журналиста и писателя Ф. Нибела включены пьеса Вл. Токарева, написанная по мотивам романа «Семь дней в мае», интервью с соавтором Ф. Нибела Чарльзом Бейли, а также материалы о творчестве авторов.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т.п. Все материалы получены из открытых источников.

© Паровая типолитография А. А. Лапудева,
состав, редактирование, 2018

0 149

Ф. НИБЕЛ, Ч. БЕЙЛИ

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ

Пьеса Вл. ТОКАРЕВА по мотивам одноименного романа

МОСКВА

1966 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Джордж Лимен	— президент
Джеймс Скотт	— генерал
Кейси	— полковник
Джирард	— специальный помощник президента
Кларк	— сенатор
Годд	— министр финансов
Эстер	— секретарь президента
Палмер	— генерал
Бродерик	— полковник
Гендерсон	— полковник
Шу (Милисент Сеньер)	— корреспондент телевидения
Хозяин бара	
Сержант	
Репортёры, кинооператоры, фоторепор- тёры, телеоператоры, звукооператоры, осветители	

Действие происходит в США, в 1974-м году.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕСЯТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА. БЕЛЫЙ ДОМ

На сцене полковник Кейси. Некоторое время он один, потом быстро входит Польш Джирард.

Джирард. Всё в порядке, старик сейчас выйдет.

Кейси (едва сдерживая волнение). Спасибо.

Джирард. Что у тебя всё-таки стряслось, Джигс?

Кейси. Неужели ты не понимаешь, Польш, что я рассказал бы тебе всё, если бы мог? Дело в том... В общем, это связано с вещами, о которых я не имею права говорить даже с тобой...

Джирард. Ладно, не можешь — значит, не можешь... Только почему такая спешка? Почему не завтра? Я же говорил тебе, что старик не терпит ночных бесед.

Кейси. Да пойми ты, что речь идёт о безопасности страны. Отложить на завтра — значит потерять ещё двенадцать часов...

Джирард. Ладно, Джигс, молчу. Надеюсь, что ты что-нибудь путаешь и твой приход не будет означать новых неприятностей...

(Входит президент Лимен.)

Лимен. Здравствуйте, полковник. Рад вас видеть даже в такое неурочное время.

Джирард. Да, но если Джигс пришёл из-за какого-нибудь пустяка, я его придушу. Ну что же, оставляю вас наедине...

Лимен (останавливая Джирарда). Минуту... Вообще-то, полковник, у меня нет, пожалуй, никаких тайн от Поля. Вы категорически возражаете, чтобы он присутствовал при нашей беседе?

Кейси. Это... это зависит от вашего решения, сэр.

Лимен. Тогда побеседуем втроём. Польш ведь не только ваш друг, но и мой. *(После паузы.)* Бывали здесь когда-нибудь раньше, полковник?

К е й с и. Нет, сэр. Только на приёмах внизу. Ужасно большие комнаты, сэр.

Л и м е н. *(шутливо)*. Слишком велики, чтобы жить, и слишком малы для съездов... У меня тут иногда мурашки по коже бегают. Говорят, эта комната выглядела ещё более казённо, пока миссис Кеннеди десять лет назад не отделала её по своему вкусу. Джонсоны и Фрезьеры здесь ни к чему не прикасались, ну и мы с Дорис решили ничего не переделывать... Хотите чего-нибудь выпить, полковник?

К е й с и. Что?.. Да-да! Виски, если вы не возражаете, сэр.

Л и м е н. Чудесно. Составим ему компанию, Поль.

(С бокалами в руках все трое садятся. Пауза.)

А теперь, полковник, перейдём к делу о безопасности страны. Я вас слушаю.

К е й с и. *(очень волнуясь)*. Господин президент, вы когда-нибудь слышали о воинской части под названием «Ос-косс»?

Л и м е н. Кажется, нет.

К е й с и. Я отдаю себе отчёт, сэр, что какой-то там полковник не имеет права задавать вопросы главнокомандующему, но всё же скажите — вы когда-нибудь давали согласие на формирование засекреченной воинской части, как бы она ни называлась, созданной недавно в районе Эль-Пасо?

Л и м е н. Я опять отвечаю — нет, полковник. В чём дело?

К е й с и. Видите ли, сэр, до вчерашнего дня я тоже ничего об этом не слышал, хотя в качестве начальника штаба генерала Скотта допущен ко всем секретам и должен знать всё, что происходит в вооружённых силах. Тем более должны были быть в курсе дела вы, как верховный главнокомандующий.

Л и м е н. Ты что-нибудь понимаешь, Поль?

Д ж и р а р д. Пока ничего.

К е й с и. Вы знаете, господин президент, после ваших отрицательных ответов мне стало даже легче по-своему. Я хочу сказать, если бы вы подтвердили, что вам известно об «Ос-косс», мне осталось бы только извиниться за беспокой-

ство и, с вашего разрешения, удалиться с чувством неловкости. Но, господин президент, дела, как видно, плохи.

Л и м е н. Ну, нас тут не так легко запугать. Надеюсь, теперь вы расскажете нам всё сначала?

К е й с и. Видите ли, сэр, мой приятель, полковник Гендерсон, вчера сказал мне, что он с недавних пор занимает пост начальника штаба «Оскосс». А сегодня мне стало известно, что командиром у него другой мой знакомый — полковник Бродерик. В части этой сто офицеров, три с половиной тысячи солдат, и вот уже в течение шести недель они проходят секретное обучение на базе, расположенной в пустыне около Эль-Пасо. С Гендерсоном мы встретились случайно. Он, естественно, считает, что я благодаря своему служебному положению знаю всё.

И он бросил одну странную фразу — она-то и заставила меня задуматься. Гендерсон сказал, что они больше обучаются штурмовать отдельные объекты, чем защищать их.

Л и м е н. Что штурмовать?

К е й с и. Он не сказал, но мне кажется, в этом всё дело. Зачем втайне от президента создавать крупную воинскую часть, специально предназначенную для захвата отдельных объектов? Что это за объекты? И потом я подумал, что, может быть, не случайно командиром этого подразделения назначен именно такой человек, как полковник Бродерик. Он самый «бешеный» из всех «бешеных», каких я когда-либо знал, сэр. Он ненавидит всякую гражданскую власть, он презирает Конгресс и не скрывает своих взглядов...

Л и м е н (*резко*). По чьему указанию сформировано подразделение?

К е й с и. Предполагаю, сэр, что по указанию генерала Скотта. Только он, кроме вас, как председатель комитета начальников объединённых штабов мог отдать такой приказ. По крайней мере, Бродерик и Гендерсон докладывают ему лично.

Л и м е н (*в глубоком раздумье*). Непонятно...

К е й с и. Происходит много непонятного, сэр. Разрешите доложить о других фактах последних двух дней. Я пока не могу разобраться в них.

Л и м е н (*нахмурившись*). Говорите.

К е й с и. Вы знаете, конечно, сэр, что в субботу в девятнадцать ноль-ноль состоится всеобщая учебная тревога. День и час начала тревоги держится в строжайшем секрете. Генерал Скотт неоднократно подчёркивал, что об этом знают только несколько высших штабных офицеров. Даже военному министру ничего не известно, не говоря уже о штатских. Простите, сэр, вы не давали никаких указаний о расширении этого круга лиц?

Л и м е н. Нет, разумеется. Даже Поль слышит сейчас об этом впервые.

К е й с и. Так вот, сэр, вчера я встретился с сенатором Прентисом, и он дал мне ясно понять, что знает о тревоге.

Д ж и р а р д. Любопытно!

Л и м е н. Прентис? Более чем любопытно, полковник.

К е й с и. Совершенно согласен с вами, сэр. А вчера ночью... Может быть, это не имеет значения...

Л и м е н. Ну-ну, продолжайте, полковник.

К е й с и. В общем, вчера около двенадцати ночи я проезжал мимо дома генерала Скотта. Весь дом спал, было освещено только одно окно, окно его кабинета... А возле подъезда стояла машина Прентиса — я хорошо знаю её. Может быть, я не обратил бы внимания, но сегодня утром Скотт сказал мне, что лёг вчера в десять часов. Зачем он солгал мне? И потом опять подтвердил, что ни один конгрессмен не знает о предстоящей тревоге... А Прентис? И от кого мог узнать о тревоге Прентис?

Д ж и р а р д. Да-а, ещё одно очко не в пользу генерала Скотта... Есть о чём задуматься, господин президент! У тебя всё, Джигс?

К е й с и. Нет, я хотел... Может быть, это мелочь...

Л и м е н. Давайте, Джигс, всё равно — одно к одному...

К е й с и. Собственно, с этого всё и началось. Вчера я дежурил в штабе. Это очень скучная штука — дежурить в штабе в воскресенье, делать абсолютно нечего — сидишь около телефона и всё. Заходит ко мне в кабинет лейтенант Хаф из шифровального отдела. Через них проходят все служебные радиogramмы, он обязан зашифровывать и расшиф-

ровывать особо секретные документы. Хаф этот — большой любитель потрепаться — с ходу сообщает мне пикантную подробность: оказывается, Скотт послал по служебным каналам пяти высшим офицерам предложение участвовать в скачках. Текст телеграмм довольно туманный, но там говорится, что начало заезда в субботу в девятнадцать ноль-ноль. Сначала я подумал, что Скотт убаюкивает внимание подчинённых ему генералов болтовнёй о скачках, указав тот самый день и час, на который назначена тревога, но потом... Кстати, через несколько часов тот же Хаф показал мне ответную телеграмму от адмирала Барнсуэлла, в котором тот желает Скотту успехов, но отказывается от участия в скачках.

Д ж и р а р д. Джигс, это какой Барнсуэлл? Командующий шестым флотом? Гибралтар?

К е й с и. Он самый.

Л и м е н (*резко*). Кому ещё были посланы телеграммы?

К е й с и. Вот список. Пять человек. (*Подает список.*)

Л и м е н (*внимательно изучив список*). Тёплая компания. И что же, по-вашему, из этого следует?

К е й с и. Откровенно говоря, сэр, телеграммы Скотта могут оказаться зашифрованными директивами, не имеющими никакого отношения к скачкам. Вот Барнсуэлл и дал знать, что на него пусть не рассчитывают.

Д ж и р а р д. Остальные ответили согласием?

К е й с и. Да.

Л и м е н. Итак, что же всё это, по-вашему, означает, Джигс?

К е й с и. Не могу сказать с уверенностью, сэр...

Л и м е н. Вы что, боитесь назвать вещи своими именами?

К е й с и. Нет, сэр, но дело в том, что...

Л и м е н. Вы хотите сказать, что, по вашему мнению, не исключена возможность военного заговора с целью захвата власти?

К е й с и. Видимо, да, сэр... Видимо, такая возможность не исключена.

Л и м е н (*долго возится с трубкой, прежде чем заку- рить*). Что я должен делать дальше, Джигс? Вы можете дать мне какой-нибудь умный совет?

К е й с и. Нет, сэр. На этот раз я просто пасую, господин президент.

Л и м е н. Что ж, я очень признателен, полковник, за ваш визит. Думаю, что мы ещё не раз встретимся с вами. Спасибо, что пришли. Спокойной ночи.

К е й с и. Слушаюсь, сэр. Спокойной ночи, сэр... (*Ухо- дит.*)

Л и м е н (*после большой паузы*). Что скажешь, Поль?

Д ж и р а р д. Боже милосердный! Прямо-таки хунта... словно в какой-то латиноамериканской стране!

Л и м е н. Ты ещё можешь шутить? Послушай, а что если это двойной трюк Скотта? Может, он просто подослал этого полковника, чтобы поймать меня в ловушку, а затем выставить на посмешище перед всей страной?

Д ж и р а р д. Ну нет, Джорди, в Кейси ты не сомневайся. Я знаю его сто лет, почти столько же, сколько тебя, и уверен в нём абсолютно.

Л и м е н. Я и не сомневаюсь, Поль, к сожалению... Да-а, этого, собственно, следовало ожидать — договор с русскими слишком многим стал поперёк горла...

Д ж и р а р д. А знаешь, Джорди, что меня укрепляет в мысли, что подозрения Кейси имеют под собой основания? То, что в этом деле замешан Прентис. Не секрет, что он контролирует фактически все наши ракетные компании, и договор о ядерном разоружении здорово бьёт его по карману. Простая арифметика: пятью пять — двадцать пять!..

Л и м е н. Послушай, Поль, ты отдаёшь себе отчёт, что если всё, что рассказал Кейси, правда, то до субботы у нас остаётся только четыре дня. А с чего начинать?

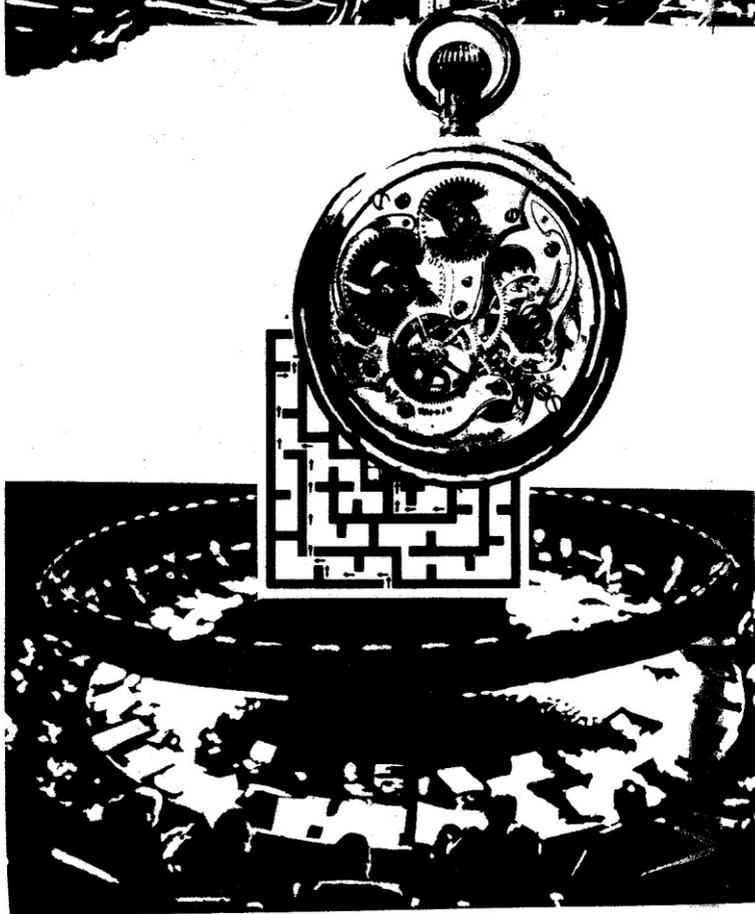
Д ж и р а р д. По-моему, в первую очередь нужно разузнать обо всём этом трижды проклятом «Оскосс». Что если связаться с Фуллертоном? Он знает решительно все расходы Пентагона.

Л и м е н. Пожалуй, ты прав. Завтра утром, помимо всего, возьми у него список всех засекреченных объектов в стране. Только осторожно, чтобы он ни о чём не догадался.

Д ж и р а р д. Да, тут откровенничать можно только с абсолютно верными людьми...

Л и м е н (*задумчиво*). Верные люди!.. Легко сказать!

Затемнение

ВТОРНИК. 2 ЧАСА ДНЯ. БЕЛЫЙ ДОМ

Л и м е н один. Он разговаривает по телефону.

Л и м е н. ...Ужасно, Дорис, ужасно... С утра шёл настоящий ливень, днём он перешёл в моросящий дождь, а теперь всё покрылось густым туманом. Загораете? Ты не представляешь, дорогая, как я тебе завидую... А что у меня может быть нового? Всё то же — страшно занят в связи с договором. И потом эта забастовка — ты же знаешь. Да, с утра до вечера... Как обычно... Поцелуй за меня Лиз. Передай, что я сгораю от нетерпения скорее стать дедушкой. Ну, конечно. Целую.

(Пауза. Л и м е н глубоко задумался. *Входит Э с т е р.)*

Э с т е р. Почти все собрались, шеф.

Л и м е н. Ну что же, просите. Да, Эстер, вам самый нежный привет от Дорис. Лиз чувствует себя превосходно.

Э с т е р. Слава богу, у неё хоть здесь нет основания для тревоги.

Л и м е н. Знаете, Эстер, иногда я думаю, что это даже лучше, что Дорис и Лиз сейчас так далеко от меня. Пожалуй, я не сумел бы скрыть от них все эти... неприятности.

Э с т е р. Я понимаю вас, шеф. Итак, начнём?

(Л и м е н кивнул в ответ. *Э с т е р* выходит, и сразу же в кабинете появляются *Д ж и р а р д*, *К р и с т о ф е р Г о д д* и *Р е й К л а р к*.)

Л и м е н. Прошу, друзья, рассаживайтесь.

К л а р к. Заставлять людей работать в такую погоду бесчеловечно, господин президент.

Л и м е н. Я сейчас разговаривал с женой, там у них в разгаре купальный сезон. Я начинаю думать, что все ошибки американской политики происходят от вашингтонского климата. Не понимаю, почему ни один президент не додумался перенести столицу, скажем, в Калифорнию.

Д ж и р а р д. Блестящая идея. Сейчас самое время внести такое предложение в сенат.

Т о д д. Разрешите всё-таки перейти прямо к делу, господин президент. *(Вынимает большой блокнот.)* Я тщательно

проанализировал всё, что вы рассказали мне сегодня утром, и пришёл к выводу, что если бы мне пришлось защищать Скотта в суде от тех не стоящих выеденного яйца обвинений, которые выдвинул этот сверхбдительный полковник, я потребовал бы немедленного оправдания своего подзащитного, и вся процедура была бы закончена через десять минут.

Л и м е н *(мягко)*. Но я высказал всё это в качестве предположения. Из нас двоих, Крис, не только вы адвокат.

Т о д д. Тогда давайте разберёмся по порядку...

Л и м е н. Минуточку, не будем спешить, не все ещё собралось. *(Смотрит, на часы.)* Сейчас ровно два, с минуты на минуту должен появиться полковник Кейси.

(Входит Кейси.)

К е й с и. Разрешите, господин президент.

Л и м е н. Вот и он. Вы по-военному точны, полковник. Глядя на вас, кажется, можно проверять часы. Друзья! Разрешите представить — тот самый возмутитель нашего спокойствия, начальник штаба генерала Скотта полковник Кейси. А это — министр финансов Кристофер Тодд, сенатор Рей Кларк... Поля вам представлять не нужно... Всё это мои ближайшие друзья, полковник. Я рассказал им вкратце о том, что вы доложили мне вчера. Присаживайтесь. У вас есть ещё что-нибудь новое?

К е й с и. Да, сэр. Сегодня утром генерал Скотт убедил меня, или точнее — приказал мне отправиться в отпуск до субботы. Ещё до полудня я оказался дома.

Л и м е н *(быстро)*. Он указал причину?

К е й с и. Нет, сэр. Он просто сказал, что у меня усталый вид и что мне следует отдохнуть.

К л а р к. Трогательная забота!

К е й с и. Может быть, он что-то узнал о моём вчерашнем разговоре с господином президентом?

Л и м е н. Не думаю. В этом случае он, пожалуй, обошёлся бы круче.

К е й с и. Во всяком случае сегодня, пока меня не вызвала сюда мисс Эстер, я думал, что схожу с ума. Это были самые длинные четыре часа в моей жизни.

К л а р к. Боюсь, что оставшиеся до субботы четыре дня покажутся всем ещё длиннее.

Л и м е н. Возможно... Очень возможно!.. Друзья, по понятным причинам я вынужден был установить негласное наблюдение за генералом Скоттом. По полученным мною сообщениям сегодня, сразу же после заседания сенатской комиссии по военным делам, Скотт вместе с сенатором Прентисом отправился к себе домой. Туда же спустя некоторое время прямо с аэродрома прибыли генералы Хардести, Райли и Диффенбах. Видимо, они прилетели в Вашингтон по специальному вызову Скотта. До сих пор нет сообщения, что они разошлись. Что вы об этом думаете, полковник? Ведь все три генерала находятся в том списке, который вы мне передали вчера вечером.

К е й с и (*подумав*). Мне трудно судить с уверенностью, но... В общем, тот факт, что сенатор Прентис вместе с этими генералами принимает участие в секретном совещании...

Т о д д (*с раздражением*). Не кажется ли вам, полковник, что вы здорово перегибаете палку? Почему, спрашивается, Скотт не может провести свободное время в кругу своих друзей? Обыкновенный ленч!

Л и м е н. Ленч, думаете? Скажите, полковник, мог ли Скотт провести сугубо секретное совещание — вы понимаете, о чём я говорю — в своём служебном кабинете?

К е й с и. Не думаю, сэр. У нас в Пентагоне никто, даже, председатель комитета объединённых штабов, не гарантирован от подслушивания.

К л а р к. Вот это я понимаю — эпоха!

Л и м е н (*размышляя*). Значит, прямо после сенатской комиссии — домой? Всей компанией... Рей, что было на комиссии?

К л а р к. Заседание проходило довольно любопытно. Скотт при благосклонном попустительстве председательствующего Прентиса позволил себе отвлечься от повседневных дел и произнёс прочувствованную речь о договоре и о тех неисчислимых бедствиях, которыми он грозит нашей стране. Больше всего, разумеется, попало президенту. Все были страшно довольны.

Л и м е н. А по поводу этой злополучной воинской части в Эль-Пасо ничего не прояснилось?

К л а р к. О, я несколько раз пытался, правда, очень аккуратноненько, прозондировать Скотта. Я, конечно, ни словом не обмолвился о том, что мне хоть что-то известно об «Ос-косс» и просил его доложить вообще о новых секретных базах. Однако Скотт при активной поддержке того же Прентиса ловко уклонился от ответа.

Т о д д. Кстати, мне хотелось бы кое-что выяснить в связи с этим «Ос-косс», или как там ещё называется это подразделение. Какие у нас всё-таки основания утверждать, что оно вообще существует? Давайте попытаемся рассуждать логически. Содержание воинского подразделения в составе трёх с половиной тысяч солдат обходится в год не менее двадцати миллионов долларов, Я уже не говорю о строительстве самой базы — здесь сумма неизмеримо больше.

(Входит Эстер.)

Э с т е р. Прошу прощения, шеф. Сейчас по телевидению выступает Гарольд Макферсон. Мне кажется, что сегодня он усерднее, чем всегда, ругает вас, Может быть, вам будет интересно послушать?

Л и м е н. Спасибо, Эстер, это очень кстати. *(Тодду.)* Вы меня извините, Крис, но я вынужден прервать ход ваших рассуждений. Давайте сделаем маленький перерыв и послушаем. Макферсон, надо признать, очень талантливый и красноречивый комментатор. Я потом вам объясню, почему он меня сейчас особенно интересуется. *(Включает телевизор.)*

Г о л о с М а к ф е р с о н а. ...каждому трезво мыслящему американцу ясно — это безумие! — чтоб не сказать больше — предательство! Нам не везёт на президентов, друзья! Оглянитесь назад! Перед моим внутренним взором — последняя четверть века. Благодаря нашей мягкотелости и нерешительной политике ни одно дело мы не довели до конца. Вспомните 1950 год — позор в Корее!.. 1967 год — позор во Вьетнаме!.. 1970 год — позор в Африке!.. Я утверждаю, что если наш народ, наша армия не дадут, наконец, по рукам своему бездарному президенту, нынешний 1974 год войдёт в историю Америки и всего свободного мира как самый чёр-

ный, самый позорный год. Заключить договор с русскими о полном ядерном разоружении — мог или сумасшедший, или коммунист. Да-да, коммунист! Я утверждаю, на самый высокий пост в стране пробрался тайный агент Москвы...

К л а р к. Заткните ему глотку, босс!

(Л и м е н выключает телевизор.)

Зачем вы заставили нас слушать этот бред?

Л и м е н. Зачем? Я ведь и сам, как вы знаете, без всякой нежности отношусь к коммунистам. И эти их успехи, особенно за последние десять лет, вас всех не очень-то радуют. Но вы обратили внимание, что этот господин уж очень старательно начал размахивать руками? Боюсь, что это не случайно. Скажите, полковник, есть ли у Скотта близкие люди на радио и телевидении? И какие отношения у него с этим деятелем?

К е й с и. Н-не знаю, сэр. Я, правда, видел, как несколько раз этот Макферсон выходил из кабинета Скотта, но «близкие люди»... Скотт знаком со всеми крупными военными комментаторами...

Л и м е н. Вот это меня и интересует. Макферсон ничего не понимает в военных вопросах, это типичный политический демагог — что же связывает его с начальником комитета объединённых штабов? А нам удалось установить, что вчера вечером состоялась встреча Скотта и Макферсона на квартире Прентиса. Все участники тщательно соблюдали правила конспирации. Разошлись во втором часу ночи.

К л а р к. Послушайте, босс, всё это, возможно, серьёзней, чем может показаться с первого взгляда. Не секрет, что Макферсон тесно связан с группой крайних правых. Не исключено, что через него Скотт начал заигрывать с «бешеными».

Д ж и р а р д. А что мы вообще знаем о Скотте, кроме того, что он ненавидит коммунистов и ему до смерти не нравится договор? Необходимо любой ценой узнать, чем он дышит.

Л и м е н. А знаете, о чём я подумал, друзья?.. Недели две назад командующий ПВО генерал Барни Палмер сообщил мне, что ему прозрачно советовали приехать в Вашингтон и в

неофициальном порядке побеседовать со Скоттом «о политическом хаосе в стране и об ответственности военных», или что-то в этом роде. Барни тогда, уклонился от их приглашения, и больше я об этом ничего не знаю... Что если...

К л а р к. А ведь это, пожалуй, идея, босс. Барни стоящий парень, я его хорошо знаю. Если бы он срочно прилетел сюда, его можно было бы подослать к Скотту. Такой визит может быть полезным.

Л и м е н. Что скажете, полковник?

К е й с и. Палмер!.. Что ж, это человек прямой...

(Л и м е н нажимает кнопку звонка. Входит Э с т е р.)

Л и м е н. Прошу вас, Эстер, немедленно свяжитесь с генералом Палмером и попросите его от моего имени срочно вылететь в Вашингтон. Скажите, что я его жду.

(Э с т е р уходит.)

Что же, продолжим, друзья.

Т о д д. Разрешите, господин президент, вернуться к вопросу об этой мифической воинской части «Оскосс». Я уже говорил, что создание такой базы должно было обойтись в огромную сумму. Я, как министр финансов, ничего не знаю об этом. Из секретных фондов такой расход мог быть произведён только по вашему личному распоряжению. Какие же есть доказательства того, что эта база вообще существует, если не считать разговора полковника Кейси с его приятелями Гендерсоном и Бродериком?

Л и м е н. Поль, что ты выяснил сегодня у Фуллертона?

Д ж и р а р д. У них в списке числится семнадцать секретных баз...

К л а р к. О господи, сколько их расплодилось! Помоему, мы больше пугаем ими самих себя, чем русских...

Д ж и р а р д. Может быть, ты мне дашь договорить, Рей? Короче говоря, объект под названием «Оскосс» нигде не числится. А около Эль-Пасо вообще нет никакой базы.

Т о д д. Всё ясно. При всём моем уважении к полковнику Кейси должен сказать, что «Оскосс», видимо, вообще не существует.

Л и м е н. Следовательно, именно это, насколько я понимаю, нужно установить нам в первую очередь.

Т о д д. Я считаю, что вы, господин президент, должны позвонить Скотту и прямо спросить его — это был бы вполне естественный шаг. В случае отрицательного ответа вы предложите ему сопровождать вас в инспекционной поездке в район Эль-Пасо. Если базы там действительно не окажется, вы уволите полковника Кейси и извинитесь перед Скоттом. Если же база существует, вы расформируете «Оскосс» и отдадите Скотта под суд.

Л и м е н *(с улыбкой)*. Вы серьёзно предлагаете такой план действий?

Т о д д. Во всяком случае, я говорю, как следовало бы поступить президенту при обычных условиях.

Д ж и р а р д. Послушайте, господин министр. Если база окажется плодом чьего-то воображения, то об этой истории протрубят все газеты страны. Наш шеф выглядел бы полнейшим идиотом, и его правительство не стоило той верёвки, которой пришлось бы его связывать, чтобы оно не развалилось. Это не политика, господин министр, это безумие.

Т о д д *(резко)*. Вот что, э-э... господин помощник президента. Логика всегда подсказывала мне, что во время шторма надо плыть в гавань кратчайшим путём.

Л и м е н. Вот потому-то, Крис, вас и назначили министром финансов, а не выбрали сенатором. Здесь вопрос сугубо политический, и дело тут не только в самом Скотте. Возможно ли всё это в принципе? Надеюсь, вы сумеете выдержать немного философии, поскольку она необходима для уяснения самой сути происходящего?

(После большой паузы, Л и м е н начинает говорить очень медленно и очень тихо, часто останавливаясь и обдумывая только что сказанное.)

Ещё тридцать лет назад, после взрыва первой атомной бомбы над Хиросимой, в психологии людей стало проявляться что-то необычное. Да это и неудивительно: раньше человек ещё мог рассчитывать, что даже в самой ужасной войне он волен в той или иной степени распоряжаться своим собственным существованием. Правда, не в очень значительной, но всё же в какой-то. Бомба покончила с этой иллюзией. Потом появилось водородное, а сейчас это ужасное нейтронное

оружие. В стенаниях и плаче цивилизация может исчезнуть в одну ночь. Это известно каждому. Что, кроме ощущения своей беспомощности, в состоянии испытывать тот или иной индивидуум? Нет смысла хватать винтовку и бросаться на защиту своей страны. Как только будет отдан приказ открыть огонь, человек сразу поймёт, что его дом уже превратился в груды пепла или станет ею через пятнадцать минут.

(Пауза. В комнате царит молчание.)

Человек обязан верить, что он может влиять на ход событий. Если люди проникаются убеждением, что их влияние равно нулю, они начинают испытывать неудовлетворённость и гнев. Чувство беспомощности толкает их на крайности, загляните в историю — Маккарти, потом берчисты, теперь этот популярный фанатик Макферсон и... и, может быть, генерал Скотт... Наступление атомного века сокрушило веру человека в свою способность влиять на происходящее, и это обстоятельство могло бы привести Соединённые Штаты к краху ещё до того, как на них начнут падать бомбы. Вот почему я решил заключить этот договор с русскими, пусть даже мне ничего больше не суждено сделать. Я убеждён, ядерное разоружение — единственный путь. Однако я и сам не знаю, достаточно ли сейчас договора. Возможно, мы слишком запоздали с ним. Но если генерал Скотт считает, что спасение страны в его руках, он глубоко ошибается.

(Президент долго сидит молча, ссутулившись, на подоконнике большого окна.)

К л а р к *(громко, шутливо)*. Аминь, возлюбленной брат мой Лимен!

Л и м е н. Пожалуй, и в самом деле хватит проповедей, хотя я говорил вполне серьёзно.

Д ж и р а р д. Что ж, судя по всему, кому-то придётся отправиться в Эль-Пасо и проверить всё на месте. Звонить по телефону мы не можем, расспрашивать людей тоже. Кому-то придётся туда поехать.

К л а р к. Ехать нужно мне. В крайнем случае, я всегда смогу сказать, что я сенатор и провожу расследование для комиссии по военным делам.

Л и м е н. По-моему, Рей прав. Постарайся закончить дело в течение дня. И держи связь с Эстер.

К л а р к. А что мне делать на этой базе больше одного дня?

Л и м е н (*задумчиво*). Генерал Скотт! Кто бы мог подумать? Вчера днём он звонил мне в связи с предстоящей тревогой. Он хочет, чтобы я отделался от журналистов и отправился на командный пункт в Маунт-Тандер один. Понимаете — один! Только теперь я вижу, чем это могло обернуться.

Т о д д. Знаете, господин президент, чем больше я думаю над всей этой историей, тем больше мне начинает казаться, что я участвую в какой-то детской игре. Государственный заговор! На основании каких-то предположений, абсолютно неподкреплённых фактами, мы обвиняем в семи смертных грехах выдающегося генерала, которого знает вся страна не только как умного и талантливое военачальника, но и как человека кристальной честности и чистоты, безупречная репутация которого...

К л а р к. Минуточку, господин министр, спасибо, что напомнили. Кристальной чистоты, говорите? Босс, сделайте одолжение, разрешите пригласить сюда мисс Эстер. Она может рассказать нам нечто весьма пикантное. (*В дверях.*) Эстер, зайдите к нам на минуточку.

(*Входит Эстер.*)

Деточка, не смогли бы вы повторить сейчас то, о чём рассказывали мне сегодня утром по поводу интимной жизни нашего общего друга, генерала Скотта?

Э с т е р. Прово, сенатор, вы ставите меня в неловкое положение.

К л а р к. Ничего-ничего, не стесняйтесь, здесь все свои.

Э с т е р. Я сказала сенатору, шеф, что на вашем месте постаралась бы побольше узнать о его любовнице.

Л и м е н. У него есть любовница?

Э с т е р (*с видом превосходства*). А вы не знали? Слухи носятся уже два года. Время от времени генерал потихоньку выезжает в Нью-Йорк для встреч с одной пикантной штучкой из телевидения.

Л и м е н. Ну и ну!.. Это, конечно, любопытно, Рей, но вряд ли поможет нам в деле спасения республики.

К л а р к. Если бы нам удалось получить доказательства этой связи...

Д ж и р а р д. Как фамилия той девицы?

Э с т е р. Сеньер. Милисент Сеньер. Предполагают большую любовь.

К е й с и. Милисент Сеньер? Да это я познакомил её со Скоттом! Значит, она теперь его любовница!

Л и м е н. Ого, полковник. А в вашем личном деле ни слова не говорится о том, что вы имеете успех у дам.

К е й с и. Понимаете, сэр... Я познакомился с Шу, то есть с мисс Сеньер... В общем, мы когда-то знали друг друга...

Э с т е р. Здесь, кажется, открываются такие подробности, что, пожалуй, мне лучше покинуть вас. *(Уходит.)*

Д ж и р а р д. Таким образом, вопрос о том, кто должен ехать в Нью-Йорк, видимо, решён.

К е й с и *(в смятении)*. О нет, что вы! Моя жена никак не поймёт эту командировку... Никак не поймёт!

К л а р к. Послушайте, Джигс, — вас, кажется, так зовут, полковник?

К е й с и. Совершенно верно, сэр.

К л а р к. Зовите меня просто Рей. Так вот, Джигс, ведь эта ваша... э... знакомая, не только возлюбленная Скотта, она ещё имеет отношение к телевидению. Кто же лучше вас сможет получить от неё, помимо всего прочего, точные сведения о Макферсоне?

К е й с и *(в отчаянии)*. Но что я скажу жене, сэр?

Т о д д *(быстро)*. Ничего! Абсолютно ничего! Она не должна ни о чём догадываться.

К е й с и *(уныло)*. Бог ты мой, если бы только не в Нью-Йорк!

Т о д д *(снова заглянув в свой блокнот)*. Теперь ещё одно обстоятельство, которое, как и «Оскосс», представляется мне совершенно невероятным. Я имею в виду интерпретацию полковником Кейси телеграмм Скотта, связанных со скачками.

К е й с и. Ну, знаете, сэр, так можно всё отрицать.

Т о д д. Тут нечего и отрицать, полковник. Не логично ли предположить, что эти телеграммы означают именно то, о чём в них говорится?

К е й с и. Я не успел рассказать, что сегодня Скотт, как только узнал, что я знаю содержание этих телеграмм, очень настойчиво просил меня сохранить всё в тайне. Именно из-за этого он, возможно, и отправил меня в отпуск.

Т о д д. И всё-таки вы мне ничего не доказали.

Д ж и р а р д (*резко*). Знаете, господин министр...

Л и м е н. Спокойно, спокойно, никто и не собирается сейчас ничего доказывать, Крис. Пока мы соберём необходимые суду доказательства, возможно, будет уже поздно предотвратить то, что мы хотели бы доказать. Так вот, предполагая самое худшее, мы подходим к фигуре Барнсуэлла, который, судя по всему, отказался от предложения Скотта. Я считаю, что необходимо срочно связаться с ним и по возможности получить от него эти самые доказательства.

Т о д д (*сдаваясь*). Что же, если какой-нибудь заговор существует, — во что я не верю, — и если телеграммы представляют собой частный код, — в чём я не убеждён, — тогда ответ Барнсуэлла приобретает исключительно важное значение.

Л и м е н. Поль, я ещё сегодня ночью решил, что ехать для переговоров с Барнсуэллом нужно тебе.

Д ж и р а р д. Надо так надо!

Л и м е н. Я приготовил письмо адмиралу, в котором пишу, что ты выполняешь моё поручение. Думаю, это поможет тебе.

Т о д д (*живо*). Только учтите, мистер Джирард, ответы Барнсуэлла должны быть получены в письменном виде. На суде ваши устные показания будут мало чего стоить.

Л и м е н. Безусловно. Учтите, друзья, если всё подтвердится, мы должны иметь в руках убедительные доказательства, чтобы заставить Скотта уйти в отставку. Абсолютно убедительные.

Д ж и р а р д. Это всё понятно...

Кейси. Разрешите... Я хотел бы только предупредить тебя, Поль, — будь осторожен. Адмирал Барнсуэлл очень опасный человек... Очень!..

Лимен *(встревоженно)*. Продолжайте, полковник. Что вы знаете о Барнсуэлле?

Кейси. Откровенно говоря, сэр, существует мнение, что адмирал всегда предпочитает быть на стороне победителя... как правило, это ему удаётся... И он не очень разбирается в средствах для достижения этой цели...

Лимен. Поль, ты должен ехать не один...

Джирард. Пустяки, ничего он со мной не сделает... Я ведь буду выступать как твой полномочный представитель, Джорди. Адмирал не дурак, он знает: если со мной что-нибудь случится, ему не поздоровится. Всё будет в порядке.

Тодд. Простите меня, господин президент, но меня не покидает ощущение, что я участвую в каком-то нелепом детективном фильме. По совести говоря, я по-прежнему считаю абсурдом все наши предположения, и чем скорее мы установим истину, тем лучше.

Кларк. Будем надеяться, что вы правы, господин министр. Но я чувую, что воняет сомятиной, которая слишком долго валялась на солнце.

(Входит Эстер.)

Эстер. Прошу прощения, шеф, получено новое донесение.

(Подает Лимену бумагу.)

Лимен *(быстро просматривает донесение, потом читает его вслух)*. «Сегодня ночью генерал Скотт и сенатор Прентис прибыли на командный пункт в Маунт-Тандере... Тщательно осмотрели прилегающую местность. Генерал Скотт приказал подготовить питание и жильё для воинского соединения в триста человек, которое прибудет туда в субботу утром. Скотт заявил, что охрана пункта на время тревоги должна быть усилена по приказу президента». *(После паузы.)* Что скажете, Крис? Нелепый детектив?

Тодд. Вы действительно давали такое распоряжение, господин президент? Зачем?

Л и м е н (*после паузы*). Как это ни парадоксально звучит, вы наивный человек, Крис... Однако у Скотта размах! Триста человек! Если он действительно задумал меня арестовать, неужели для этого нужно столько народа?

Т о д д. Должен заметить, господин президент, для таких крайних умозаключений у вас нет достаточных оснований.

Л и м е н. Нет? Будем надеяться. Эстер, соедините меня со Скоттом и застенографируйте.

(*Эстер включает селектор.*)

Я скажу Скотту, что не смогу присутствовать в Маунт-Тандере при проведении тревоги.

К л а р к. Недурно. На такое заявление он не может не клюнуть...

Г о л о с С к о т т а (*по селектору*). Генерал Скотт слушает.

Л и м е н. Добрый день, генерал. Говорит Джордан Лимен.

Г о л о с С к о т т а. Доброе утро, господин президент.

Л и м е н. Генерал, не буду терять времени и сразу перейду к делу. После долгого размышления я окончательно решил, что не смогу участвовать в проведении тревоги. Откровенно говоря, я устал и решил порыбачить два-три дня.

Г о л о с С к о т т а. Господин президент, если вы позволите возразить, вам не следует этого делать. Ваше присутствие в Маунт-Тандере не только важно, но и необходимо.

Л и м е н. В подобных делах я всего лишь пешка, о чём вам известно не хуже меня, генерал. Учение вполне можно провести и без меня.

Г о л о с С к о т т а. Вы ошибаетесь, господин президент. Ваше присутствие необходимо для укрепления морального духа войска. Я считаю крайне неразумным с вашей стороны брать отпуск при теперешних наших отношениях с Россией.

Л и м е н. Договоримся, что вы позволите мне самому решать, что разумно и что неразумно. Боюсь, что моё решение окончательное.

Г о л о с С к о т т а (*после паузы*). Ну что ж, мне остаётся только позавидовать. Желаю счастливой рыбалки.

Л и м е н. До свидания, генерал.

Г о л о с С к о т т а. До свидания, господин президент.

Т о д д (*после паузы*). Трудный человек. Можно только радоваться, что он всё-таки на нашей стороне, а не на стороне русских.

Л и м е н (*устало*). На нашей? Вы всё ещё так думаете?

Т о д д. Уже начинаю сомневаться... (*После паузы.*) Господин президент, допустим, что мы убедимся в существовании заговора, но доказать не сможем. Ведь вам тогда придётся действовать с молниеносной быстротой. Как?

Л и м е н (*тихо*). Откровенно говоря, Крис, я ещё не задумывался над этим.

Т о д д. Вы меня извините, но... Я вынужден заново взвесить все эти... обстоятельства... Разрешите, я отправлюсь к себе.

Л и м е н. Разумеется, Крис... Если вам что-нибудь придёт в голову, приходите в любое время.

Т о д д (*в полном смятении*). Да-да, конечно... Тут нужно думать и думать. (*Уходит.*)

(*Большая пауза.*)

Л и м е н. Да-а!.. Хорошую ловушку подготовил мне Скотт!.. Возможно, полковник, нам скоро может понадобиться ваш совет, совет профессионала-военного. Ведь нам противостоит Пентагон, готовый автоматически реагировать на любую команду Скотта... Три миллиона солдат, пушки, корабли, самолёты, ракеты... Не исключено, что нам надо будет знать, в каком месте надо прервать связь и систему управления вооружёнными силами, чтобы командование оказалось в наших руках, а не руках Скотта.

К е й с и. Я понимаю, господин президент.

Д ж и р а р д. Вторник... среда... четверг... пятница... Четыре дня... Джигсу действительно следует слетать в Нью-Йорк. За два дня он обернётся...

К л а р к. Учтите, полковник, если вам удастся добыть хоть какие завалы доказательства связи Скотта с этой красоткой, они могут сыграть решающую роль.

К е й с и *(уныло)*. Я, конечно, понимаю, сэр, что мне, пожалуй, легче других будет разузнать кое-что о Скотте и так далее... Но я... В общем, мне предстоит сыграть не очень красивую роль... И вы, по существу, вынуждаете меня вернуться к тому, что давно забыто и похоронено...

Л и м е н. Всё понимаю. И не надо снова терзать себя... Возвращайтесь скорее, Джигс. Желая успеха.

(Кейси уходит.)

(После паузы.) Помолчим немного, ребята... *(Протягивая сигарный ящичек.)* Прошу.

(Кларк закуривает сигару.)

Кури, Поль.

Д ж и р а р д. Ты же знаешь, Джорди, я терпеть не могу твои вонючие сигары. *(Достаёт портсигар и закуривает сигарету.)*

Л и м е н. Когда ты выбросишь эту старомодную штуку, Поль? Кончится тем, что президент подарит тебе новый портсигар.

Д ж и р а р д. Можешь не беспокоиться, Джорди. Я ведь в душе пресентиментальнейший парень, и этот портсигар мне дорог именно тем, что ты подарил мне его, когда ещё не был президентом.

Л и м е н. Спасибо, Поль. *(Подходя к маленькому бару.)* Что будем пить, ребята?

К л а р к. Я, например, виски. И на этот раз без содовой. *(Л и м е н готовит напитки.)*

Д ж и р а р д. Рей, ты не сердись на меня, но я хочу сказать тебе пару слов.

К л а р к. Ну?

Д ж и р а р д. Ты сам знаешь, что после смерти Марты стал слишком часто заглядывать в бутылку. Я понимаю, конечно... Но, надеюсь, что до конца недели ты будешь сдерживать себя и не влипнешь из-за этого в какую-нибудь неприятную историю.

К л а р к. Подобные обещания я никогда никому не даю. Только себе.

Д ж и р а р д. Это уж как тебе нравится, Рей.

Л и м е н (*подавая бокалы*). Поль прав, Рей. Во время поездки в Эль-Пасо ты не должен прикасаться к бутылке. Это приказ, так и знай.

К л а р к (*сухо*). Я могу сам позаботиться о себе, господин президент.

Л и м е н. Возвращаетесь оба поскорей, ребята. Нас всего пять человек против всей армии Соединённых Штатов.

Д ж и р а р д (*задумчиво*). Пять человек! А ты не приbedняешься, Джорди? У тебя ведь целая куча советников, не говоря уже о господах министрах.

Л и м е н. Я слишком мало знаю их, чтобы довериться. Направить кого-нибудь в посольство за границу, назначить судьёй — да. Но опереться в борьбе за сохранение власти — нет...

Д ж и р а р д. Пять человек!.. Кстати, о Крисе. Он, конечно, самый умный из всех твоих министров, Джорди, но что-то слишком уж рьяно он защищает Скотта. Как хочешь, но это настораживает.

Л и м е н. Вот тут ты неправ, Поль. Я абсолютно верю этому старому сварливому адвокату. И он не защищает Скотта. Нет. Он просто отменяет любые обвинения, если они юридически недостаточно обоснованы. Такой человек очень нужен в нашей команде — он не даст нам наделать ошибок... Кстати, друзья, подумайте ещё вот над каким вопросом. Предположим, всё подтвердится, и мы сумеем предотвратить удар. Что тогда?

К л а р к. Очень просто. Вы уволите Скотта и отдадите его под суд за измену.

Л и м е н. Н-нет... Не думаю... Острый конфликт между военными и гражданскими в Соединённых Штатах? А наш престиж?

Д ж и р а р д. Да, в этой игре нам надо держать карты поближе к жилетке, чтобы никто не подсмотрел.

К л а р к. Чёрт побери, не хотел бы я быть президентом.

Л и м е н. Не все так думают, Рей, к сожалению...

Д ж и р а р д (*задумчиво*). Пять человек! Не богато!..

Л и м е н. А знаете, друзья, о чём я всё время думаю? Сколько бы людей ни было вовлечено в эту историю, в конце концов, именно я останусь лицом к лицу со Скоттом. Лицом к лицу!

Затемнение

СРЕДА. УТРО. БАР У БЕНЗОКОЛОНКИ

В баре только Хозяин у стойки. Шум подъезжающей машины. Входит Кларк.

Кларк. Выпить. Быстро.

Хозяин. Виски, сэр?

Кларк. Именно. И содовой. *(Жадно пьёт.)* Жарковато тут у вас. А мне ещё надо побывать в трёх военных магазинах.

Хозяин. Коммивояжёр?

Кларк. Угу. Моющие средства. Сколько ещё миль до этой новой военной базы? Ну, вы знаете, она построена всего шесть-семь недель назад.

Хозяин. Я так и думал, что вы попытаетесь выудить у меня какие-нибудь сведения. *(После паузы.)* Судя по номеру вашей машины, вы арендовали её в Эль-Пасо, так что вам бензин пока ни к чему...

Кларк. Ладно-ладно. Я уже потратился и готов ещё потратиться. Хочу, приятель, перехватить для себя весь этот район и обслуживать базу...

Хозяин. Откуда я знаю, что вы не шпион?

Кларк *(положил на прилавок двадцатидолларовую бумажку)*. Послушайте, я недавно на этой работе. Мне ведь нужно для начала за что-то ухватиться! Расскажите, где надо сворачивать с этой дороги на базу, и двадцать долларов ваши. А потом я каждый раз буду заправляться бензином у вас.

Хозяин. Честное слово, сэр, мне почти ничего не известно. Знаю только, что во-он там построена какая-то база, но я никого оттуда не видел. Во всяком случае, никто не признавался, что он оттуда. На вашем месте миль так через тридцать... нет, миль через двадцать семь — двадцать восемь я бы поискал дорогу с твёрдым покрытием, идущую налево, к небольшой возвышенности.

Кларк. Вот за это спасибо.

Хозяин. Если вы проберётесь туда, чтобы торговать своим шилом-мылом, вас нужно будет премировать золотыми часами.

К л а р к. Надо пробраться, надо. Иначе моя жена и детишки подохнут с голоду.

(К л а р к, дотив своё виски, уходит. Слышен шум отъезжающей машины. Х о з я и н набирает номер телефона.)

Х о з я и н. Соедини меня с дежурным... Сэр, докладывает Стайнер. Базой сильно интересуется какой-то подозрительный тип. Минут через двадцать он будет подъезжать к вам.

Затемнение

СРЕДА. УТРО. БЕЛЫЙ ДОМ

Лимен разговаривает по телефону. Около него Эстер.

Лимен. Да... да... Понятно... Всё это, конечно, правильно... Дорис, дорогая, я бы рад, однако боюсь, что не сумею выбраться... Да нет, ничего особенного, просто возникло множество неотложных дел... Нет, милая, в данном случае обойтись без меня невозможно... Да, ничего не поделаешь... Передай Лиз, что я очень сожалею... Не сердись на меня, Дорис, ты же знаешь, что я теперь не всегда принадлежу самому себе... Алло! Алло!.. *(Положил трубку.)* Плохи наши дела, Эстер!

Эстер. Насколько я поняла, у Лиз началось?

Лимен. Да, сегодня ночью. Но всё протекает, кажется, не совсем нормально... Лиз ужасно мучается.

Эстер. Постарайтесь не волноваться, шеф. В наш век от родов не умирают.

Лимен. Я всё время стараюсь, Эстер. Вы говорите, в наш век?.. Наш век!.. *(Взял себя в руки.)* Есть что-нибудь новое, Эстер?

Эстер. Звонил полковник Кейси и просил передать, что встретится с этой особой только вечером. На сегодня я отменила все ваши официальные встречи. Мистер Мортон по этому поводу устроил страшный скандал.

Лимен. Мортон? У него какое-нибудь важное дело?

Эстер. Да, всё эта забастовка. Мортон говорит, что директора компаний требуют вашего вмешательства.

Лимен. Не вовремя, чёрт возьми... Вот что, Эстер, позвоните ему, только смотрите, повежливей, скажите, что я страшно занят, придумайте что-нибудь правдоподобное и посоветуйте от моего имени, чтобы они ещё раз попытались сами уладить это дело.

Эстер. Понятно, шеф. В приёмной ждёт генерал Палмер.

Лимен. Что же вы молчали столько времени? Немедленно давайте его сюда.

(Эстер выходит. Сразу же появляется генерал Палмер.)

Рад видеть вас, Барни. Что у вас такой мрачный вид? Были у Скотта?

Палмер. Был, чёрт меня побери совсем.

Лимен. Что-нибудь интересное?

Палмер. Не подгоняйте меня, господин президент. Чтобы ответить, чёрт меня побери совсем, мне придётся подбирать выражения, а я это не очень умею делать.

Лимен. Не надо, Барни, шпарьте как есть. Рассказать кому-нибудь, что генерал Палмер учится подбирать выражения, — не поверят.

Палмер. Так вот, господин президент, не мастер я по всяким там шпионским делам, особенно когда сам не очень понимаю, что вы хотели бы узнать через меня...

Лимен (*осторожно*). Ничего особенного, Барни. Я уже говорил вам, что меня немного беспокоит отношение кое-кого из наших военачальников к договору о разоружении, у меня такое ощущение, будто некоторые ваши коллеги оказывают мне организованное сопротивление, а это не сулит стране ничего хорошего.

Палмер. Короче говоря, я сказал Скотту, что, по моему, тут, в Вашингтоне, что-то происходит, и я, парень из захолустья, хотел бы просветиться на сей счёт. В конце концов, Скотт признался, что он тоже что-то чувствует, а что именно и почему — объяснить не может. Потом он начал крепко ругать вас и вашу внешнюю политику.

Лимен. Он сказал, что я всё провалил?

Палмер. Вроде того. Как хотите, я не могу повторить слова Скотта — не очень-то он заботился о выборе выражений. Потом он долго уверял, что все высшие офицеры придерживаются той же точки зрения и выспрашивал меня о моём мнении на этот счёт.

Лимен. И что же вы ответили, Барни?

Палмер. Я человек прямой, но... Но сказал, что политика меня не интересует.

Лимен. И на этом всё кончилось?

П а л м е р. Да. Он сказал, что мы, может быть, вернёмся к этому разговору на той неделе.

Л и м е н. На той неделе! А сами вы что думаете о договоре, Барни?

П а л м е р. Вы хотите знать моё откровенное мнение, господин президент? По-моему, русские считают нас простачками.

Л и м е н. Вы не доверяете нашей разведке?

П а л м е р. Россия слишком большая страна.

Л и м е н. Но вы примкнули бы к какой-нибудь группе, ну, скажем, к группе генерала Скотта, если б он создал её, добиваясь аннулирования договора?

П а л м е р. Никогда. Вы просили у нас совета. Мы дали его — вы с нами не согласились. Ну, а дальше уж ваше дело. Дай бог, господин президент, чтобы вы оказались правы.

Л и м е н. Берни, было бы хорошо, если бы вы перебрались в Вашингтон и консультировали меня. Вы, я вижу, не способны интриговать, как кое-кто из тех, кого я знаю.

П а л м е р. Извините за грубость, господин президент, но от кабинетных интриг у меня начинают ныть ягодыицы.

Л и м е н *(вставая)*. Ещё раз прошу вас, Барни, сохранять свои визиты к Скотту и в Белый дом в секрете. Возможно, вы снова понадобится мне. Я надеюсь, вы не откажетесь приехать.

П а л м е р. Пока налогоплательщики позволяют мне иметь в личном распоряжении реактивный самолёт, я в любое время через два часа буду в вашем распоряжении.

(П а л м е р выходит. Сразу появляется Э с т е р.)

Л и м е н. Никто из наших не звонил?

Э с т е р. После того как мистер Джирард сообщил, что идёт на приём к адмиралу Барнсуэллу, новых сведений от него нет. От сенатора Кларка — ничего.

Л и м е н. Да, медленно тянется время.

Э с т е р. Неприятная новость, шеф. Сейчас передали по радио экстренное сообщение. Русские готовятся приступить к сборке боеголовок «зет-четыре» в Якутске. Передают, что сведения получены из таких источников, что даже сомневаться не приходится.

Л и м е н *(после паузы)*. Эстер, выпейте со мной чашечку кофе. Что-то сегодня с самого утра у меня тяжёлая голова.

(Пока Эстер молча готовит кофе, Лимен в глубоком раздумье стоит перед огромной картой мира.)

Эстер. Вам покрепче, шеф?

Л и м е н *(тихо)*. Значит, Скотт прав? В то время, как мы и русские в присутствии инспекторов и корреспондентов размонтируем первые десять нейтронных боеголовок с каждой стороны, где-то в глуши, в сибирской тайге, будут собраны другие десять. А может быть, и больше... Это, значит, Эстер, конец договору... Конец цивилизации!.. *(После большой паузы.)* Вы звонили ещё раз моим, Эстер? Есть что-нибудь новое? Как себя чувствует Лиз?

Эстер. К сожалению, по-прежнему, шеф. Но врачи уверены, что всё закончится благополучно.

Л и м е н. Врачи уверены... Врачи уверены... Соедините меня с Центральным разведывательным управлением.

(Эстер быстро набирает номер и передаёт Лимену трубку.)

Здравствуйте, Сол, говорит Джордан Лимен. Как обстоят дела на фронте холодном войны?.. Паршиво, говорите? Я тоже такого мнения... Что это, кстати, за передача по радио относительно Якутии?.. Только сегодня? От кого?.. Ах, военная разведка... Но тогда каким образом об этом узнали газетчики?.. Хорошо, когда выясните, немедленно сообщите... Совершенно верно... И я надеюсь, Сол, что вы срочно проверите все эти данные по своим каналам. Прекрасно... Дня три, не меньше? Это много, Сол... Хорошо. И ещё раз прошу осторожно, выяснить, каким путём эти сведения попали в печать... Жду звонка. *(Положил трубку.)* Эстер, сообщите всем членам Национального Совета Безопасности, что во вторник утром состоится экстренное заседание.

Эстер. Во вторник? Это значит, через пять дней?

Л и м е н. Да, через пять дней. До вступления договора в силу остаётся полтора месяца. Мы должны избегать неосмотрительных действий. *(Задумался.)* Интересно, если через пять дней в этом кресле будет сидеть Скотт, какое решение он примет по якутскому вопросу!

Э с т е р (*отвечая на телефонный звонок*). Слушаю. Да-да, здравствуйте... Это мистер Джирард, шеф. Из Гибралтара.

Л и м е н. Поль?

(*Где-то у портала высвечивается будка телефона-автомата. В ней Джирард.*)

Д ж и р а р д. Здравствуй, босс! Так вот, новости или превосходны, или отвратительны. Всё зависит от того, с какой стороны смотреть.

Л и м е н. Это значит...

Д ж и р а р д. Это значит, что наши подозрения подтвердились. Полностью. Здешний деятель человек ловкий, точнее, настоящий угорь. Однако я всё получил в письменном виде. И мы оба подписались.

Л и м е н. О боже!

Д ж и р а р д. Босс!

Л и м е н. Да.

Д ж и р а р д. Вы не беспокойтесь, хотя мне это нравится не больше, чем вам. Всё будет хорошо. Я сейчас на пути домой.

Л и м е н. Ты должен вернуться как можно скорей.

Д ж и р а р д. Через два часа пять минут я вылетаю прямо в Вашингтон. К ужину я обязательно буду у вас.

Л и м е н. Это держи в кармане, не клади в портфель.

Д ж и р а р д. Конечно. Вы помните ту старомодную штучку, которую подарили мне сто лет назад? Так вот. Сегодня она как раз пригодится.

Л и м е н. А не получится так, что твой деятель возьмёт да обратится к нашему... Ну, к тому, что сейчас у нас тут?

Д ж и р а р д. Никогда, босс. Вам нужно было лично поговорить с этим парнем, чтобы получить о нём представление.

Л и м е н. Ну что ж, Поль, будь осторожен. Кстати, подумай, что нам следует предпринять дальше.

Д ж и р а р д. Хорошо, встретимся за ужином.

Л и м е н. Жду.

(*Джирард выходит из телефонной будки, вынимает сигарету из знакомого нам серебряного портсигара, закуривает и после сладкой затяжки медленно удаляется. Сразу*

же появляется Человек в штатском, который фланирующей походкой направляется вслед за Джирардом.)

(Задумчиво.) А знаете, о чём я сейчас подумал, Эстер? Если сообщения из Якутска соответствуют действительности, значит, предсказания Скотта подтвердились. Так имею ли я право бороться с ним?

Затемнение

СРЕДА. СЕРЕДИНА ДНЯ. НА БАЗЕ «У»

Небольшая комната в сборном домике. Две двери: одна входная, другая — в туалетную комнату. Слышен шум проезжающих тяжёлых машин. У окна со спущенными жалюзи стоит Кларк и делает какие-то пометки на клочке бумаги. Когда шум машин прекратился, Кларк начинает нервно ходить по комнате из угла в угол, потом подходит к двери и изо всех сил бьёт по ней кулаком. Никакого ответа. Наконец, Кларк, вконец обессиленный, ничком валится на узкую походную кровать. После большой паузы в комнату входит полковник Бродерик.

Бродерик. Эй, вы, как вас там? Я начальник здешнего гарнизона. Мне доложили, что вы хотите разговаривать только со мной.

Кларк (*В бешенстве вскочил с кровати*). Да, с вами, с вами, чёрт вас побери совсем! Ваши люди, полковник, не очень-то любезны, и я...

Бродерик. Мои люди делают то, что им приказано.

Кларк. Кто дал вам право держать меня тут взаперти вторые сутки?

Бродерик. Вот что, парень, давай сразу условимся — задавать вопросы здесь буду я. Какого дьявола тебе нужно тут и кто тебя сюда подослал? Ну, живо!

Кларк. О-го-го! Поаккуратней, полковник! Я — сенатор Реймонд Кларк.

Бродерик. Может, ты ещё и папа римский по совместительству.

Кларк. Вот мои документы. А вы, судя по всему, полковник Бродерик?

Бродерик. Откуда вам известна моя фамилия?

Кларк. Я как-никак член военной комиссии сената. Что вас ещё интересует, полковник?

Бродерик. Меня интересует, почему вы до сих пор выдавали себя не за того, кем вы в действительности являетесь?

К л а р к. Вы полагаете, что я обязан перед вами отчитываться?

Б р о д е р и к (*возвращает документы*). Ладно, сенатор, объясните, в чём, собственно, дело?

К л а р к. Вот это другой разговор. Просто я совершаю небольшую частную инспекционную поездку и вот заглянул сюда.

Б р о д е р и к. Это нарушение правил, сенатор, нарушение правил. Я надеюсь, вам известен совершенно секретный характер этой базы. Председатель вашей комиссии сенатор Прентис заверил нас, что никто не будет посещать базу. Мы не хотим выдавать своего расположения.

К л а р к. О, ваши слова звучат весьма таинственно. Но дело в том, что я в жизни не слышал об этой базе.

Б р о д е р и к. Откуда же вы тогда узнали, где она находится?

К л а р к. Услышал в Эль-Пасо. Я направился на авиационную базу в Уайт-Сэндс.

Б р о д е р и к (*резко*). Кто вам сказал о базе?

К л а р к. Вот что, полковник, я прибыл к вам как сенатор и полагаю, что задавать вопросы всё-таки моё дело. А теперь, с вашего позволения, я хотел бы позвонить в свою канцелярию и дать знать о своём местонахождении. Потом можете показать мне базу, и я уеду.

Б р о д е р и к. Боюсь, что это невозможно, сенатор. Телефонные разговоры, которые могут раскрыть дислокацию базы, воспрепятствуются.

К л а р к. Тут у вас, я вижу, не очень гостеприимны.

Б р о д е р и к (*резко*). Вы напрасно тратите своё время и моё тоже. Ваша комиссия уже знает всё, что ей положено, об этой базе.

К л а р к. Мне не хотелось бы называть вас лжецом, Бродерик, но ни один из членов комиссии по вооружённым силам о вашей базе ничего не знает.

Б р о д е р и к (*после паузы*). Послушайте, сенатор, почему бы вам не позвонить сенатору Прентису в Вашингтон и не спросить его?

К л а р к. Прекрасно, полковник. Я с удовольствием поговорил бы с кем-нибудь из внешнего мира.

Б р о д е р и к *(подойдя к двери)*. Сержант, соедините меня с сенатором Прентисом в Вашингтоне. Сначала попробуйте позвонить ему в кабинет, а потом — домой.

К л а р к. Ну и духота у вас. Чем вы тут дышите, полковник?

(Бродерик молчит. Долгая пауза. Наконец входит Солдат с телефонным аппаратом в руках и включает его в розетку.)

Б р о д е р и к *(в трубку)*. Хэлло! Сенатор? Говорит полковник Бродерик. Здесь у меня ваш друг, сенатор Реймонд Кларк. Да, так точно. Он думает, что у нас на базе какие-то неполадки. Да, сэр, даю.

К л а р к *(берёт трубку)*. Фред, что же это творится, чёрт возьми? Бродерик утверждает, что комиссия знает об этой базе, а я впервые о ней слышу. Как попал? Случайно, Фред, совершенно случайно. Вот приеду, расскажу тебе подробно. Во всяком случае, если все наши военные тайны так охраняются, мы плохо, в конце концов, кончим. Вот тут я согласен. Ладно, передаю трубку.

Б р о д е р и к. Да, сэр. Разумеется. Слушаю, сенатор. Я прекрасно понимаю. Хорошо. Всего доброго, сэр. *(Положил трубку.)* Ну, надеюсь, вы удовлетворены, сенатор? Располагайтесь как дома, а я сейчас отдам кое-какие распоряжения и сразу же вернусь и покажу вам базу. Мы очень гордимся ею.

К л а р к. Давайте начнём осмотр сейчас же, если не возражаете.

Б р о д е р и к. Это невозможно, сенатор, невозможно. Увидимся позже. Осмотрим базу, когда станет прохладней.

(Бродерик выдернул шнур из розетки и сгрёб телефон под мышку.)

К л а р к. Что это значит, чёрт побери?

(Бродерик только подмигнул и вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь. Кларк попробовал открыть её, но она оказалась запертой. Медленно тянется время. С рёвом проносится на посадку тяжёлый самолёт. Другой. Третий. Кларк вновь занимает позицию у окна и делает по-

метки на своей бумажке. Через некоторое время входит С о л д а т и ставит на стол покрытый салфеткой поднос.)

С о л д а т. Привет от полковника, сэр. Приказано передать, что он вынужден срочно выехать, и вернётся к субботе.

К л а р к. Что-о?

С о л д а т. Он говорит, чтобы вы чувствовали себя как дома.

К л а р к. Вот что, сынок, я не намерен сидеть взаперти в этой комнате, я выйду с тобой.

С о л д а т. Прошу прощения, сэр.

(С о л д а т уходит, закрыв за собой дверь. К л а р к пытается высадить дверь плечом, но она не поддается. Он серьезно встревожен. Долгая пауза.)

В изнеможении, присев к столу, он наконец замечает накрытый салфеткой поднос, сдёргивает салфетку и обнаруживает хорошо сервированный завтрак и бутылку виски. Машинально налив полный бокал, К л а р к собирает его выпить и... надолго задумывается. Потом берёт со стола бокал и бутылку и медленно, тяжело идёт в туалетную комнату и выливает их содержимое в раковину умывальника, которая видна через открытую дверь.)

Затемнение

СРЕДА. ВЕЧЕР. БЕЛЫЙ ДОМ

Лимен, Тодд, Эстер с напряжённым вниманием слушают радиопередачу.

Радио. ...в горах Сьерра-де-Гвадаррама, северо-западнее Мадрида, взорвался в воздухе трансокеанский реактивный лайнер. Как полагают, при катастрофе погибло двести одиннадцать человек, в числе которых был и Поль Джирард, специальный помощник президента Лимена. По имеющимся сведениям, оставшихся в живых нет. Представители авиационной компании не могут сразу представить объяснения о причине катастрофы. Для того чтобы обезопасить себя при воздушных путешествиях, фирма «Сэни-Сеймс» рекомендует всем приобрести по баснословно дешёвой цене...

(Лимен выключает радио. Долгая пауза.)

Эстер. Боже мой, какой ужас!

Тодд. Да-а!.. Через полчаса сюда налетят газетчики с вопросами о том, что делал Джирард в районе Средиземного моря...

Лимен *(дрожа от гнева)*. Я потерял самого близкого друга, а вы горюете о том, что подумают эти жалкие репортёришки. Неужели вы действительно думаете, что это так важно? *(После паузы.)* Поль погиб, Поль... Вот что важно.

Тодд. Простите, господин президент, но Поль был и моим другом.

Лимен. Разумеется, Крис, разумеется... Извините меня. Просто я... *(Пауза.)* Вот что, Эстер, надо опубликовать извещение и скажите Френку, пусть набросает проект и покажет мне. Вы знаете, что я хотел бы сказать?

Эстер. Насчёт его отсутствия в городе, шеф?

Лимен. Пусть напишет, что он был за границей в отпуске. Нет, это не пойдёт... Хотя... Нужно придумать правдоподобную версию, почему он решил так быстро вернуться обратно. Много писать не надо.

Эстер. Всё понятно, шеф. *(Уходит.)*

Лимен. Много писать не надо!.. Много писать не надо!.. Не надо писать о том, что я его послал на смерть, что

он погиб, выполняя для меня грязную работу, пытаюсь спасти мою шкуру... Не надо писать, что он выполнил её так же хорошо, как делал для меня всё... Не надо писать, что я не знаю, как обойдусь без него... Написать только, что он был в отпуске!..

Т о д д *(после паузы)*. Положение серьёзное, господин президент.

Л и м е н. А у вас ещё остаются сомнения, Крис?

Т о д д. После телефонного звонка Поля, к сожалению, мы не знаем, что именно рассказал ему Барнсуэлл...

Л и м е н. Да... да... Да! Нужны точные факты, чтобы бороться. Я думаю, не послать ли кого-то к Барнсуэллу ещё раз. А может быть, поехать вам?

Т о д д. Ничего не выйдет. Барнсуэлл знает о гибели Джирарда. Не исключено, кстати, что эта катастрофа — его рук дело. Кроме того, у Поля было преимущество — элемент неожиданности, а сейчас Барнсуэлл готов ко всему.

Л и м е н. Рей, куда мог деться Рей? Вся надежда теперь на него.

Т о д д. Вы напрасно забываете о полковнике Кейси, господин президент.

(Входит Эстер.)

Э с т е р. Простите, шеф, но к вам рвётся на приём министр Томас. Он один из двадцати записавшихся на сегодня, но я не хочу беспокоить вас из-за остальных.

Л и м е н *(задумчиво)*. Томас никогда не приходит ко мне без достаточных оснований... Нет, Эстер, извинитесь и перенесите встречу на будущую неделю...

Э с т е р. Ясно. Только что опять звонил мистер Мортон. Он просил напомнить о забастовке.

Л и м е н. А, чёрт!.. Соедините меня с Линдсеем и застенографируйте разговор.

(Эстер включает селектор и набирает номер.)

Г о л о с Л и н д с е я. Клифф Линдсей слушает.

Л и м е н. Здравствуйте, Клифф, говорит Джордан Лимен. Я хотел бы знать, почему вы артачитесь? Ваша забастовка кажется мне совершенно бессмысленной. Рабочие полу-

чают хорошую зарплату, и я не вижу особых причин к недовольству.

Г о л о с Л и н д с е я. Вы знаете о событиях только со слов Мортонa. Мы не считаем его мнение объективным.

Л и м е н. Ну... скажите вы, почему бастуют рабочие.

Г о л о с Л и н д с е я. Мы требуем улучшения техники безопасности. Много несчастных случаев.

Л и м е н. Меня удивляет позиция вашей организации, Клифф. Забастовка сталепрокатчиков подрывает обороноспособность страны. Я этого не потерплю. Пора вам понять это, Клифф.

Г о л о с Л и н д с е я. Мне понадобится время, чтобы утрясти всё, господин президент.

Л и м е н. Даю вам время до понедельника. Если вы не урегулируете положение, я дам указание возбудить дело в суде. Всё. *(Положил трубку.)* Эстер, передайте запись беседы министру юстиции. Пусть готовит дело в суд.

(Эстер уходит.)

Т о д д. Не понимаю, как вы можете сейчас, когда у нас земля горит под ногами, заниматься такими пустяками...

Л и м е н *(устало)*. Забастовка — это не пустяки... Далеко не пустяки, к сожалению... Благодарите бога, Крис, что у нас пока есть средства бороться с этим... явлением.

Т о д д. Я считаю, что пора поднимать штормовой сигнал, господин президент. Мне кажется, сегодня вечером вам придётся начинать действовать.

Л и м е н. Но как? Как?

Т о д д. Вот об этом нам и нужно сейчас думать.

Затемнение

СРЕДА. ВЕЧЕР. НЬЮ-ЙОРК. КОМНАТА ШУ

Шу, миловидная молодая женщина, плашмя лежит на кушетке. Звонок входной двери. Шу быстро встаёт и делает несколько шагов к выходу. Потом останавливается. Секундное раздумье, и она, не спуская глаз с двери, медленно отступает к противоположной стене, Звонок повторяется — Шу неподвижна. И ещё звонок... Быстро, но внимательно осмотрев себя в зеркале, Шу ходит в переднюю и сразу же возвращается с Кейси.

Шу (*непринуждённо*). Никогда не видела тебя в штатском. В форме ты выглядишь куда, лучше, Джигс. Но сойдёт и так. Вполне сойдёт! (*После небольшой паузы Шу быстро подошла к Кейси и поцеловала его.*) Это за то, что вспомнил.

(Сели на противоположных концах кушетки. Закурили.)

Молчишь, полковник? Ну, молчи, молчи... Знаешь, когда ты позвонил мне сегодня утром, я даже... Откровенно говоря, я до последней минуты не знала, впускать тебя в дом или нет.

Кейси. Я всегда любил тебя за откровенность, Шу.

Шу. Любил? Интересно! Я даже не знаю, как вести себя с человеком, который исчезает с лица земли, а потом вдруг как с неба сваливается. Зачем ты свалился с неба, Джигс?

Кейси. Сам не знаю, Шу...

Шу (*после паузы*). Ты всё ещё любишь мартини?

Кейси. Люблю. Но помню, что он бывает чертовски опасен для женатого человека.

Шу (*наливая бокалы*). Значит, всё-таки помнишь?

Кейси. Начинаю вспоминать.

Шу. А я никогда и не забывала, Джигс. Даже тогда, когда... только ты не воображай — просто у меня хорошая память. (*Непринуждённо.*) Хотелось бы мне знать, ты хоть немножко ревновал меня к этому... к Скотту? (*Горячо.*) Ведь ты сам во всём виноват, Джигс, так внезапно исчез тогда!.. Я сделала это просто назло тебе! Клянусь!.. Молчишь? Ладно, всё это в прошлом — у нас с ним теперь уже всё кончено.

Кейси (*насторожился*). Конечно?

Шу. Так и есть — не поверил. Ты знаешь, смешно сказать, он влюбился в меня по уши... А я нет. Абсолютно! Ни на йоту. В конце концов, я не выдержала и сказала ему об этом. Мало того, я сказала, что ненавижу его, не больше и не меньше... Не веришь, конечно? Я могла бы легко доказать, но мне кажется, это немного унизительно для женщины... Даже такой, как я...

Кейси. Не нужно, Шу, я верю. И я ни в чём не обвиняю тебя, ни в чём...

Шу. Спасибо, Джигс. (*Шу ставит на столик свечу, зажигает её и гасит верхний свет. Пауза.*) Ты надолго приехал?

Кейси. Боюсь, что на один день, Шу.

Шу. Жаль. Пожалуй, тогда не стоит начинать всё сначала.

Кейси. Пожалуй...

Шу. Что ж, Джигс, выпьем за то, что было и чего никогда больше не будет... (*Выпила полный бокал.*)

(*Кейси к своему почти не притронулся. Пауза.*) Вот что, полковник, женский инстинкт подсказывает мне, что ты пришёл сюда совсем не ради моих прекрасных глаз. Я читаю это на твоём честном, открытом лице. Тебе нужно что-то другое. Ну, говори, в чём дело?

Кейси. Я знал, что ты почувствуешь меня. Я приехал кое-что разузнать в надежде, что ты захочешь мне помочь. Но всё должно остаться между нами.

Шу. Знаешь, несмотря на свою профессию, я не очень разбираюсь в этих ваших военных делах...

Кейси. Это политическое дело, Шу, как раз по твоему ведомству. Вашингтон — очень сложная штука, и иногда военным приходится выполнять задание, не имеющее отношение ни к бомбам, ни к ракетам.

Шу. О, это я хорошо знаю... Особенно после общения с моим бывшим любовником, генералом Скоттом. С некоторых пор я стала ещё более циничной, Джигс, извини...

Кейси (*После неловкой паузы*). Одним словом, я выполняю одно секретное поручение...

Ш у. Ой, как интересно! Мне давно хочется участвовать в каком-нибудь политическом деле погрязнее... Спрашивай меня поскорей.

К е й с и. Дело вот в чём. Нам надо знать подробно о том, что делается у вас на телевидении. Ты ведь знаешь, мы подписали договор с русскими и не все от этого в восторге.

Ш у. Это-то я хорошо знаю. Хочешь откровенно? Представь, я даже неплохо отношусь к Лимену. Он, кажется, стоящий парень!.. И, по-моему, вы хотите с ним поступить не очень-то справедливо за то, что он старается избавить нас от этой паршивой бомбы. Это мои мысли. А мои дела... Я как самая последняя скотина, проданась этому подонку Макферсону и работаю на него... Так-то.

К е й с и. Давно?

Ш у. Давно. Этот тип умеет трепаться, как заведённый, но написать не может даже собственной фамилии. Все материалы для него пишу я. Боже, если бы ты знал, Джигс, какой это подонок, какой подонок!

К е й с и. Так уйди от него.

Ш у. Он платит мне семьсот долларов в неделю, Джигс. Семьсот. Но он так меня бесит, что я трачу всё, что зарабатываю, только бы забыть как-нибудь о своей работе. *(Выпила.)* Я, кажется, скоро сопьюсь, Джигс... *(Пауза.)* Любой порядочный либеральный комментатор, который предложит мне работу, сможет заполучить меня по сходной цене — вплоть до шестисот девяноста пяти долларов в неделю. Ну, дьявол с ним, с Макферсоном, Выпьем за нас с тобой и за нашего президента, хотя я знаю, что ты, как и твой Скотт, не очень-то разделяешь мои взгляды...

К е й с и *(осторожно)*. Нет, почему же?.. В конце концов, я не обязан смотреть на мир глазами своего начальника. И мне тоже не нравится этот твой Макферсон. Интересно, до чего он может докатиться... Ты случайно не знаешь, чем он собирается ещё нас порадовать?

Ш у *(она сильно опьянела)*. Хочешь, верь, хочешь, нет — не знаю. Но на субботу он откупил у радиовещательной компании РБК целый час, с восьми до девяти вечера. Представляешь, целый час за свой счёт. Ему придётся выложить

ни больше, ни меньше шестьдесят пять тысяч из своего кармана.

К е й с и. Интересно! И часто он позволяет себе такую роскошь?

Ш у. Насколько я знаю, первый раз. Воображаю, какую грандиозную гадость он готовит! И ни одна собака не знает, о чём он собирается трепаться целый час... Даже я. А в общем, ну его к чёрту! Какая же ты всё-таки свинья, Джигс! Ты даже не выпил за моё здоровье... Хотя бы из вежливости!

К е й с и (*серьёзно*). За то, чтобы ты была счастливой, Шу. Будь! (*Пьёт.*)

Ш у. Спасибо. (*Опустилась на ковёр и положила голову к нему на колени.*) Поцелуй меня, пожалуйста, Джигс.

(*После секундной паузы Кейси крепко целует Шу.*)

Ещё... Ещё...

К е й с и (*огромным усилием воли берёт себя в руки и заставляет вернуться к прежней теме*). Шу, маленькая... скажи, какие отношения у Макферсона со Скоттом?

Ш у (*тихо*). А ты хитрее, чем я думала... У тебя даже сейчас одни дела в голове...

К е й с и. Надо же отрабатывать свои суточные!

Ш у. Суточные!.. Они друзья, Джигс, закадычные друзья и единомышленники. Когда Скотт приезжал в Нью-Йорк, он, наверное, проводил больше времени с Макферсоном, чем со мной.

К е й с и. А ну, вспомни, когда это было в последний раз.

Ш у (*вскочила*). Значит, ты так и не поверил мне? Скажи, не поверил, да? У нас с ним всё кончено, клянусь! Вот его письмо ко мне, читай! (*Достаёт пачку писем.*) Вот — он умоляет вернуться к нему... Вот — клянётся развестись с женой и жениться на мне... Вот, вот, вот...

К е й с и. Письма? Покажи. (*Зажигает верхний свет, жадно читает.*) Шу, милая, пойми меня правильно... Ты должна отдать мне эти письма.

Ш у. Зачем они тебе? Ведь ты убедился? Зачем?

К е й с и. Я не имею права сказать, Шу, просто не имею права.

Ш у (*сникла*). Наконец-то я всё поняла, полковник. Тебе нужны были только эти письма, больше ничего... (*Истерически.*) Тебя просто подослал ко мне твой шеф Джим Скотт, будь он проклят, вот и всё! Я понимаю, ему позарез нужны эти письма. Я-то знаю, он спит и видит себя президентом, как же, они могут здорово его скомпрометировать.

К е й с и. Ты ошибаешься, Шу!

Ш у. Не нужно лгать, Джигс, не нужно! Возьми эти письма, чёрт с ними. (*Тихо.*) Я это делаю не для него — для тебя, Джигс. Может быть, Скотт за усердие произведёт тебя в генералы. (*Пьёт.*) За генерала Кейси! Ура!

К е й с и. Не смей!

Ш у. Ладно, не буду... А теперь... Ты, конечно, не захочешь остаться со мной до утра, Джигс?

(*Кейси молчит.*)

Правильно, зачем тебе нужна такая подлая... пьяная... одинокая баба, как я?... Дай я поцелую тебя на прощание...

К е й с и. Прости меня, Шу. Спасибо за всё.

Ш у. Не надо!

(*Кейси крепко целует её. Долго, молча стоят они, тесно прижавшись друг к другу.*)

К е й с и. До свидания, Шу.

Ш у (*улыбаясь сквозь слёзы*). Не будем преувеличивать, Джигс. Прощай!

Затемнение

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧЕТВЕРГ. УТРО. БЕЛЫЙ ДОМ

Лимен, Тодд, Кейси.

Л и м е н (*по телефону*). Так... Так... Так... Теперь понятно. Ну что ж, Сол, мы теперь знаем с вами, как попала эта информация в печать, но меня, как вы понимаете, значительно больше интересует, насколько она соответствует действительности... Три дня? Я понимаю, что это немного... Хорошо. Надеюсь, Сол, мне не нужно вам объяснять, насколько важно нам знать это совершенно точно... Да, звоните в любое время. (*Положил трубку, устало.*) Что и следовало доказать. Обо всей этой якутской сенсации в интервью с корреспондентом компании РБК нечаянно проговорился не кто-нибудь, а Скотт. Вы понимаете, нечаянно!

Т о д д. Для того, чтобы додуматься до такой простой вещи, не нужно быть директором Центрального Разведывательного Управления.

Л и м е н. Разница между вами и Солом Лайберменом в том и состоит, что то, о чём вы только догадываетесь, он выясняет точно, К сожалению, ещё не ясно, что же это на самом деле — газетная утка, которую вовремя выпустил Скотт, или прямое предательство наших партнёров по договору. (*Думая вслух.*) Хорошо, предположим худшее... Что я должен делать, если это действительно так?.. Что я должен... Немедленно связаться с русскими... Немедленно!.. И выяснить всё на месте... Да-да, именно на месте — в Якутске... Только так!.. А что вы думаете по этому поводу, Крис?

Т о д д. Если вас интересует моё личное мнение, господин президент, то я считаю, что русские ничуть не глупее нас, и они так же, как и мы, не хотят, чтобы весь мир полетел вверх тормашками от этой трижды проклятой бомбы. Война в наше время — совершенно бесперспективное предприятие! Я без всякого энтузиазма отношусь к коммунистам, но сейчас склонен больше доверять им, чем Скотту. Вот так! Однако сегодня этот вопрос мало меня интересует — договор вступа-

ет в силу только через шесть недель. Гораздо важнее то, что может произойти через два дня. Не следует ли задуматься в первую очередь над тем, что мы и здесь ТОЧНО знаем слишком мало. Предположения полковника Кейси, к сожалению, подтвердились, но доказательства! Доказательств у нас нет по-прежнему. Нет, вы напрасно отмахиваетесь от этих писем. Они представляют значительный интерес.

Л и м е н. Крис, неужели вы, в самом деле, думаете, что я пойду на это? Использовать письма мужчины к женщине, чтобы выбить его из седла...

Т о д д. Клянусь богом, когда речь идёт о подготовке государственного переворота, я бы использовал все доступные средства.

Л и м е н. А что вы думаете об этом, Джигс?

К е й с и (*в замешательстве*). Право, не знаю, сэр... Пожалуй, этими письмами генерала действительно можно нокаутировать... Но с другой стороны... Я, видите ли, довольно хорошо отношусь к Шу, и мне...

Л и м е н. Не нужно продолжать, полковник, я очень хорошо понимаю вас... Очень!.. Нет, в первую очередь надо выяснить, что случилось с Реем. Господи, не может же сенатор Соединённых Штатов просто так взять и исчезнуть!

Т о д д. Простите, но я плохо понимаю вас, господин президент. Предположим, что сенатор Кларк появится здесь через десять минут. Я беру оптимальней вариант, появится трезвый...

Л и м е н. Не забывайте, что Рей мой друг...

Т о д д (*не обращая внимания на слова Л и м е н а*). Предположим даже, что он привезёт доказательства того, что «Оскосс» существует... Вы считаете, что этого будет достаточно, чтобы свалить Скотта?

Л и м е н (*упрямо*). Я надеюсь на Рея...

Т о д д. Это только надежда, но не реальность, господин президент. Я считаю, что настало время вступить в борьбу.

Л и м е н (*вяло*). Что вы предлагаете, Крис?

Т о д д (*вынимая свой блокнот*). У меня есть кое-какие соображения. Во-первых, я вызвал бы сюда Скотта и отстранил его.

Л и м е н. Под каким предлогом?

Т о д д. За самочинное создание «Оскосс». Если он зартачится, я пригрозил бы ему письмами, которые привёз полковник Кейси, а если и это не подействует, всё равно отстранил бы его от должности и запер в одной из комнат этого дома под охраной. Во-вторых, я назначил бы одного из тех, кому доверяю, — скажем, генерала Палмера — на место Скотта и приказал ему немедленно расформировать «Оскосс». Наконец, я бы вызвал роту солдат и разместил на несколько дней вокруг Белого дома.

Л и м е н (*устало улыбнулся*). Ну, Крис, тут целый ворох предложений. Вы уверены, что ничего не забыли?

Т о д д. Да, ещё вот что. Я вызвал бы директора этой телевизионной кампании и попросил его в качестве личного одолжения не давать Макферсону времени в субботу.

Л и м е н (*после долгого молчания*). Крис, единственный недостаток вашего предложения в том, что его осуществление только поможет Скотту прийти к власти.

Т о д д. Ну, знаете!..

Л и м е н. Знаю. Газеты поднимут страшный вой, требуя моего скальпа — как же, без всяких оснований отстранили популярнейшего генерала!.. Конгресс придёт в ярость. Начнутся расследования, и прежде чем это кончится, меня упрячут в больницу, и половина психиатров страны удостоверит, что я страдаю манией преследования. И после этого Скотт слопаёт страну со всеми потрохами.

Т о д д. Но Скотт же будет смещён!

Л и м е н. Не более, чем на неделю, если не меньше. Давление будет слишком сильным, и его придётся вернуть на прежний пост. С этого момента Скотт получит возможность бесконтрольно управлять страной.

Т о д д (*резко*). Чёрт возьми, господин президент, вы просто фантазируете! Не забудьте, что вы принесли присягу защищать конституцию Соединённых Штатов против всех врагов, и если не будете действовать решительно, то нарушите свою клятву.

Л и м е н (*кричит*). Не говорите мне о присяге! Может быть, вы великий адвокат, но как я выполняю мои обязанности — это моё дело!

Т о д д (*так же*). Между прочим, это страна моя так же, как и ваша, Джордан. И я не намерен стоять в стороне и смотреть, как она катится в пропасть, потому что вы не хотите считаться с реальными фактами. Почему вы не воспользуетесь этим? (*Размахивает письмами.*)

Л и м е н. Не хочу.

Т о д д. У вас не хватает смелости!

Л и м е н. Я не сторонник шантажа. И меня удивляет, что шантаж в некоторых кругах считается обычным делом.

Т о д д. Хорошо, чёрт возьми, тогда предложите что-нибудь сами. Мне надоело разговаривать. Пора действовать, а вы ведёте себя, как страус...

Л и м е н. Да поймите же вы, что решить вопрос так, как вы предлагаете, просто невозможно. Эх, если бы Рей был здесь!..

Т о д д. Боже мой, неужели вы не можете принять решение, если сенатор Кларк не держит вас за руку?

(*Входит Эстер.*)

Э с т е р. Прошу прощения, шеф, у меня радостное сообщение.

Л и м е н. Рей? Где он? Да говорите же!

Э с т е р. О нет, не от него, к сожалению... Дело в том, что вы только что стали дедушкой. Теперь у вас есть внучка. Лиз чувствует себя прекрасно...

Л и м е н. Боже мой! Я совсем забыл. Всё утро собирался позвонить Дорис. Джентльмены, прошу извинить меня, но я должен позвонить миссис Лимен...

Э с т е р (*переключает телефон*). Может быть, вы позволите зайти сюда двум-трём фоторепортерам и сделать несколько снимков? Они вам не помешают. А то ребята из пресс-бюро думают, что вы заболели...

Л и м е н. Конечно, конечно... (*По телефону.*) Хэлло! Хэлло! Дорис?

(Кейси уходит в глубину кабинета. Входят несколько Репортеров. С разных точек они фотографируют Лимена.)

Г о л о с Д о р и с. Джорди? Ты уже всё знаешь? Ты рад?

Л и м е н. Ну, конечно, дорогая. Как Лиз?

Г о л о с Д о р и с. Лиз чувствует себя превосходно... Она просит поцеловать тебя...

Л и м е н. Передай ей трубку.

Г о л о с Д о р и с. Что ты, Джорди, она ещё слишком слаба. Ребёнок родился здоровенький, со всем, что полагается и с очаровательными морщинками... Все говорят, что он похож на деда, то есть на тебя, Джорди... Ты рад?

Л и м е н. Ну, разумеется. Как решили назвать мальчика?

Г о л о с Д о р и с. Как тебе не стыдно, Джорди! Это девочка и совершенно очаровательная... Ты согласен, если мы назовём её Френсис?

Л и м е н. Пусть будет так, как хотят дети. Поцелуй за меня Лиз, родная. До скорой встречи.

Г о л о с Д о р и с. Ты прилетишь к нам сегодня, надеюсь?

Л и м е н. Боюсь, что мы увидимся не раньше, чем в воскресенье, я страшно занят. В связи с договором дел у меня по горло. Ну, ещё раз целую вас всех. До свидания. *(Положил трубку.)*

П е р в ы й ф о т о р е п о р т ё р. Поздравляем вас, господин президент...

В т о р о й ф о т о р е п о р т ё р. Вы слишком уж серьёзно выглядите для вновь испечённого деда. Может быть, вы всё-таки улыбнётесь, а?

(Лимен через силу улыбается. Вновь щёлкают затворы фотокамер, вспышивают блицы.)

П е р в ы й ф о т о р е п о р т ё р. Может, вы нам расскажете заодно, господин президент, чем вы занимаетесь всю неделю? Отменили все встречи... Наши ребята страшно интересуются!

Л и м е н. Вы не слушали, Пит, что я сказал по телефону своей жене — договор и только договор. А теперь прошу извинить, друзья, давайте закончим эту незапланированную встречу. Я очень занят.

(Корреспонденты не без помощи Эстер удаляются. Пауза.)

К е й с и *(тихо)*. Я поздравляю вас, сэр. От всего сердца.

Т о д д. Я, конечно, присоединяюсь к полковнику, но... Мне думается, нам пора продолжить начатый разговор. Вы хотя бы согласны, что нам нужно действовать до того, как станет поздно?

Л и м е н. Боюсь, Крис, что мне придётся немного... Я что-то расклеился...

Э с т е р. Я так и знала, что этим может кончиться, шеф. Дайте-ка ваш пульс...

Л и м е н. Пройдёт, Эстер, я ведь двужильный.

Э с т е р. Где логика? Мы избираем человека президентом, а потом стараемся как можно скорее его угробить. Иногда мне кажется, что идёт какое-то непрерывное состязание, кто рухнет раньше — президент или страна. Вам придётся лечь, шеф, и я сейчас же вызову врача.

Л и м е н. Хорошо, хорошо, я лягу, Эстер... Но давайте условимся, доктору мы ничего не скажем. Вы же знаете, дорогая, что я сейчас не имею права болеть.

Э с т е р. Так и быть, шеф. Но сейчас — в постель и не меньше чем часа на два.

Л и м е н. Ничего не поделаешь, друзья, приказано два часа лежать. А может, оно и к лучшему? Я подумаю, вы подумаете — глядишь, и меньше ошибок наделаем.

(Лимен и Эстер выходят.)

Т о д д. Что скажете, полковник?

К е й с и *(задумчиво)*. До последнего времени я наивно думал, что в нашей стране достаточно выбрать президентом порядочного человека и всё будет хорошо. Теперь я вижу, этого мало...

Т о д д. Простите, полковник, у нас сейчас нет времени для абстрактных размышлений. Президент прав в одном — юридических доказательств того, что заговор действительно

существует, у нас, к сожалению, нет, но мы не имеем права сидеть, сложа руки, и ждать, пока эти доказательства свалятся нам с неба. А что будет, если их не будет и завтра, и послезавтра?

К е й с и. Доказательства! Может быть, всё-таки мне следует поехать к адмиралу Барнсуэллу, сэр?

Т о д д. Н-не знаю... Во всяком случае, это очень рискованно, полковник. Кстати, что вы думаете о смерти Джирарда? Эта авиационная катастрофа! Мне всё время кажется, что такие случайности происходят только в плохих романах. Тут нужно обдумать все варианты, полковник. Все.

Затмение

ЧЕТВЕРГ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. НА БАЗЕ «У»

Положив голову на согнутые руки, тяжёлым сном спит Кларк, сидя перед столом, Перед ним две пустые бутылки из-под виски. Входит полковник Гендерсон.

Гендерсон. Сенатор Кларк?

(Кларк подскочил.)

Я полковник Гендерсон, сэр, исполняющий обязанности начальника базы.

Кларк. Слава тебе господи, наконец-то! *(Осторожно.)* А где же полковник Бродерик?

Гендерсон. Приказ, сэр. Его вызвали на день-два.

Кларк. Рад с вами познакомиться, полковник... А знаете, ваш приятель Кейси и мой хороший друг. Он о вас очень высокого мнения. Мэтт, так кажется?

Гендерсон. Да, сэр. Откуда вы знаете Джигса?

Кларк. Зовите меня Реем, Мэтт. С некоторых пор мы очень близки с ним, очень... Скажите, вы верите Джигсу?

Гендерсон. Абсолютно.

Кейси. Немедленно позвоните ему в Вашингтон и, я уверен, что вы тогда сможете мне выбраться из этой дыры.

Гендерсон. Мне очень жаль, но приходится просить вас остаться в этом домике, сенатор.

Кларк. Позвоните Джигсу, и вы всё поймёте.

Гендерсон *(в замешательстве)*. Откровенно говоря, он мне сам звонил, сэр. Он сказал, что по телефону не может объяснить всё подробно, но просил разыскать вас и сделать всё, что вы скажете. Однако полковник Бродерик перед своим отъездом приказал мне задержать вас до его возвращения. Признаться, я не понимаю, зачем это нужно, но приказ есть приказ. Только вы не беспокойтесь, сэр, полковник распорядился обеспечить вас всем необходимым. Не хотите ли поужинать?.. Может быть, выпить?

Кларк *(после паузы)*. Ваш начальник, Мэтт, был настолько любезен или вернее, настолько подл, что снабдил меня этим добром. Видите бутылки? Я вылил их в унитаз.

Гендерсон. Не понимаю...

К л а р к. Я слабоват насчёт выпивки, Матт, и ваш хозяин знает об этом, вернее, узнал после разговора с сенатором Прентисом.

Г е н д е р с о н. С Прентисом?

К л а р к. Да, с Прентисом, председателем военной комиссии сената. Вот что, полковник, у меня нет другого выхода, и я вынужден рассказать вам то, о чём не мог говорить Джигс по телефону. Знаете ли вы, что когда в прошлое воскресенье вы говорили Кейси об «Оскосс», он понятия не имел, что это такое?

Г е н д е р с о н. Откуда вы знаете, что я виделся с Джигсом в воскресенье?

К л а р к. Он сам рассказывал об этом мне и... ещё некоторым людям. Больше того, президент Лимен тоже никогда не слышал об этой базе.

Г е н д е р с о н. Не могу поверить, сэр. Полковник Бродерик всё время ездит в Вашингтон для доклада начальству.

К л а р к. Для доклада генералу Скотту, но не верховному главнокомандующему. А теперь, Матт, я скажу то, что вам и во сне не могло присниться. Для того, чтобы сорвать договор о ядерном разоружении с русскими, генерал Скотт намерен в эту субботу свергнуть президента, захватить власть и установить в стране военную диктатуру. Именно для этой цели создана ваша часть.

Г е н д е р с о н. Трудно поверить в это, сенатор.

К л а р к. Не спешите делать выводы, Матт, не спешите. Мне известно, что в ближайшее время весь личный состав «Оскосс» должен быть переброшен по воздуху для ведения боевых действий. Двенадцать транспортных самолётов уже прибыли, да?

Г е н д е р с о н. Да, сэр. Но это будет обычная учебная тревога...

К л а р к. Обычная? А для какой цели создано ваше подразделение? Почему сам факт его существования держат в секрете от президента? Разве не вы не говорили Джигсу, что вам кажется странным, почему в боевой подготовке вашей части уделяется больше внимания захвату объектов, а не обо-

роне их? Что же, чёрт возьми, здесь происходит, Мэтт, если не подготовка к свержению правительства?

Гендерсон *(после паузы)*. Если говорить откровенно, у меня есть кое-какие сомнения насчёт нашей части, но то, что вы сказали, — в это трудно поверить... *(Пауза.)* Что же вы от меня хотите, сенатор?

Кларк. Вы должны немедленно выпустить меня с этой базы. И я хочу, чтобы вы полетели со мной в Вашингтон.

Гендерсон. Вы знаете, сенатор, что это невозможно, Я офицер и подчиняюсь приказам. Я никогда ещё не нарушал приказов.

Кларк. Никогда, Мэтт?

Гендерсон. Никогда.

Кларк. Тогда я приказываю вам от имени главнокомандующего.

Гендерсон *(в смятении)*. Я понимаю, что президент может отменить приказ Бродерика, но вы-то не имеете такого права.

Кларк. Полковник, если вы будете упорствовать, вы рискуете собственными руками погубить страну.

Гендерсон. Вы никак не можете понять, сенатор, что мне приказано держать вас здесь.

Кларк. Вы тоже никак не можете понять, что я имею устное полномочие президента приказывать вам.

Гендерсон *(уныло)*. Вы штатский человек, и в этом всё дело. Если я послушаюсь вас, меня могут расстрелять, или в лучшем случае влепят двадцать лет тюрьмы. У меня жена и две маленькие девочки...

Кларк *(после долгой паузы)*. Ладно, Мэтт, а как вы смотрите на такое предложение: мы выезжаем из базы и едем по направлению к Эль-Пасо до первой телефонной будки. Я соединяю вас с президентом, вы объясните ему обстановку и попросите указаний. Клянусь богом, это должно удовлетворить любого военного, в каком бы ранге он ни был.

Гендерсон *(после долгого раздумья решительно подходит к двери и распахивает её)*. Сержант!

(Входит Сержант.)

Вы свободны, сержант, можете отправляться в казарму. Я беру штатского на своё попечение. (*Кларку.*) Берите свой пиджак и выходите.

Сержант. Прошу прощения, полковник, но мне приказано не выпускать этого гражданского.

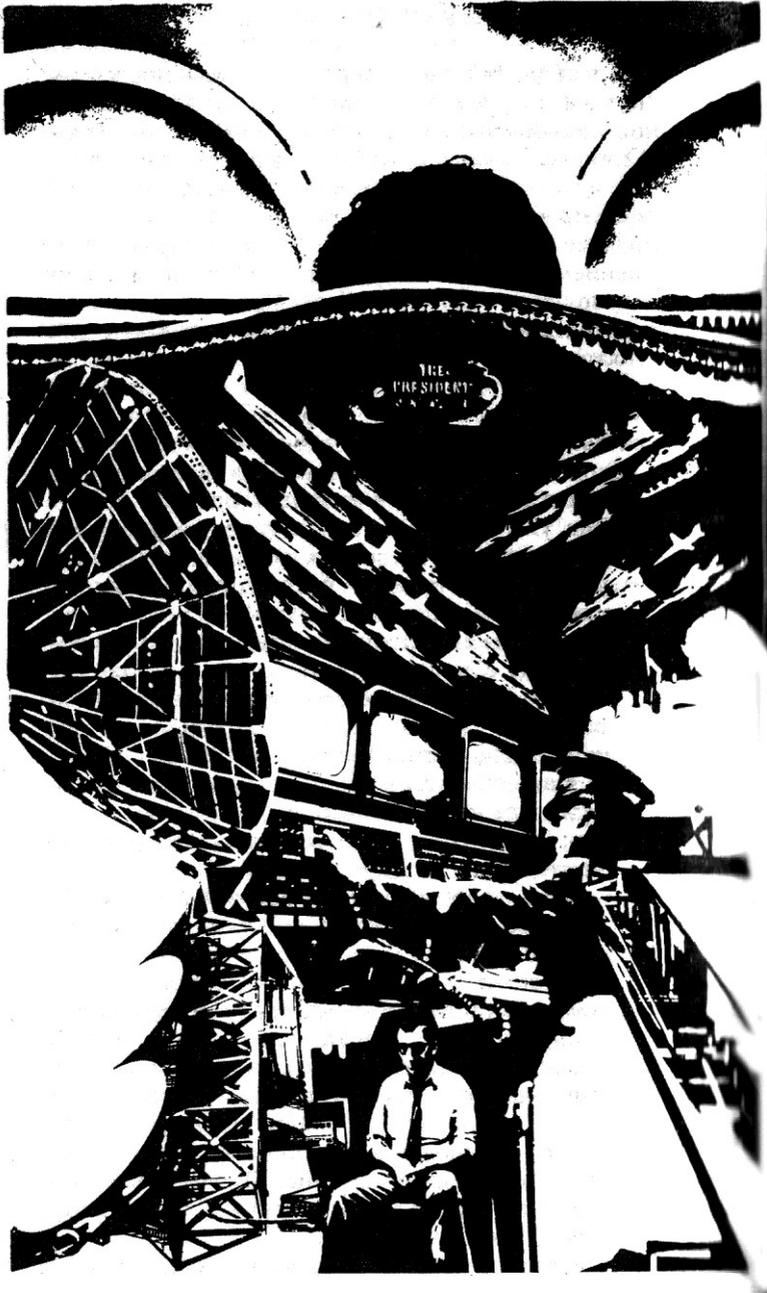
Гендерсон. Не беспокойтесь, сержант. Я сейчас исполняю обязанности начальника базы и сам буду сопровождать его в город.

Сержант. Полковник Бродерик сказал «нет», сэр. Перед отъездом он велел ни при каких обстоятельствах не выпускать этого человека из базы, да и вообще никого.

Гендерсон (медленно). Молодец, сержант... (*Внезапно мощным ударом в челюсть бросает Сержанта на пол.*) В машину, сенатор, быстро!

(*Кларк и Гендерсон выбегают из комнаты. Оглушённый Сержант медленно поднимается с пола, потом, сообразив, что произошло, бросается к двери, но она заперта.*)

Затемнение

ПЯТНИЦА. ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ. БЕЛЫЙ ДОМ

Кларк, Тодд, Эстер и Лимен. У президента серое лицо, под глазами мешки, в волосах, кажется, прибавилось седины.

Т о д д. Из всей этой истории ясно одно — поездка сенатора Кларка мало что нам дала, зато мы многое потеряли...

К л а р к. Что вы хотите этим сказать?

Т о д д. Только одно — теперь они знают, или, во всяком случае, догадываются, что нам известно всё, и это плохо.

Л и м е н. Да-а! (*Эстер.*) В котором часу, указывалось в донесении, они собрались на квартире у Скотта?

Э с т е р. В третьем часу, шеф. (*Смотрит в блокнот.*) Генерал Райли подъехал в два пятнадцать, а сенатор Прентис — в два двадцать три.

К л а р к. Да, похоже, что из тёплых постелек их подняло сообщение о том, что мы с Гендерсоном сбежали с базы. Так что же, Крис, по-вашему, мне лучше было сидеть там пай-мальчиком и не спешить с возвращением?

Л и м е н. Не говори глупостей, Рей.

Т о д д. Во всяком случае, у них было о чём поговорить этой ночью. Скажите спасибо, Рей, хоть за то, что с самолётом, на котором вы летели, ничего не случилось.

К л а р к (*задумался*). Поль!.. Не могу привыкнуть к этой мысли, не могу. Налей мне виски, Джорди.

Л и м е н (*наливая виски*). Рей, я горжусь тобой... Тем, что ты вылил тогда эти две бутылки в унитаз, там, в Эль-Пасо.

К л а р к. То были чрезвычайные обстоятельства...

Т о д д (*упрямо*). А доказательств у нас как не было, так и нет.

К л а р к. Есть. Живое доказательство, что «Оскосс» существует, отсыпается сейчас в моей постели.

Т о д д. Я думаю, господин президент, что этот полковник Гендерсон должен быть сейчас с нами. Он наверняка сумеет рассказать, как действует это их адское заведение.

Л и м е н. Совершенно согласен. Почему ты сразу не привёз его, Рей?

К л а р к. Он был совершенно негоден к употреблению, босс, совершенно. Всю дорогу он нервничал, как истеричная дама, уверял, что совершил ошибку, что его обязательно расстреляют и прочее в этом роде. Когда вы успокоили его по телефону, у него наступила дикая реакция, он обмяк и сразу заснул как убитый.

Т о д д. Согласитесь, сенатор, оставлять сейчас его одного неосторожно. Я предпочёл бы, чтобы этот нервный полковник отсыпался где-нибудь в соседней комнате.

Л и м е н. Эстер, прошу вас, пошлите кого-либо из моей охраны — Корвина, например, — пусть немедленно поедет на квартиру к сенатору Кларку и привезёт полковника Гендерсона сюда.

Э с т е р. Понятно. *(Уходит.)*

Т о д д. А теперь, господин президент, я полагаю, надо немедленно позвонить Прентису. Если вы будете молчать — это ещё больше насторожит их. Посмотрим, что он скажет насчёт ареста своего коллеги.

(Л и м е н набирает номер телефона и включает громкоговоритель.)

Г о л о с П р е н т и с а. Сенатор Прентис слушает.

Л и м е н. Добрый день, Фред, говорит президент. Я хотел бы услышать вашу версию телефонного разговора, который был у вас в среду днём с сенатором Кларком, находившимся на какой-то там базе в Эль-Пасо.

Г о л о с П р е н т и с а *(совершенно спокойно)*. С Реем? Тут какая-то путаница, президент. Я что-то не помню, чтобы мне приходилось в среду или позднее разговаривать с ним по телефону.

Л и м е н. Кому же я должен верить — вам или Рею?

Г о л о с П р е н т и с а. Боюсь советовать, господин президент. Возможно, что сенатору Кларку опять что-то приснилось после очередной порции виски.

К л а р к *(про себя)*. Сволочь!

Л и м е н. Благодарю. Ваши разъяснения, как всегда, были чрезвычайно полезны, сенатор. (*Кладёт трубку.*) Не так-то просто их заставить врасплох, Крис.

К л а р к. Да, они не зря провели время сегодня ночью. Обмозговали, видимо, все варианты.

Л и м е н. Если размышлять логически, Скотт, зная, что тайна перестала быть тайной, может, попытаться ускорить события.

Т о д д. Господин президент, повторяю: надо немедленно принимать меры. Немедленно.

Л и м е н. Твоё мнение, Рей?

К л а р к. Чёрт его знает! Пожалуй, сидеть и ждать у моря погоды — самое глупое, что сейчас можно придумать.

Л и м е н. Крис, когда, по-вашему, может возвратиться Кейси?

Т о д д. Трудно сказать. Если ему всё-таки придётся встретиться с Барнсуэллом — не раньше ночи. И это в том случае, если на обратном пути всё будет благополучно.

Л и м е н. Вы всё-таки думаете, что...

Т о д д. Я думаю, что, адмирал Барнсуэлл не из тех парней, которые любят, когда им кладут пальцы в рот. Особенно два раза подряд. Надо начинать немедленно, господин президент. Немедленно.

Л и м е н (*после долгого раздумья*). Нет, ещё не время. С минуты на минуту должен появиться генерал Палмер, послушаем, что он посоветует.

Т о д д. Вы хотите открыть ему все карты?

Л и м е н. Не вижу другого выхода, Крис, не вижу.

К л а р к. Погодите, ребята! Я ничего не понимаю.

Л и м е н. Прости, Рей, я забыл тебе рассказать. Пока ты отсиживался на этой своей базе, Барни кое-что сделал для нас. А сегодня утром он звонил мне о каких-то подозрительных перелётах, и я просил его...

(*Входит Эстер.*)

Э с т е р. Извините, шеф, плохая новость. Только что звонил Корвин. Полковника на месте не оказалось. В комнате следы борьбы. Соседи показали, что примерно час назад к дому подъехала военная машина. Из неё вышли двое, через

несколько минут вернулись в сопровождении третьего, видимо, это был Гендерсон, и увезли его в неизвестном направлении. Корвин пытается сейчас выяснить, куда они запрятали полковника. Позвонит, как только узнает что-нибудь.

Л и м е н (*после большой паузы*). Хорошо... Сразу же соедините его со мной...

(Э с т е р уходит.)

Т о д д. Наше единственное доказательство. Живое! Во всяком случае, час назад оно было ещё живым!

К л а р к. Я — кретин, кретин, кретин!.. И ещё уверял Матта, что в Вашингтоне он будет в полной безопасности! Кретин!

Л и м е н. Вы правы, Крис, надо начинать действовать... В первую очередь... в первую очередь... в первую очередь надо освободить Гендерсона... Но где он? Где?

Т о д д. Пожалуй, у Скотта спрашивать об этом не имеет смысла. Я бы обратился в Центральное Разведывательное Управление.

Л и м е н. А вы знаете, чем дышит Сол Лайбермен? Нам ещё повезло, что он не работает на Скотта. Пока!.. *(Пауза.)* Помогите мне бог снести это бремя!

К л а р к (*внимательно глядя на Л и м е н а*). А знаете, босс, по-моему, противник начинает немного паниковать. Они стали действовать грубо. Это дилетанты, а не опытные заговорщики, — слава богу, хоть за эту маленькую милость, Должно быть, мы застали их врасплох, и им приходится импровизировать...

Л и м е н. Оставьте, Рей! Импровизировать приходится нам. Нам!.. Один ложный шаг, и мы можем погубить всё дело... Я не вижу выхода, друзья...

Т о д д. Чёрт побери, господин президент, в конце концов вы обязаны взять себя...

(В кабинет почти вбегает запыхавшийся К е й с и .)

К е й с и. Господин президент, разрешите... Вот! *(Протягивает помятый серебряный портсигар.)* Вот!

Т о д д. Боже правый, неужели привёз?

Л и м е н (*осторожно берёт в руки портсигар*). Поль!.. Вы... Вы видели его, полковник?

Кейси. Нет, господин президент. Сохранились тела лишь тех, кто был в кабине пилота, все остальные сгорели. *(Увидев выражение лица Лимена.)* Я совершенно уверен, сэр, что всё произошло мгновенно.

Тодд. Как вам удалось, полковник?

Кейси. Полицейский офицер предъявил мне всё... всё, что осталось...

Лимен. Поль?.. Должно быть, в момент катастрофы он держал портсигар в руках... Он, наверное, пытался его спасти...

Тодд. Документ сохранился?

Кейси. Да, сэр, кажется.

Кларк. Вы уверены, полковник, что его никто не читал?

Кейси. Абсолютно. Во время катастрофы портсигар заклинило, и я сначала с трудом открыл его.

(Кейси берёт из рук Лимена портсигар, перочинным ножом открывает его и вынимает два полубогорелых листка бумаги. Все склоняются над документом. Пауза.)

Кларк. Ну, босс, не иначе как вы родились в сорочке.

Тодд. Здесь всё, чтобы вынудить Скотта на отставку. Всё!

Лимен *(тихо)*. Теперь можно сказать — опасность миновала. Спасибо Полю!.. И вам, конечно, полковник.

(Входит Эстер.)

Эстер. Генерал Палмер, шеф...

Лимен *(громко, решительно)*. Давайте его сюда. Живо!

(Эстер уходит.)

Тодд. Я бы на вашем месте...

Лимен. Спасибо, Крис, я уже принял решение.

(Входит генерал Палмер.)

Выкладывайте ваши претензии, Барни. Мы слушаем вас.

Палмер *(резко)*. Дело вот в чём, господин президент. Я утверждаю, что вы допустили серьёзную ошибку, назначив эти учения по переброске войск на самолётах, не поставив в известность моё командование.

Л и м е н. Нельзя ли поподробнее, генерал?

П а л м е р. Пожалуйста. Для бесперебойной работы системы ПВО нам необходимо знать заранее о предстоящих полётах всех самолётов, ракет и прочих летательных аппаратов в нашем воздушном пространстве. Достаточно было засекретить от нас только одну операцию, и вся система нарушилась.

Л и м е н. Не вдаваясь в спор по этому вопросу, я прошу вас сообщить, что вы узнали.

П а л м е р. В среду один из моих офицеров наблюдал перелёт первой группы самолётов. Двенадцать штук. Они направлялись в район Эль-Пасо, потом неожиданно повернули на северо-запад и, применив маскировочный манёвр, исчезли с экранов радиолокаторов...

Л и м е н. Первой группы?

П а л м е р. Да, сэр, как вам, вероятно, известно. Сегодня утром такой же трюк выкинули ещё тридцать транспортных самолётов. В обоих случаях заявок на эти перелёты мы не получали.

Л и м е н. Какой вы делаете вывод, Барни?

П а л м е р. Только один, господин президент, — вы мне не доверяете.

Л и м е н. А если я вам скажу, что о существовании секретной базы, на которую направлялись эти самолёты, я узнал только в понедельник вечером, причём совершенно случайно?

П а л м е р. Тогда я ничего не понимаю.

Л и м е н. Сейчас поймёте. Прочтите вот это.

(П а л м е р внимательно читает документ. Большая пауза.)

П а л м е р. Я потрясён, сэр.

Л и м е н. Я тоже, Барни, я знаю, вы любите прямой разговор, Если я предоставлю вам все необходимые полномочия — вы сможете остановить машину, которая, как теперь мы все понимаем, уже завертелась?

П а л м е р. Думаю, что эту лавочку ещё можно успеть прикрыть.

Л и м е н. Значит, вы согласны?

П а л м е р. Я готов выполнить любое ваше приказание, господин главнокомандующий.

Л и м е н (*голос его гремит*). Эстер!

(*Эстер входит.*)

Срочно вызовите мне генерала Скотта, Немедленно!

Затемнение

ПЯТНИЦА. КОНЕЦ ДНЯ. БЕЛЫЙ ДОМ

Л и м е н один. Готовясь к встрече со Скоттом, он явно нервничает. После большой паузы он нажимает кнопку звонка.

Входит Э с т е р .

Л и м е н. Ну, Эстер... Он давно ждёт?

Э с т е р. Примерно, полчаса.

Л и м е н (*глубоко вздохнув*). Давайте его сюда.

Э с т е р. Слушаю, шеф. (*Вышла.*)

(После паузы твёрдым уверенным шагом входит Скотт.)

С к о т т. Добрый вечер, господин президент.

Л и м е н. Добрый вечер, генерал. Садитесь. Полагаю, вы догадываетесь, зачем я пригласил вас сюда?

С к о т т (*раскрывая папку*). Вас, естественно, интересуют подробные планы завтрашней тревоги...

Л и м е н. Не трудитесь, генерал, нам они больше не понадобятся. Тревоги завтра не будет.

С к о т т (*совершенно спокойно*). Прошу прощения, господин президент, вы хотите отменить тревогу?

Л и м е н. Да, я её отменяю.

С к о т т. Позвольте спросить, почему?

Л и м е н. На последние несколько дней моё внимание привлекли некоторые факты, генерал. (*Глядя Скотту прямо в глаза.*) Я не буду сейчас терять время на изложение подробностей. Скажу только, что требую, чтобы вы сегодня же подали в отставку.

С к о т т (*после большой паузы, тихо и очень спокойно*). Либо вы шутите, либо вам изменяет рассудок, господин президент. У меня нет причин добровольно исключать своё имя из списков кадрового состава армии.

Л и м е н. Я надеюсь, что мы обойдёмся без лишних объяснений, генерал. Незачем рассказывать вам то, что вы хорошо знаете.

С к о т т. Ваше замечание, по меньшей мере, чрезвычайно странно.

Л и м е н (*вздыхнул*). Хорошо. Мне стало известно, генерал, что вы без моего разрешения построили секретную базу и подготовили специальную воинскую часть, назначение и само существование которой скрывали от меня, а также от членов конгресса. Это явное нарушение закона.

С к о т т. Какую часть вы имеете в виду, господин президент?

Л и м е н. Её сокращённое наименование «Оскосс».

С к о т т (*успокаивающим тоном*). Боюсь, что вам изменяет память, господин президент. Вы дали мне устное разрешение на организацию этого соединения. Насколько я помню, в тот же день мы рассматривали целый ряд вопросов, и вы, возможно, не обратили на это особого внимания. (*Небрежно.*) На совещании присутствовал мой адъютант, он также может всё подтвердить. Что касается информации конгресса, то дело это настолько щепетильное, что мы сочли за лучшее не ставить данный вопрос на обсуждение.

Л и м е н. Да, но вы же обсуждали этот вопрос с сенатором Прентисом. И неоднократно. Насколько мне известно, на этой неделе вы обсуждали с ним целый ряд вопросов и в самых различных местах.

С к о т т (*невозмутимо*). Сенатор Прентис ничего не знает об «Оскосс».

Л и м е н. Не знает? А когда сенатор Кларк разговаривал с этой базой в среду с Прентисом, тот уверял его, что комиссии по вооружённым силам об «Оскосе» всё известно.

С к о т т. Я не знал, что сенатор Кларк посещал базу. Что касается разногласий между членами конгресса, то я давно научился не вмешиваться в такие дела.

Л и м е н. Ну, хорошо, генерал, а не можете ли вы объяснить, почему на этой базе сенатор Кларк был задержан?

С к о т т. Я бы сказал, что и это обвинение, мягко говоря, опрометчиво. Насколько мне известно, сенатор Кларк имеет... э-э... личные слабости и при известных обстоятельствах склонен воображать...

Л и м е н. Я полагаю, что вам следует взять назад свои слова, генерал. Рей не пил ни капли на вашей базе, хотя полковник Бродерик и подсунул ему две бутылки виски.

С к о т т. Если сенатор Кларк рассказывал вам нечто подобное, то фантастичность этой выдумки совершенно очевидна. Ни один суд на свете не принял бы во внимание такое свидетельство.

Л и м е н. Вы хотите сказать, что должно быть какое-то судебное разбирательство?

С к о т т (*сниходятельно*). Отнюдь нет, господин президент. Я только хочу сказать, что Кларк говорит одно, Бродерик — другое, и у нас с вами, собственно, нет никаких доказательств, что Кларк вообще был на базе.

Л и м е н. Значит, вы отрицаете, что Кларк был там?

С к о т т. Не отрицаю, но и не подтверждаю. Мне не известно ни то, ни другое. Мне известно только, что вчера полковник Бродерик в разговоре со мной не упоминал об этом.

Л и м е н. Теперь, генерал, об аресте полковника Гендерсона. Что вы можете сказать по этому поводу?

С к о т т. Вы имеете в виду заместителя начальника «Оскосс»?

Л и м е н. Вы очень хорошо знаете, кого я имею в виду, генерал.

С к о т т. Да, с этим печальным делом я как раз знаком. Сегодня днём полковник Бродерик доложил мне, что полковник Гендерсон арестован за то, что покинул свой пост и ударил сержанта.

Л и м е н. А Бродерик не говорил вам, где задержали Гендерсона?

С к о т т. Насколько мне известно, он был арестован военной полицией на улице, в деловой части города, здесь, в Вашингтоне.

Л и м е н. Полковник Гендерсон был похищен. Его силой увезли из дома сенатора Кларка.

С к о т т. Господин президент, давайте вернёмся на землю. Не знаю, кто снабжает вас информацией, но у этого человека, несомненно, слишком богатое воображение.

Л и м е н. Во всяком случае, вам придётся распорядиться о немедленном освобождении Гендерсона. Для этого вы можете воспользоваться моим телефоном. Прошу вас.

С к о т т. Я очень сожалею, господин президент, но я лишён возможности выполнить вашу просьбу. Дело в том, что полковник Гендерсон... короче говоря, оставшись в камере наедине с собой, он, видимо, понял всю тяжесть совершённого поступка и застрелился.

Л и м е н (*после долгого молчания*). Вы никогда не задумывались, господин генерал, что вам рано или поздно придётся за это отвечать?

С к о т т (*удивлённо*). Мне?

Л и м е н. Перейдём пока к следующему вопросу...

С к о т т. Но прежде, господин президент, не разрешите ли воспользоваться одной из ваших чудесных сигар, которыми вы всегда меня угощали. Во-он из того ящичка.

Л и м е н. К сожалению... Эстер, видимо, забыла сегодня его наполнить.

С к о т т. Ну что ж, надеюсь, вы не будете возражать, если я закурю свою. (*Откинувшись на спинку кресла, закурил и улыбнулся.*) Что-нибудь ещё, господин президент?

Л и м е н. Разумеется. Я хотел бы остановиться на другой стороне вашей деятельности. Насколько мне известно, в воскресенье вы послали телеграммы нескольким своим друзьям по поводу участия в скачках?

С к о т т. Помилуйте, господин президент. Не собираетесь же вы пригвождать меня к позорному столбу за то, что я играю на скачках?

Л и м е н. Я хотел бы получить разъяснение.

С к о т т. Да тут, собственно, нечего разъяснять. А, понимаю, — конечно, не полагается использовать военную радиосвязь для личных сообщений такого рода. Но обычно председателю комитета начальников штабов разрешаются небольшие поблажки.

Л и м е н. А почему адмирал Барнсуэлл отказался принять участие в скачках?

С к о т т. Не имею понятия, господин президент. Очевидно, некоторые люди просто не хотят рисковать. А я люблю риск. Это один из моих многочисленных недостатков. А теперь разрешите спросить вас, господин президент, какова цель этих расспросов? Вы, конечно, не хотите сказать, что

требуется моей отставки из-за того, что я послал личную телеграмму?

Л и м е н. Разумеется, нет, генерал. Во вторник вечером вы вместе с сенатором Прентисом посетили командный пункт в Маунт-Тендере.

С к о т т. Да, мы хотели убедиться, что всё готово к проведению тревоги...

Л и м е н. И договориться о размещении там некоторых специальных войск? Кстати, при чём тут Прентис? Вы ведь только что утверждали, что он ничего не знает о тревоге. Я не ошибаюсь, генерал?

С к о т т *(после паузы)*. Видимо, за мной следили всю эту неделю...

Л и м е н. Я хотел бы получить ответ, генерал.

С к о т т. Сначала я хотел бы узнать, почему президент Соединённых Штатов считает необходимым устраивать слежку за председателем комитета начальников штабов, как за обыкновенным преступником?

Л и м е н. Зачем же «обыкновенным»? Так я слушаю вас, генерал.

С к о т т. Я не намерен больше оставаться в этой комнате и подвергаться допросу. *(Властно.)* Я не подам в отставку и не буду отвечать ни на один вопрос. Но хочу кое-что сказать вам, господин президент. *(Встал и, зажав между большим и указательным пальцем сигару, угрожающе направил её на Л и м е н а.)*

Мы неоднократно говорили вам, доказывали с пеной у рта, что неразумно подписывать документ, в котором не предусмотрена стопроцентная проверка. Каждому ясно, что та или другая сторона сразу же после демонтажирования боеголовок в одном месте в присутствии нейтральных инспекторов может приступить к их сборке в другом месте.

Л и м е н *(устало)*. Я знаю это не хуже вас, генерал.

С к о т т. Донесениями из Якутска полностью подтверждаются все опасения комитета начальника штабов. Ваше нежелание принять срочные меры граничит с преступной небрежностью.

Л и м е н. Преступная небрежность? А как прикажете квалифицировать то, что вы позволили себе болтать с представителями печати об этих, мягко говоря, непроверенных донесениях?

С к о т т. Это ложь!

Л и м е н. Допустим. Допустим, болтал кто-то другой. *(После паузы.)* Скажите, генерал, как бы вы поступили с этими сведениями, если бы были президентом?

С к о т т. Я сказал, что не буду больше отвечать на вопросы.

Л и м е н. Это не имеет никакого отношения к теме нашего прежнего разговора. Скажите откровенно, мне очень интересно. Президент нуждается в вашей помощи, а у вас, скромно говоря, изобретательный ум.

С к о т т. Я никогда не подписал бы этот договор.

Л и м е н. Знаю. Но представьте, что вы стали президентом уже после того, как договор подписан и ратифицирован. Как реагировали бы вы в этом случае?

С к о т т *(явно заинтересованный поставленной перед ним проблемой)*. Вы это серьезно, господин президент?

Л и м е н. Я никогда не говорил так серьезно, генерал.

С к о т т. Ну, хорошо. *(После минутного раздумья.)* Впервые, я, конечно, тщательно проверил бы эти материалы...

Л и м е н. А потом? Предположим, что всё подтвердилось?

С к о т т. Я связался бы с русскими и потребовал немедленной встречи.

(Л и м е н расхохотался.)

Вы находите такой образ действия смешным?

Л и м е н. Нисколько, нисколько... Просто ирония судьбы, генерал.

С к о т т. Не вижу ничего смешного.

Л и м е н. Садитесь, генерал. Я хочу рассказать вам кое-что об особенностях того поста, который вы намеревались завтра захватить.

С к о т т. Ложь!

Л и м е н. Садитесь.

(После короткого колебания С к о т т подчинился.)

Мне показалось смешным, что вы предложили почти те же самые шаги, которые предполагал сделать я сам, по крайней мере, на первых порах. То есть вы действовали бы почти так же, как собираюсь действовать я. И всё же вы хотите свергнуть нынешнее правительство. Не кажется ли вам это несколько... м-м... странным, генерал?

С к о т т. Я отвергаю это голословное обвинение! И вообще должен сказать, что весь наш сегодняшний разговор кажется мне весьма странным.

Л и м е н. Очень жаль, генерал. Мы могли бы так хорошо вместе работать, если бы каждый из нас выполнял свои обязанности. А знаете, в нашей работе, в сущности, нет ничего такого, что мог бы проглядеть любой из нас. И военному человеку отнюдь не легче, чем штатскому, справиться с огромными проблемами, стоящими перед президентом, многие из которых действительно кажутся неразрешимыми. Но решать-то их надо. В этом кресле, генерал, могут сидеть разные люди, но проблемы остаются одни и те же.

С к о т т. Одни люди действуют, другие только говорят. Откровенно говоря, господин президент, я считаю, что вы утратили чувство реальности. И ваш беспорядочный самоанализ лишний раз доказывает это. Вы потеряли уважение страны. Ваша политика привела нас па грань бедствия. Заключение такой договор мог только наивный мальчик...

Л и м е н. Вы смеете так говорить?!

С к о т т. Таковы факты! Если в стране не будет установлена твёрдая власть и дисциплина, она может погибнуть за месяц...

Л и м е н. И эта власть должна принадлежать вам, генерал?

С к о т т. Я этого не говорил. Но я не стану притворяться, будто бы действовал так же, как вы. Я не хочу брать на себя хотя бы частичную ответственность за банкротство правительства Лимена.

Л и м е н. (*задумчиво*). Вас ничем не проймёшь, генерал. Просто невозможно заставить что-нибудь понять... Неужели моё правительство точно так же не сумело объяснить свою политику всей стране?

С к о т т. Вот в этом вы правы, господин президент.

Л и м е н (*вынимая из кармана портсигар*). Я был блаженным оптимистом, считая, что мне удаётся обойтись сегодня без этого. Я хочу вам кое-что показать, генерал.

С к о т т (*быстро*). Я сейчас уйду...

Л и м е н (*властно*). Нет, я скажу вам, когда вы сможете идти. Садитесь. Вы продолжаете утверждать, генерал, что не собирались завтра захватить власть в стране и установить в ней военную диктатуру?

С к о т т (*с едва заметной тревогой*). Это клевета.

Л и м е н (*держа в руках портсигар*). Это нашли среди обломков самолёта, на котором погиб Поль Джирард. Он возвращался от адмирала Барнсуэлла. (*С трудом открывает портсигар и достаёт листки обгорелой бумаги.*) Можете просесть.

(*С к о т т внимательно читает документ. Прочёл. Пауза. Перечитывает вновь. Порывается встать, но берёт себя в руки и вновь садится.*)

Что скажете?

С к о т т (*спокойно*). Это фальшивка.

Л и м е н (*потрясённый*). Фальшивка?

С к о т т. Именно, господин президент.

Л и м е н. Вы обвиняете меня в подделке документов?

С к о т т. Я никого не обвиняю. Я только хочу сказать, что события, изложенные на этих клочках бумаги, никогда не имели места. Если всё это предназначено для того, чтобы бросить тень на меня, вы напрасно тратите время.

Л и м е н. Вы отрицаете, что это подпись адмирала Барнсуэлла?

С к о т т. Откуда я знаю? Но если бы я сделал заявление против этой писанины, от неё бы ничего не осталось.

Л и м е н. Вы, кажется, опять намекаете на какое-то разбирательство, генерал?

С к о т т. Если дойдёт до этого, американский народ никогда не поверит состряпанной вами истории.

Л и м е н. Я готов пойти на такой риск.

С к о т т (*после паузы*). Вы хотите предъявить мне обвинение перед судом?

Л и м е н. Это зависит от вас.

С к о т т *(после долгого раздумья)*. Если я подам в отставку, вы уничтожите этот документ?

Л и м е н. Уничтожу. Не по той причине, которую вы имеете в виду, но уничтожу. Я сожгу его на ваших глазах, как только у меня в руках будет ваше прошение об отставке.

(С к о т т встал. Трудно понять, собирается ли он капитулировать или гордо выйти из комнаты. Противники долго смотрят друг другу в глаза. Пауза.)

С к о т т *(тихо)*. Могу я воспользоваться вашим письменным столом?

Л и м е н. Разумеется.

(С к о т т быстро подходит к столу и пишет короткое заявление.)

(Внимательно прочитав документ, пишет наискось, как бы диктуя сам себе.)

«Отставка принята. 17 мая 1974 года. Джордан Лимен». Теперь последнее, генерал. Я не хочу, чтобы страна когда-либо узнала действительную причину вашей отставки. Не знаю, одобряете это вы или нет, но так будет.

С к о т т. Однако вы укажете какую-то причину?

Л и м е н. Да. Придётся что-нибудь придумать... *(После глубокого раздумья подносит горящую зажигалку к документу. Секунда-две, и от показаний Барнсуэлла остаётся крохотная кучка пепла. Пауза.)* Всё! Вот теперь, Джеймс Скотт, вы можете идти.

Затемнение

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МИНУТ. У ВЫХОДА ИЗ БЕЛОГО ДОМА

Подчёркнуто твёрдой походкой быстро проходит генерал Скотт. Появляются Кларк и Годд.

Кларк. Можно вас на два слова, генерал?

Скотт. Ну?

Годд. Знаете что, генерал? Президент не только государственный деятель, но и джентльмен.

Скотт. Первого я что-то не замечал.

Годд. Но прежде всего он джентльмен, поверьте. А я обыкновенный чёрствый адвокат, сенатор Кларк — политик. Нам с ним ни к чему соблюдать чрезмерную вежливость.

Скотт. Для одного вечера с меня вполне достаточно всяких окольных разговоров.

Годд. Вам, наверное, любопытно будет узнать, что нам хорошо известно имя мисс Милисент Сеньер из Нью-Йорка.

Скотт *(холодно)*. Это любопытно, но едва ли представляет какой-нибудь интерес.

Годд. Напрасно вы так думаете. У нас есть немало доказательств, безошибочно указывающих на длительные и, я бы сказал, сердечные отношения между вами и мисс Сеньер. В том числе и эти письма, генерал. *(Достаёт пачку писем.)* Президент поступил как истинный джентльмен, не упомянув об этом сегодня.

Скотт. Ну что же, теперь, когда вы урвали своё, я полагаю, что могу пожелать вам спокойной ночи.

Кларк. А знаете, я думаю, до вас ещё не всё дошло, честное слово. Коли вы хоть столечко переступите границу, мы с сенатором заткнём вам глотку этими письмами.

Скотт. Что это значит? Никто в этом доме прямо не говорит, него он добивается.

Кларк. Я просто хочу сказать, что если вы будете выступать с антиправительственными речами и позволите кому бы то ни было сделать из вас великомученика, ваш любовный

роман будет фигурировать на первых страницах всех газет страны...

С к о т т (*зло*). Я уверен, что вы завоюете особое расположение миссис Скотт.

Т о д д. Не только миссис Скотт, не только!

К л а р к. Я ещё не кончил, генерал. В частности, вы не должны выставлять свою кандидатуру в президенты против Джордана Лимена на очередных выборах, даже если обстановка покажется вам благоприятной. Бросьте и думать об этом! В противном случае мы с Тоддом повесим вам мисс Милисент Сеньер прямо на шею.

С к о т т. Я вижу, что передо мной два самых обыкновенных негодяя. Можете гордиться, вы выкинули весьма дешёвый и грязный номер.

К л а р к. Дешёвый? Согласны. Во всяком случае, нам не потребовалось для этого три с половиной тысячи наёмных головорезов и база в пустыне — за счёт налогоплательщиков.

Затмение

ВОСКРЕСЕНЬЕ. СЕРЕДИНА ДНЯ. БЕЛЫЙ ДОМ

В комнате царит суета. На небольшую переносную кафедру с президентской эмблемой направлены несколько телевизионных камер. Устанавливается световая аппаратура. Звукооператоры с наушниками устанавливают и проверяют приборы и соединительные муфты, стараясь не споткнуться в путанице проводов. Фотографы и кинооператоры пристраиваются по обе стороны телевизионных камер. Кларк пытается навести хотя бы относительный порядок в этой шумной разноголосой толпе.

Первый репортёр. Когда нам дадут текст?

Второй репортёр. О чём он будет говорить, чёрт возьми?

Третий репортёр. Это правда, что накрылся договор?

Кларк. Да помолчите минутку! Текст заранее роздан не будет... но...

(Общий шум.)

Первый репортёр. Кто это придумал — не давать текст?

Кларк. Никто. Просто текст не написан. *(Стараясь перекричать шум.)* Да послушайте, чёрт вас возьми! Мы посадили у телевизоров стенографисток и будем давать вам текст по частям с того момента, как президент начнёт говорить.

Второй репортёр. Рей, говорят, нас ждёт сенсация. Это правда?

Кларк. К сожалению, я ничего не знаю, ходит много всяких слухов. Давайте подождём. *(Фоторепортеру, забравшемуся на шкаф.)* Стен, слезайте оттуда, а то вы кого-нибудь покалечите.

Третий репортёр. Убей меня бог, происходит что-то неладное.

Четвёртый репортёр. Эй, сенатор! Генерал Скотт был здесь вчера вечером?

К л а р к. Скотт? Понятия не имею. Может быть, старик вызывал к себе самого Александра Македонского — откуда я знаю.

(Входит Лимен в сопровождении Эстер.)

Л и м е н. Добрый день, друзья. Давно мы не виделись с вами.

(Разноголосый шум, приветствия, шутки.)

Д и к т о р. Внимание. Господин президент, осталась одна минута.

(Шум постепенно стихает.)

Л и м е н. Как я выгляжу, Эстер? Дорис и Лиз, наверное, будут смотреть эту передачу, и я не хочу, чтобы им было за меня стыдно.

Э с т е р *(поправляет Лимену галстук)*. Всё в порядке, сойдёт, шеф.

П е р в ы й к и н о о п е р а т о р. Нельзя ли убрать эти мешки под глазами?

В т о р о й к и н о о п е р а т о р. Ничего, они придадут вам вид солидного государственного деятеля...

Д и к т о р. Внимание! Включаю камеры. Раз, два, три! *(В микрофон.)* Внимание, внимание! Леди и джентльмены, выступает президент Джордан Лимен.

Л и м е н. Мои сограждане! Мне жаль прерывать ваш отдых после недельного труда в такой прекрасный день. В Вашингтоне сегодня чудесная погода и, насколько я знаю, такая же погода во всей стране. Это первый настоящий летний день для всех нас. Благодарю вас, что вы уделите несколько минут, чтобы меня выслушать.

П е р в ы й р е п о р т ё р *(тихо)*. Это что, прогноз погоды?

В т о р о й р е п о р т ё р *(так же)*. Заткнитесь, Том...

Л и м е н. Я не стал бы отнимать у вас сегодня время, если бы речь не шла о весьма серьёзном для каждого американца деле. Для некоторых из нас в Белом Доме была неделя тяжёлых испытаний и, в известном смысле, мучительного и глубокого разочарования. Я считаю своим долгом незамедлительно доложить вам по двум важным вопросам. Во-первых, мои сограждане, я должен сообщить вам, что возникло весьма

серьёзное осложнение в связи с договором о ядерном разоружении. Вопрос стоял настолько серьёзно, что возникли сомнения, удастся ли приступить к реализации договора. Я имею в виду известное сообщение из Якутска, которое так встревожило всю нашу страну.

Рад доложить вам, что сообщение это полностью не соответствует действительности. Самая тщательная проверка показала, что русские строго соблюдают все условия договора и не возникает никаких сомнений, что мы приступим к его реализации в установленный срок. Теперь перехожу ко второму вопросу. Я делаю это с тяжёлым сердцем, потому что произошло событие, которое встревожило меня больше, чем что-либо иное, с тех пор, как я вступил в должность. Ни для кого из вас не секрет, что договор о ядерном разоружении вызвал в стране ожесточённые споры. Но меня встревожили не споры, которые вы вели у себя дома и на службе, не дебаты, происходившие в сенате.

Меня беспокоило скрытое от общества ожесточённое сопротивление договору со стороны некоторых высших военных лидеров страны.

Первый репортёр (шёпотом). Вот оно. Ставлю двадцать против десяти, что генерал Скотт летит со своего поста...

Второй репортёр (так же). Скотт?

Лимен. Я глубоко убеждён, как, очевидно, и подавляющее большинство американцев, что нашим военным руководителям, как и всем прочим гражданам, должна быть предоставлена полная возможность высказывать свои взгляды. Такая возможность, разумеется, была им предоставлена и при обсуждении договора о ядерном разоружении. Но когда президент и сенат в законодательном порядке принимают решение, всяким дебатам и оппозиции должен быть положен конец. Я высоко ценю генерала Скотта. Это один из лучших умов в правительстве. Его советы по бесчисленному множеству вопросов, вставших передо мной, были чрезвычайно ценными, часто незаменимыми. Я знаю, что он пользуется большим уважением среди своих соотечественников.

Я разделяю его мнение. Когда мне стало известно о его участии в плане организованного сопротивления договору, я не поверил. Но генерал Скотт, со свойственной ему честностью и прямоотой, откровенно признался мне, что дело обстоит именно так. Более того, я отдаю должное твёрдости его убеждений — генерал отказался прекратить дальнейшую борьбу против договора. Поэтому, несмотря на моё глубокое сожаление, что нация лишается таланта этого выдающегося человека, у меня не осталось другого выхода, как предложить генералу Скотту подать в отставку.

(Бурно, хотя и молча — ведь включены камеры, — реагирует вся газетная братия на это сенсационное известие.)

Разумеется, я немедленно принял меры для замещения освободившейся после отставки генерала Скотта вакансии, с тем, чтобы не пришлось беспокоиться о безопасности страны. Новым председателем комитета начальников штабов я назначил генерала Палмера. Его жизнь и служба являются примером для будущих поколений американцев. Его боевые заслуги и исключительные способности как военного тактика и стратега говорят сами за себя. Вот и всё, дорогие сограждане. Я изменил бы своему долгу перед вами и перед всем новым поколением американцев так же, как и своему долгу перед историей, если бы не поступил именно так. До свидания, и да благословит вас всех господь.

Д и к т о р. Леди и джентльмены, перед вами выступал президент Джордан Лимен.

(Гаснут прожектора, отъезжают в сторону телевизионные камеры — передача окончена. Стоит невообразимый шум. Все окружают Л и м е н а , в изнеможении опустившегося в кресло.)

П е р в ы й р е п о р т ё р. Господин президент, будьте человеком, ответьте на пару вопросов.

В т о р о й р е п о р т ё р. Раз уж мы очутились здесь, не гоните нас, босс!

Т р е т ь и й р е п о р т ё р. Верно, не берите греха на душу, президент.

Л и м е н. Ладно, ребята, только ненадолго, условились? Валяйте.

Первый репортёр. Какие ещё предстоят, скажем мягко, перемещения среди высшего офицерского состава?

Л и м е н. Предстоят. Полный список будет объявлен не позже конца будущей недели. Сегодня же могу сообщить, что образуется должность ещё одного советника президента по военным делам. На эту должность я назначаю полковника Кейси. Ему будет присвоено звание бригадного генерала. Вот всё, что я могу сейчас сообщить по этому вопросу.

Второй репортёр. Что вы можете сказать о самоубийстве сенатора Прентиса?

Л и м е н. Тут вы глубоко заблуждаетесь, друзья. Сенатор всегда неосторожно обращался с машиной. Есть все основания утверждать, что это была обычная автомобильная катастрофа. Сенат, безусловно, остро ощутит безвременную кончину сенатора Прентиса. Ни для кого не секрет, что мы расходились во взглядах по некоторым вопросам, но это нисколько не умаляло его в моих глазах.

Третий репортёр. Кстати, господин президент, вы что-нибудь слышали о смерти полковника Гендерсона? Ходят всякие слухи...

Л и м е н. *(после секундной паузы)*. Да, мне подробно докладывали об этой печальной истории: полковник случайно погиб при исполнении служебных обязанностей. Это был отличный офицер. Я обращаюсь в сенат с просьбой назначить его семье достойную пенсию.

Первый репортёр. Господин президент, разрешите ещё раз вернуться к вопросу об отставке генерала Скотта. Можно ли считать, что существовал некий военно-политический заговор или нечто в этом роде? В последние дни ходили упорные слухи, что, были какие-то сигналы о... ну, о подготовке к свержению правительства.

Л и м е н. Я уверен, Джим, что вы не хотите допустить, хоть и в форме вопроса, будто генерал Скотт мог бы даже подумать о чём-либо подобном. Я убеждён, что уважение к конституции является, пожалуй, самой лучшей традицией наших вооружённых сил. Думаю, мы на этом кончим, друзья.

Второй репортёр. Последний вопрос, господин президент. Как себя чувствует малютка Френсис?

Л и м е н. Простите, не понимаю...

В т о р о й р е п о р т ё р. Разве имя Френсис ничего вам не говорит?

Л и м е н (*подумав*). Абсолютно. (*Общий смех. Эстер что-то шепчет на ухо Лимену.*) (*Смущённо.*) Ой, простите!.. Чёрт побери, хорош дедушка! Она чувствует себя великолепно, и Лиз тоже... Лучше не может быть! (*После паузы.*) Ребята, могу я просить вас в порядке личного одолжения не упоминать об этом прискорбном инциденте в своих отчётах? Иначе мне здорово влетит от миссис Лимен. (*Смеётся.*) Вы меня понимаете?

(*Общий смех.*)

П е р в ы й к и н о о п е р а т о р. Вот таким вы нам нравитесь, господин президент. А ну-ка, ребята, свет!

(*Вспыхивает яркий свет. Щёлкают фотокамеры, трещат киноаппараты. С разных точек снимают корреспонденты весело и непринуждённо смеющегося Л и м е н а .*)

Чарльз БЕЙЛИ,
американский писатель
«...ОЧЕНЬ ВАЖНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ»

По просьбе «Литературной газеты» советский критик Алексей Хамадан встретился с Чарльзом Бейли, известным американским журналистом и писателем, который находился в Москве для освещения визита президента США Никсона. Роман «Семь дней в мае», написанный Бейли в соавторстве с Флетчером Нибелом, вызвал в своё время широкий резонанс. Озабоченность авторов задачей разрядки международной напряжённости обеспечила роману необычайный успех. Он был переведён на многие языки, в том числе и на русский, а недавно вышел у нас в стране на языке оригинала. Беседа с Чарльзом Бейли была нам интересна ещё и потому, что «Семь дней в мае» подсказали название нашей 9-й полосы.

— *Вы не находите, мистер Бейли, что название романа удивительно символично в эти майские дни советско-американских переговоров?*

«Мы с Флетчером, естественно, и не подозревали ни об этой символике, ни о многом другом. Совсем не рассчитывали и на тот бурный успех, который выпал на нашу долю. С немалым изумлением обнаружили мы в многочисленных критических статьях такие глубины, каких вроде бы и не вкладывали в нашу книгу», — улыбаясь, говорит Ч. Бейли, очень высокий, стройный, совсем молодой ещё человек, уже имеющий за плечами 20-летний стаж выступлений в роли политического обозревателя.

Советский читатель полюбил эту интересную книгу, написанную живо, увлекательно, необычайно достоверно в деталях и... во многом пророчески. В самом деле, действие происходит в начале семидесятых годов, американский президент и советские руководители подписали договор о ядерном разоружении.

Наш разговор состоялся в тот день, когда в Москве были подписаны документы об ограничении систем противоракетной обороны и сокращении стратегических вооружений. «Это очень важные соглашения, — говорит Ч. Бейли, — как

важны и другие советско-американские соглашения, подписанные на этой неделе. Значение их не сводится только к экономии громадных средств, хотя и вашей, и моей стране есть куда эти средства вкладывать. Вам предстоят дальнейшие капиталовложения в промышленность и сельское хозяйство. Много проблем и у Америки. Это, например, защита окружающей среды, создание массового транспорта; вы, наверное, знаете, что в Вашингтоне только сейчас строится метро. Объединение усилий двух наших стран в области разоружения, науки и техники, развитие торговли между нами позволит сблизить наши страны, сделает их взаимответственными за решение насущных проблем мира, окажет многостороннее благотворное воздействие на всю международную обстановку».

— *Как родился замысел «Семи дней в мае»?*

«Мы тогда вместе с Флетчером написали небольшую историческую книжку, названную нами «Без достаточных оснований», — об атомной бомбардировке Хиросимы, к 15-летию этого трагического события. Во время работы мы не раз задумывались о разных аспектах влияния военных в нашей стране и их отношении к решениям политических деятелей. И вот однажды Флетчер, который много писал о Пентагоне (тогда мы работали с ним в газетном агентстве «Коулс пабликешнз»), предложил сюжет романа о том, как военные круги идут на крайнюю меру — заговор.

— Давай пофантазируем, — сказал он.

Что ещё сказать о романе «Семь дней в мае»? Если быть честным, это интересная история, но вряд ли хороший роман. И, повторяю, читатели восприняли его с большей серьёзностью, чем писатели его писали».

— *Как Вы относитесь к политическому роману вообще?*

«Что ж, он очень распространён в Америке, хотя возник в прошлом веке в Европе». Мы вспоминаем с моим собеседником романы прародителя жанра — английского премьер-министра Дизраэли; Бейли рассказывает, что недавно с интересом прочитал «Коридоры власти» Чарльза Сноу.

«И всё-таки тип романа — явление в основном американское. Помните «Позолоченный век» Марка Твена и Чарльза Дадли Уорнера? Я думаю, что политический роман родился из давней урбанистической традиции в американской литературе, из романов о «границе», из традиций так называемых «разгребателей грязи» начала нашего явка. Жанр этот редко рождает шедевры. «Вся королевская рать» Р. П. Уоррена — исключение, хотя это и типичный политический роман, как говорят французы, «роман с ключом» — он написан про губернатора Луизианы Хью Лонга. Уоррен — большой писатель, и просто уж так случилось, что он написал роман о политике.

Обычно же бывает иначе. Пишут о политике, потому что хорошо знают политическую жизнь, — так было и с нами. В результате, как правило, сюжет важнее романа как такового. Чаше всего получается что-то вроде детектива с персонажами, как говорят американцы, «вырезанными из картона». Но для настоящего писателя, в том числе и автора детективного романа, скажем, для Сименона, Мегрэ-человек важнее того, что Мегрэ расследует.

Когда мы с Флетчером писали наш первый роман, мы стремились прежде всего к достоверности деталей, точности в описании обстановки. Действие происходит в основном в Вашингтоне, и этот город и всё, что с ним связано, легко узнаётся в книге. Мне кажется, что если бы мы перенесли действие в вымышленную столицу вымышленной страны, роман потерял бы то, чем он ценен и интересен — правду деталей, обстановки. Это относится и к нашему второму роману — «Конвент», написанному к выборам 1964 года.

— *Почему вы больше не пишете вместе с Ф. Нибелом?*

«В этом нет ничего загадочного. Флетчер старше меня лет на восемнадцать, он оставил постоянную работу, уехал из Вашингтона и целиком посвятил себя литературе. Вот-вот выйдет его новый роман о политике — «Тёмная лошадка». Согласитесь, нелегко быть соавторами по почте или по телефону».

— *Каковы Ваши планы, мистер Бейли?*

«В ближайшее время и я покину Вашингтон, где провёл 18 лет. С женой и двумя дочерьми мы перебираемся в Миннеаполис, где меня ждёт пост главного редактора газеты «Миннеаполис трибюн». Работа политического обозревателя очень интересна, я познакомился со многими политическими деятелями, много путешествовал. Но больше всего меня волнуют проблемы сельского хозяйства. В Москве я, кстати, второй раз: в 1963 году я сопровождал министра сельского хозяйства США. В штате Миннесоте, где расположен Миннеаполис, много фермеров; нельзя сказать, что это только сельскохозяйственный штат. Но у меня будет возможность регулярно писать о проблемах сельского хозяйства и вести колонку редактора. Хотя будет много и административной работы».

— *А планы литературные?*

— «У меня в голове есть замысел романа Трудно сказать, о чём. О человеке, характере».

— *Политический роман?*

«Быть может. Писать надо о том, что хорошо знаешь. Но это будет роман не о политике, а о человеке».

Мы желаем Чарльзу Бейли успеха и задаём последний вопрос, пользуясь тем, что перед нами не только писатель, но и политический обозреватель:

— *Что вы можете сказать о президентских выборах этого года?*

«Не буду заниматься предсказаниями, но мне кажется, что с каждым днём среди демократов растут шансы сенатора Макговерна. Я хорошо знаком и давно дружен с ним, помню его ещё молодым конгрессменом... Но знаете, давайте лучше говорить о литературе», — улыбается Чарльз Бейли.

Ф.Нибел, Ч.Бейли СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ

РОМАН

TO
MO
T
ME
T
T

ER
SA

Флетчер Нибел
Чарлз Бейли

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ

[АННОТАЦИЯ] ¹

Роман «Семь дней в мае» издан в США, Англии и ряде других стран.

Авторы романа весьма своеобразно раскрывают тему войны и мира, которая в последние годы не сходит со страниц американской печати.

Ф. Нибел и Ч. Бейли переносят читателя в 1974 год. Только что заключён советско-американский договор о ядерном разоружении. Широкие слои населения США, вся мировая общественность приветствуют этот разумный шаг. Но не всех в США устраивает такой ход событий. Американские «бешеные» готовятся захватить власть, чтобы установить в стране военно-фашистскую диктатуру. Заговор против президента и его правительства готовит группа высших генералов и высокопоставленных политических деятелей. Перипетии напряжённой борьбы президента США с заговорщиками и составляют основное содержание книги.

Острота сюжета, захватывающая манера изложения наряду с актуальностью и важностью поднятых в книге вопросов делают роман «Семь дней в мае» интересным для советского читателя.

---

¹ Ф. Нибел, Ч. Бейли. Семь дней в мае – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1964 – с. 4.

Генерал-майор А. М. Шевченко
ПРЕДИСЛОВИЕ²

Предлагаемый читателю роман Ф. Нибела и Ч. Бейли «Семь дней в мае» заметно выделяется из потока литературы социально-политического содержания, наводнившей в последние годы книжный рынок Америки. Тема, лежащая в основе этого произведения, не является в американской литературе новой или необычной; к ней всё чаще обращаются писатели, журналисты, учёные, государственные и политические деятели США. Социально-политические и внешнеполитические проблемы занимают прочное место на страницах американских периодических изданий. И всё-таки роман «Семь дней в мае» оказался одним из наиболее нашумевших произведений современной американской литературы.

Авторы романа — вашингтонские корреспонденты издательского концерна Коулса. Их первая совместная книга, посвящённая атомной бомбардировке Хиросимы, вышла в 1960 году и не привлекла особого внимания читателей и критики. «Семь дней в мае», их второе произведение, сделало имена Флетчера Нибела и Чарльза Бейли известными не только в США, но и за границей. Американский режиссёр Джон Френкенхаймер создал по роману «Семь дней в мае» специальный фильм, который и поныне с успехом демонстрируется на экранах многих государств.

Чем объяснить популярность этой книги? Чем объяснить, что широкие круги американских читателей, в общем, довольно пассивные к публицистической литературе, проявили вдруг такой большой интерес к роману, насыщенному политическим содержанием?

Причина этого кроется в исключительной актуальности темы, в особой важности и остроте поднятых авторами романа вопросов современности. Успех романа объясняется и тем, что в нём в своеобразной художественной форме воспроизводятся характерные черты политической жизни современной

---

² Ф. Нибел, Ч. Бейли. Семь дней в мае — М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1964 — с. 5-18.

Америки. Ф. Нибел и Ч. Бейли нарисовали, казалось бы, надуманную, а на самом деле весьма реальную политическую ситуацию, в которой легко угадывается обстановка Соединённых Штатов Америки шестидесятых годов нынешнего века.

В последние годы в США вышел в свет ряд книг, в которых раскрывается политика монополий, деятельность правых, милитаристских, ультрареакционных сил, например роман Ю. Бердика и Х. Уилера «У последней черты», памфлет Фреда Кука «Джагернаут — государство войны», книга известного американского физика Ральфа Лэппа «Убийство и свехубийство». Близки к ним по содержанию кинофильмы «Победители», «Доктор Стрейнджлав, или как я научился не бояться и любить бомбу». Следует также отметить вышедший в 1964 году новый роман Ф. Нибела и Ч. Бейли «Съезд», в котором ярко, хотя и не всегда последовательно, разоблачаются предвыборные закулисные махинации империалистических кругов и их прихвостней в связи с национальным съездом республиканской партии США. К этой же группе изданий относится и книга Майка Ньюбери «Йеху», в которой автор раскрывает страшную картину деятельности чёрных сил реакции и фашизма в США.

Все эти книги и фильмы завоевали большую популярность у американских читателей и зрителей, несмотря на то, что с художественной точки зрения они далеко не шедевры. Это свидетельство того, что всё более широкие круги американского населения начинают интересоваться животрепещущими политическими проблемами сегодняшнего дня. Они не хотят мириться с тем будущим, которое готовят им атомные маньяки и которое рисуют им наёмные писатели вдохновителей и поджигателей новой войны. Американскому читателю надоели субъективно-психологические трактаты и сексуальная литература, уводящие от реальной действительности. Рядовые американцы начинают всё серьёзнее задумываться над судьбой своей страны. Они обеспокоены непрекращающейся гонкой вооружений, активизацией деятельности ультрареакционных и фашистских организаций, возрастанием роли женщины. Американская литература не может пройти мимо

подобных настроений, чтобы не отстать от стремлений и запросов читателей.

В Программе КПСС указано, что на современном этапе развития империализма неслыханно усиливается милитаризм. Империалистические государства содержат огромные вооружённые силы. Военные расходы поглощают всё большую часть государственных бюджетов. Милитаризация захватывает все стороны жизни буржуазного общества. Финансовая олигархия прибегает к установлению фашистского режима, делает ставку на армию, полицию, жандармерию как на последний якорь спасения от гнева народа.

В США давно сложился и продолжает укрепляться союз крупных монополистов и реакционной военщины. Производством оружия и боевой техники занимаются крупнейшие корпорации США, такие, как «Дженерал дайнмикс», «Дженерал моторс», «Локхид», «Крайслер» и т. д. По данным американского журнала «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», военные подряды составляют 94 процента всех заказов в авиационной промышленности, 61 процент — в судостроении, 38 процентов — в промышленности средств связи, 21 процент — в электромашиностроении. Норма прибыли в военной промышленности, как отмечает бюллетень «Лейбор рисёрч», на 50-100 процентов выше, чем в гражданских отраслях экономики.

Особенно сильно наживаются военные концерны на военно-политических авантюрах американских милитаристов в Южном Вьетнаме, Доминиканской Республике и в других районах нашей планеты, где льётся кровь народов, вставших на защиту своей свободы и независимости. По сообщению журнала «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», военные заказы только за апрель 1965 года выросли на 766 млн. долларов. Совсем недавно по требованию президента США конгресс выделил дополнительно 700 млн. долларов на грязную авантюру американских империалистов во Вьетнаме. Журнал отмечает, что фирмам-подрядчикам даются заказы в таком количестве, что они не успевают справляться с ними.

Влияние военно-промышленного комплекса ощущается во всех сферах экономической, политической, идеологиче-

ской и общественной жизни США. «Сейчас военная Америка уже стала американским образом жизни», — писали Ф. Нибел и Ч. Бейли в одной из своих статей в журнале «Лук». Военные корпорации, наживающиеся на производстве оружия, и Пентагон — это те основные силы в США, которые ратуют за продолжение политики гонки вооружений и «холодной войны».

Одной из характерных черт внутреннего положения США является наличие многочисленных реакционных организаций, финансируемых монополиями. Растущие, как грибы после дождя, на благодатной для них почве антикоммунизма и политики с позиции силы, они резко усиливают свою деятельность. Правое крыло американской реакции — это питательная среда для фашизма. Коричневая паутина всё сильнее опутывает Америку.

В справочнике «Ультраправые организации США», изданном в Лос-Анжелесе, приводятся данные о двух тысячах ультрареакционных организаций и групп. Названия их, маскируемые патриотическими вывесками, различны: «Сыны американской революции», «Борьба за свободу», «Рыцари Колумба», «Христианский крестовый поход», «Конвенция национального негодования» и т. п. Среди них имеется даже такая организация, как «Пусть звонит свобода», которая борется с коммунизмом... по телефону (!). Все эти организации и группы, в подавляющем большинстве, представляют не что иное, как сборище представителей денежного мешка, фашиствующих военных и политиканов, антикоммунистических маньяков и откровенных шизофреников. Характерны следующие данные. Если с 1958 по 1963 год бюджет крупнейших ультраправых организаций США подрос с 4 906 млн. долларов до 14 350 млн., то уже в минувшем году расходы «бешеных» составили свыше 30 млн. долларов! Общий разовый тираж 20 крупнейших периодических изданий «ультра» превышает миллион экземпляров. Только за минувший год крайне правые в США распространили 30 млн. экземпляров печатных материалов и 10 млн. антикоммунистической брошюры «Никто не осмелится назвать это изменой». Еженедельно они передают по радио около семи тысяч передач,

насыщенных ненавистью и угрозами. Всех их объединяет звериная ненависть к прогрессу. Всюду им мерещатся коммунисты, которые, по их уверениям, должны захватить власть в США не позже 1972 года. Из их стана несутся истощенные призывы разбомбить Вьетнам атомной бомбой, покончить с Кубой, поставить на колени Доминиканскую Республику.

В пригороде Бостона размещается штаб фашистской организации «Общество Джона Бёрча», возглавляемой владельцем крупного кондитерского концерна Робертом Уэлчем — одним из самых богатых людей Америки. Этот мракобес призывает «освободить» Америку от коммунистов, объявляет делом рук красных любое прогрессивное мероприятие. «Демократия — это всего лишь красивая фраза, — заявляет Р. Уэлч. — К чёрту демократию! Америку надо взять за шиворот и как следует встряхнуть». Кредо бёрчистов — задушить профсоюзы, силой оружия подавить забастовки трудящихся, ликвидировать государственные школы, закрыть публичные библиотеки, изгнать в Африку всех американских негров. Бёрчисты даже Рузвельта, Трумэна, Эйзенхауэра и Кеннеди объявили приспешниками коммунистов. В области внешней политики они выступают против политики мирного сосуществования и разоружения, призывают к развязыванию термоядерной войны против социалистических стран, требуют изгнать штаб-квартиру Организации Объединённых Наций с территории Соединённых Штатов, расправиться с непокорными вьетнамцами.

Менее года назад закончились выборы в США, но в американской печати всё настойчивее звучат тревожные голоса о растущей угрозе справа, об активности «ультра». Ультрареакционные силы активно готовятся к реваншу, к новой выборной кампании 1966-1968 годов, хвастливо заявляют о росте числа своих сторонников в результате вербовки. К концу 1964 года число членов ультрареакционных организаций превышало 100 тысяч человек.

По примеру штурмовых отрядов Гитлера бёрчисты создают вооружённые банды — отряды минитменов Америки³. Один из главарей минитменов, Р. Боливар Детью, заявил: «Мы обучаемся военному делу и считаем себя последней линией обороны против коммунизма». Минитмены издают листовки, брошюры, книги, в которых призывают американцев вступать в диверсионные отряды и готовиться к партизанской войне против «иностранных армий коммунистических заговорщиков».

Символом минитменов является свастика, идеалом — человеконенавистничество. Они не скрывают своего стремления к организации фашистского путча. «Надежды миллионов американцев, — пишет журнал минитменов «Он таргит», — на то, что наступление может быть остановлено избирательными шарами вместо пуль, рассыпались в прах».

«Общество Джона Бёрча» тесно связано со многими фашистскими организациями США, в том числе с «Американской нацистской партией», руководимой бывшим военным лётчиком Линкольном Рокуэллом. «Американская нацистская партия», созданная в 1959 году, действует открыто. На дверях двухэтажного дома Рокуэлла в Арлингтоне (штат Вирджиния) висит вывеска: «Штаб американской нацистской партии. За вход без разрешения — пуля в лоб». На членах партии — форма хаки и нарукавные повязки с изображением фашистской свастики. Рокуэлл открыто провозглашает, что его духовный лидер — Гитлер и что он надеется в 1972 году прийти к власти.

Именно эти типы, которые орудуют в США и в других странах как шпионы и диверсанты, совершают акты террора и саботажа, пополняют отряды специальных сил — «зелёные береты», о которых образно и цинично пишет в своей книге «Зелёные береты» Р. Мур.

Деятельность фашистских организаций США благословляет американская католическая церковь. Бостонский кардинал Р. Кушинг в предисловии к одной из книг Р. Уэлча

---

³ В годы войны за независимость (1775-1783) минитменами в США называли ополченцев, сражавшихся против владычества Англии.

пишет: «В нашей стране я не знаю более видного антикоммуниста, чем Роберт Уэлч. Я без колебаний рекомендую его вам и благословляю “Общество Джона Бёрча”».

Американские церковники нередко принимают участие в фашистских сборищах, призывая в своих проповедях к освобождению мира от коммунизма.

В лагере американских «ультра» видную роль играет военщина, многие представители которой являются явными или тайными членами «Общества Джона Бёрча» или других организаций фашистского толка. По данным американской печати, среди руководителей «Общества Джона Бёрча» числятся: бывший командующий 6-й армией генерал Ведемейер, известный своими крайне милитаристскими речами генерал Феллерс, главный прокурор ВМС США контр-адмирал Уорд, командующий 14-й воздушной армией генерал-лейтенант Стоун, бывший начальник разведки США на Дальнем Востоке генерал Уиллоби и многие другие.

Типичным представителем «ультра» из числа военных является генерал-майор в отставке Эдвин Уокер, член «Общества Джона Бёрча» с 1959 года. Будучи командиром 24-й пехотной дивизии США в Западной Германии, Уокер создал в дивизии особую службу «специальной войны» и издал циркуляр об усилении среди личного состава фашистской пропаганды. Он явился устроителем разнузданных антисоветских инсценировок и наводнил дивизию антикоммунистической литературой. Выступая перед личным составом, Уокер всячески поносил деятельность правительства Кеннеди — «этих проклятых либералов из Вашингтона». Во время президентских выборов Уокер оказывал прямой нажим на подчинённых, требуя, чтобы они голосовали за наиболее реакционных кандидатов. После выхода в отставку Уокер поселился в Далласе, вошёл в число фюреров «Общества Джона Бёрча» и объединил вокруг себя наиболее ретивых «бешеных». Уокера и его подручных американцы называют «хейт групп», что означает «группа ненавистников». Злоба этих молодчиков к демократии и прогрессу не имеет предела. Они договорились до того, что даже совет христианской церкви США объявили агентурой коммунистов.

В американской печати не раз говорилось о тесной связи отставных военных-бёрчистов с начальником штаба ВМС адмиралом Бёрком, командующим 8-й армией генералом Мелоем, командующим 2-й армией генералом Гейтером, командующим авиацией Тихоокеанского флота США вице-адмиралом Экстромом и другими высокопоставленными военными.

Можно смело утверждать, не боясь впасть в преувеличение, что усиление милитаристских сил и тенденций является характерной чертой послевоенного развития США. Процесс милитаризации охватывает буквально все сферы жизни американского общества: экономику и политику, науку и идеологию, просвещение и искусство. Пентагон — этот подлинный символ милитаризма и агрессии — всё больше превращается в «государство в государстве». Он олицетворяет собой Америку милитаристов и военных монополий, Америку полицейских и сыщиков, Америку душителей свободы и независимости народов.

Усиление активности реакционной военщины вызывает тревогу не только у широких кругов американской и мировой общественности, но и у лиц, относящихся к руководящим сферам страны. Нынешний вице-президент США Герберт Хэмфри в книге «Речь идёт о человечестве», где приводятся политические взгляды автора, высказывает опасение в связи с ростом влияния американской военщины на политику страны и решительно выступает за «верховенство внешней политики над военной».

«От реальной угрозы экстремизма нельзя отмахнуться, — говорит сенатор от штата Айдахо Фрэнк Чёрч. — То, что я видел во время избирательной кампании и что произошло с тех пор, позволяет сказать следующее: у нас есть основания для серьёзной тревоги». Сенатор Фулбрайт, председатель сенатской комиссии по иностранным делам, обратился к министру обороны с официальным меморандумом, в котором выражал тревогу по поводу антигосударственной деятельности «бешеных» из Пентагона.

При выдвижении кандидата в президенты США от республиканской партии подавляющее большинство голосов по-

лучил сенатор штата Аризона Барри Голдуотер, известный своими крайне правыми взглядами. Это обстоятельство отражает те весьма серьёзные сдвиги, которые произошли в руководящей верхушке этой партии. Характерно, что и предвыборная программа республиканской партии, опубликованная в 1964 году в газете «Нью-Йорк таймс», насквозь пронизана духом антикоммунизма. «О руководстве нашей страны следует судить по той позиции, которую оно занимает в отношении коммунизма» — говорится в одном из её разделов. Программа отвергает путь прямых переговоров с социалистическими государствами, ратует за усиление роли военщины в государственной жизни, за дальнейшую гонку вооружений, провозглашает давно обанкротившийся курс на «освобождение» «порабощённых» социалистических стран Восточной Европы, а также Литвы, Латвии, Эстонии, Армении и Украины (?!), выступает против взаимовыгодной торговли с социалистическими странами, за усиление агрессивного Североатлантического блока, за раздувание «холодной войны». «Внешняя политика республиканской партии, — говорится в её программе, — исходит из принципа, что коммунизм останется врагом нашей страны во всех отношениях». Попытки «умеренных» внести поправки к голдуотеровской программе были отвергнуты. Комментируя программу республиканской партии, газета «Вашингтон пост» отмечала, что это программа «политических лидеров, которые готовы угрожать применением военной силы или фактически использовать военную силу для достижения национальных и идеологических целей, рискуя даже уничтожением своей страны в термоядерной войне».

Характерна позиция ультраправых реакционно-милитаристских сил США в отношении Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трёх сферах. Договор вызвал настоящий приступ ярости в стане «бешеных». Представители правительства США вынуждены были давать свидетельские показания в комиссии по иностранным делам, чтобы успокоить сенаторов из числа «бешеных». «Отец» американской водородной бомбы, реакционер-атомщик Теллер заявил в сенате, что «договор помешает нашей военной го-

товности во всех отношениях». Военные лидеры США во время обсуждения договора в сенате демонстративно заявили о своём несогласии с решением президента, являющегося по конституции верховным главнокомандующим вооружёнными силами страны. Начальник штаба ВВС генерал Лимей и некоторые другие высшие руководители Пентагона на секретной встрече с группой сенаторов призывали их сорвать ратификацию договора, а командующий стратегической авиацией США генерал Пауэр публично выступил против договора даже после его подписания.

Несмотря на победу демократов на последних выборах в США, правые республиканской партии и все реакционные силы Америки не собираются складывать оружие. Политика открытого разбоя, проводимая американским империализмом, и прежде всего «грязная война» в Южном Вьетнаме, осуждаемые всем миром варварские бомбардировки ДРВ и вооружённая интервенция в Доминиканской Республике не только обрекают США на внешнеполитическую изоляцию, ослабляют внутривнутриполитические позиции демократической партии и президента, но и действуют в интересах сил реакции и фашизма в стране. Эти шаги демократической администрации США вызывают ликование в стане правых, толкающих её дальше по пути военных авантюр. И сейчас избиратели, голосовавшие за Джонсона, выступавшего, как известно, в предвыборной кампании против воинственного курса Голдуотера, начинают понимать, что чаяния и призывы Голдуотера находят своё воплощение в политике президента Джонсона. Популярность демократов падает, и это учитывают лидеры правых, стремящиеся развёртывать и наращивать свои силы. Пресловутый Барри Голдуотер вновь всё активнее действует на политической арене США. Лидер американских «ультра», который публикует трижды в неделю статьи в газетах, ратующих за расширение войны во Вьетнаме, за проведение ещё более жёсткой политики с позиции силы, объявил, что будет добиваться избрания его в сенат в 1968 году. Недавно он был избран почётным председателем новой реакционной организации «Ассоциация свободного общества», две-

ри которой, по его словам, будут открыты перед членами «Общества Джона Бёрча».

* * *

Роман «Семь дней в мае» нельзя назвать ни утопическим, ни научно-фантастическим, потому что он в значительной степени воспроизводит многие характерные черты американской действительности, откликается на события, волнующие американский народ и народы всего мира.

Упомянутый выше Джон Френкенхаймер, режиссёр фильма «Семь дней в мае», заявил корреспонденту «Нью-Йорк таймс»: «Это вовсе не научно-фантастический фильм. То, что в нём показано, вполне может случиться. Власть женщины невероятна, и большинство американцев знает об этом». Не случайно Пентагон отказался консультировать этот фильм, а помощник министра обороны США Норман Пол в своей статье в газете «Вашингтон стар» осудил книгу и фильм за «незаслуженную критику американских военных».

Хотя авторы оговорили, что в их книге читатель не встретит исторически достоверных фактов, лиц, событий, эта оговорка носит чисто формальный характер. Ф. Нибел и Ч. Бейли убедительно показали, что, если США будут продолжать следовать по пути гонки вооружений и милитаризации страны, результатом такой политики может явиться приход к власти военной хунты, установление в США режима военно-фашистской диктатуры со всеми вытекающими отсюда последствиями.

События, описанные в романе, происходят в мае 1974 года. За полгода до этого президент США и глава Советского правительства подписали в Вене договор о ядерном разоружении, к которому присоединились другие страны, обладающие ядерным оружием.

1 июля 1974 года договор должен вступить в силу. В этот день в присутствии нейтральных наблюдателей будет демонтировано по десять нейтронных бомб. Весь процесс разоружения рассчитан на два года.

Народы мира горячо приветствовали этот разумный шаг и радовались, что гнетущий страх перед ядерным опустошением уступает место трезвой политике и рассудку.

Но радовались далеко не все. Действиями президента были возмущены американские «бешеные», в первую очередь высшие военные чины и политики, такие, как сенатор Прентис — акционер одной из крупнейших ракетостроительных монополий, открыто фашиствующий телевизионный комментатор Макферсон, председатель комитета начальников штабов США генерал Джеймс Скотт — претендент в диктаторы Америки, которого поддерживают его высокопоставленные сообщники во всех видах вооружённых сил. Стремясь всеми силами подорвать авторитет президента США Лимена, эти люди распускают слухи о «крайней пагубности договора с СССР для США», о «предательстве» президента и опасности проводимой им политики умиротворения. Находящиеся в руках Прентиса и его друзей жёлтая пресса, радио, телевидение истошно вопят о «коварстве русских», о том, что СССР якобы «никогда не выполняет своих международных обязательств». В унисон этим клеветническим утверждениям звучит тезис об «ответственности вооружённых сил США за судьбы страны».

Под влиянием разнузданной пропагандистской кампании среди американских обывателей укрепляется мысль об ошибочности политики президента Лимена, об опасности её последствий для США. Анкеты, рассылаемые институтом общественного мнения, свидетельствуют о резком падении авторитета президента.

В этой обстановке Скотт и его сообщники готовят государственный переворот. На сверхсекретной военной базе Эль-Пасо в штате Техас усиленно готовится специальная воинская часть, предназначенная для захвата Белого дома и других ключевых пунктов страны. Определена дата путча. В день, когда по согласованному с президентом плану вооружённые силы начнут большие учения, с секретной базы Эль-Пасо в воздух поднимутся десятки тяжёлых бомбардировщиков, которые возьмут курс на столицу, на крупнейшие политико-экономические центры страны, ракетные полигоны, ар-

сеналы. Группа заговорщиков направится на самолётах в район подземного убежища президента, куда он, как главнокомандующий, должен прибыть к назначенному времени, чтобы арестовать его и передать власть в руки генерала Скотта и его хунты. А вечером миллионы американских телезрителей и радиослушателей увидят и услышат комментатора Макферсона, который сообщит о приходе к власти «нового, твёрдого руководства, призванного спасти США от коммунистов».

За неделю до переворота о заговоре случайно узнаёт один из офицеров Пентагона полковник морской пехоты Кейси. Через своего приятеля Поля Джирарда, одного из помощников президента, Кейси сообщает обо всём этом Лимену. Перипетии напряжённой борьбы президента Лимена и нескольких его помощников с заговорщиками и составляют фабулу романа.

Каждому ясно, что эти события перекликаются с современной американской действительностью. К тому же и герои романа удивительно напоминают своих реальных прототипов.

Сенатор Прентис, например, как две капли воды похож на тех воинствующих мракобесов, которые потрясают своды Капитолия призывами к развязыванию мировой термоядерной войны, выступают против разоружения и запрещения ракетно-ядерного оружия, разжигают антикоммунистическую истерию и расовую вражду внутри страны. Председатель комитета начальников штабов Джеймс Скотт олицетворяет собой таких представителей американской военщины, как генералы Пауэр, Уокер, Ведемейер и им подобные. Позиции высших военных чиновников Пентагона в отношении Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трёх сферах до и во время его ратификации во многом сходна с той, какую занимает в романе Ф. Нибела и Ч. Бейли группа сторонников Скотта по отношению к договору о ядерном разоружении. А разве не предшествовали выстрелам в Далласе события, многие из которых так похожи на описываемую в романе ситуацию? Ведь и в адрес президента Кеннеди «бешеные» бросали обвинения в предательстве, сго-

воре с красными, в стремлении к умиротворению. Они кричали на всех перекрёстках, что, мол, красным нельзя верить, что Москва никогда не выполняет взятых на себя обязательств, что Московский договор — это якобы ловушка. Как и в книге «Семь дней в мае», в США сейчас много разговоров об ответственности армии, о необходимости проведения политики «твёрдой руки» в международных вопросах.

Что же касается президента Джордана Лимена, то следует отметить, что он ни в коей мере не является политическим деятелем левого направления. Хотя в ряде мест Ф. Нибел и Ч. Бейли пытаются идеализировать его облик, в целом Лимен изображён как типичный представитель американских правящих кругов, неуклонно следующий по пути своих предшественников. Но в отличие от представителей правого крыла Лимен — реальный политик, способный трезво и объективно оценить сложившуюся в мире обстановку, выступающий за политику мирного сосуществования и за нормализацию отношений с Советским Союзом. Именно это и явилось причиной военно-политического заговора против президента и возглавляемого им правительства.

Узнав о заговоре, Лимен, к ужасу своему, обнаруживает, что ему не на кого опереться. Из сотен правительственных чиновников, сотрудников его личной канцелярии, друзей и знакомых он не находит людей, на которых можно положиться, которым можно было бы полностью довериться. Кейси, Год, Эстер, Рей, Джирард, Корвин — вот и весь его резерв.

Характерно, что, раскрыв заговор, Лимен больше всего боится огласки, он всячески стремится спасти престиж американской демократии в глазах мирового общественного мнения.

Президент, превозносящий на каждом шагу «достоинства» американской демократии, не решается сказать народу правду. Под предлогом того, что он опасается раскола в стране, президент медлит с принятием решительных мер против заговорщиков. Главнокомандующий вооружёнными силами страны с «совершенной», по его мнению, системой правления уговаривает воинствующего «бешеного» подчиниться решению правительства и президента.

Вся история с заговором так и осталась в строжайшем секрете даже после его ликвидации. Никто ничего так и не узнал о нём, кроме ближайшего окружения президента. Прессе же объявили, что причиной отставки генерала Скотта и его сообщников послужила их обструкция договору, но что они были и остаются «настоящими американцами». Генералам не предъявляют никаких политических обвинений, назначают им пенсии, вслед за чем, несомненно, последуют приглашения в советы директоров крупных монополий. Всё сделано с таким расчётом, чтобы убедить народ, что в США заговор военщины невозможен.

Ярко нарисованы в романе образы противников Лимена. Взять, к примеру, генерала Скотта. Это расчётливый, честолюбивый интриган, тесно связанный через Прентиса с монополистическими кругами страны, заинтересованный в гонке вооружений, в продолжении обанкротившейся политики на грани войны.

Под стать Скотту командующий стратегической авиацией Дэниэль, начальник ракетного центра Сиджер, командующий корпусом морской пехоты Райли и другие ближайшие его помощники по организации заговора.

Одиозна в романе фигура Прентиса. Это идеолог и вдохновитель готовящегося государственного переворота, связующее звено между реакционной военщиной и большим бизнесом. И его позиция не случайна — он совладелец крупных ракетных предприятий, работающих на войну. Прентис утверждает, что «народу нужен сильный человек», распускает слухи о том, что «русские ведут двойную игру», неистово мечется по стране, налаживая связи.

А вот полковник Джон Бродерик — командир сверхсекретной военной базы в Эль-Пасо, укомплектованной головорезами, готовыми за деньги совершить любое преступление. Бродерик — отъявленный фашист, ему недостаёт лишь эсэсовских нашивков и петлиц на мундире. Именно такие люди нужны Скотту и Прентису для осуществления их преступных замыслов.

Роль политического трубадура заговорщиков отведена телевизионному комментатору Макферсону. Демагог, ослеп-

лённый фанатичной ненавистью ко всему прогрессивному, он готов, не раздумывая, совершить любую подлость. Макферсон — наглядное воплощение продажности и лживости буржуазной пропаганды.

Всем этим лицам в романе противостоят образы положительных героев, дорисованные авторами с большой теплотой и симпатией: это полковник Кейси, помощник президента Поль Джирард, сенатор Рей Кларк, полковник Гендерсон, секретарь президента Эстер Топпинг, генеральный консул США в Испании Генри Уитни. Однако в борьбе с реакционными, фашистскими силами они действуют чуть ли не по наитию, подвержены влиянию случайных обстоятельств.

В романе не показаны общественные силы, выступающие в поддержку договора. Лагерь же противников договора даётся крупным планом, с указанием всего арсенала его сил и средств. Можно подумать, что заключение договора о ядерном разоружении — заслуга одного президента США. Это, по меньшей мере, наивная трактовка крупного политического события, затрагивающего интересы народов всего мира.

Авторы романа в конце повествования достигли желанного «хеппи энд»⁴, но за счёт чего! Президент Лимен осуществил свой план ликвидации заговора лишь благодаря тому, что Генри Уитни в сплюсненном портсигаре Поля Джирарда, погибшего во время авиационной катастрофы, случайно удалось обнаружить два листочка бумаги — документ, разоблачающий Скотта как организатора заговора. И таких «везений» в романе больше чем достаточно. Таким образом, решение жизненно важного для целого государства вопроса поставлено в зависимость от чистой случайности.

«У нас это невозможно» — таков лейтмотив книги. Об этом всё время говорит президент Лимен. Об этом же твердит кое-кто в Соединённых Штатах и в наши дни, подобно страусу спрятав голову под крыло и надеясь таким образом укрыться от всё возрастающей активности фашиствующих мракобесов. Но от фактов не уйдёшь. Бёрчисты и расисты, тоскующие по фашизму, генералы и адмиралы типа Уокера и

---

⁴ Happy end (англ.) — счастливый конец.

Рэдфорда, призывающие к «тотальной победе над коммунистами», не одиноки в современной Америке. За ними стоят американские монополии, которые всё больше теряют веру в эффективность институтов буржуазной демократии и уповают на фашистские методы правления.

«У нас это невозможно», — писала буржуазная печать США в статьях, посвящённых роману «Семь дней в мае». А год спустя среди бела дня на глазах тысяч людей был убит президент страны, убит в том самом штате Техас, где Ф. Нибел и Ч. Бейли расположили «сверхсекретный гарнизон» путчистов. Ни для кого не секрет, что выстрелам в Далласе предшествовали события, многие из которых сходны с ситуацией, описанной в романе «Семь дней в мае».

Авторы романа пытаются убедить читателя в якобы демократическом характере государственного строя США, в том, что, как бы ни изощрялись заговорщики, их планы, в конце концов, станут известными правительству и президенту. Для иллюстрации этого они избрали случай с секретной авиабазой Эль-Пасо. Стоило президенту Лимену, сомневающемуся в законности её строительства, позвонить в бюджетное управление и другие контрольные финансовые органы, как он сразу выяснил, что эта база строилась незаконно, в обход официальных бюджетных ассигнований.

Вздорность и лживость подобного положения разоблачаются самими же американцами. В конце 1964 года в США вышла книга известного буржуазного публициста Л. Фарраго «Это ваши деньги», в которой приведены многочисленные примеры того, как военное ведомство США в послевоенные годы осуществляло крупные дорогостоящие подрядные работы без ведома правительственных и финансовых органов. Так, например, на авиабазе Кисслер (штат Миссисипи) в 1963 году был возведён ряд военных объектов на сумму 754 750 долларов в обход бюджета и сметы министерства обороны в военном гарнизоне Форт-Дикс (штат Нью-Джерси) без ведома правительства, бюджетного управления и финансовых органов военного ведомства были проведены военно-строительные работы стоимостью 12,4 млн. долларов. Те же факты имели место на базе морской пехоты, в Бофорте (штат

Северная Каролина), на авиабазе Лэнгли (штат Вирджиния), в гарнизоне Форт-Райли (штат Техас), на военно-морской базе Нью-Лондон (штат Коннектикут) и в других местах.

Но, пожалуй, наиболее красноречивой и близкой к описываемой в романе «Семь дней в мае» ситуацией явилось строительство крупного военного аэродрома в Форт-Ли. Строился он местным военным руководством с соблюдением строжайшей конспирации. За два года путём всяческих финансовых манипуляций на строительство было израсходовано свыше миллиона долларов. Аэродром был построен и введён в эксплуатацию, но в Вашингтоне так никто и не знал о его существовании.

Это уже не вымысел. Это реальные факты, свидетельствующие о том, что американские милитаристы при желании могут создавать различные секретные военные объекты в обход или при попустительстве правительственных, контрольно-финансовых и любых других органов.

Следуя духу американской пропаганды, авторы романа «Семь дней в мае» не обошлись без антисоветских выпадов. Взять хотя бы эпизод с получением президентом Лименом доклада о том, что русские намерены нарушить договор, начав сборку ракет-носителей «Зет-4» вместо их демонтажа по договору. Эти избитые, набившие оскомину инсинуации о «коварстве красных» являются данью широко распространённым в США антисоветским бредням. Народам всего мира хорошо известно, как строго соблюдает Советский Союз свои международные обязательства, как активно борются наша партия, правительство и весь советский народ за мир и разоружение. Идеи мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем не являются для нас предметом политических спекуляций и махинаций. Они составляют основу внешнеполитической деятельности Коммунистической партии и Советского правительства.

Ещё пример. Авторы пишут, что в 1970 году Советское правительство будто бы наводнило Иран партизанами, пытавшимися свергнуть иранское правительство. Вспыхнула война, в которой на стороне иранского правительства участ-

вовали вооружённые силы США. Война закончилась подписанием мирного договора и разделом Ирана на две зоны.

Здесь совершенно очевидно стремление писателей отдать дань худшим традициям «холодной войны», свалить всё с больной головы на здоровую, выставить Советский Союз в роли агрессора, а США — в роли защитника жертвы агрессии. Такую ситуацию может изобрести только больная фантазия антисоветизма. Советский Союз твёрдо и последовательно проводит политику невмешательства во внутренние дела других государств и решительно выступает в защиту прав народов на самостоятельное и независимое развитие.

* * *

Роман Ф. Нибела и Ч. Бейли «Семь дней в мае» поднимает одну из важнейших проблем политической жизни США — усиление происков милитаристов и фашистов, под флагом антикоммунизма толкающих мир в огонь термоядерной войны. Авторы со своих классовых позиций пытаются этим романом как бы предостеречь о реально грозящей стране опасности, показывают, в чём именно она состоит и с какой стороны надвигается. Глубоко символична воспроизводимая нами обложка лондонского издания романа: кованые сапоги военщины безжалостно топчут звёздно-полосатый флаг Соединённых Штатов.

Книга «Семь дней в мае» вызвала разноречивые отклики в США. Её покупали широкие слои публики, студенческая молодёжь, либеральные круги. Она была нарасхват. Официальный Вашингтон, реакционные политики, представители «большого бизнеса» и особенно высшие военные круги встретили её с раздражением. Серьёзным нападкам подвергся роман и со стороны реакционной прессы.

В августе 1964 года американский журнал «Лук» поместил репортаж-интервью с одним из авторов книги — Ф. Нибелом. Судя по репортажу, писатель находится в состоянии серьёзного морального упадка: его угнетает та атмосфера осуждения и неодобрения, которую создают вокруг него многие из его бывших собратьев по перу, вашингтонская журна-

листская элита. Характерен заголовок этого репортажа в журнале «Лук»: «Они называют меня предателем своего класса». По словам журнала, Ф. Нибел сказал: «Мои коллеги, как правило, уважали меня. Но в последнее время я стал ощущать, какое-то скрытное, зловещее изменение отношения ко мне. Приветствия становятся менее дружескими, отношение более натянутым, поведение недружелюбным. То здесь, то там я вижу неодобрительные и даже враждебные взгляды. И вот однажды, поговорив с одним журналистом в Вашингтонском национальном центре прессы, я понял причины этих перемен — мои друзья считают меня предателем своего класса».

Ф. Нибел, стремясь затушевать подлинные причины этого положения, пытается утверждать, что друзья отворачиваются от него якобы потому, что он стал богатым и что это порождает зависть. Но это либо наивные, либо неискренние объяснения. Нибел и Бейли позволили себе немного приподнять завесу над замыслами реакционных политических и милитаристских кругов, показали реальную возможность военного заговора в США, обратили внимание общественности на опасность влияния военщины, чем сразу же вызвали немилость многих высокопоставленных деятелей в Вашингтоне.

В последнее время в США всё больше рядовых американцев начинает понимать гибельность пути, на который толкают США «бешеные» и милитаристы. Прогрессивные люди Америки, несмотря на преследования и травлю, усиливают борьбу с реакцией.

Известный американский общественный деятель Карлтон Гудлет, выступая в июле 1965 года на Всемирном конгрессе мира в Хельсинки, от имени честных передовых американцев заклеил позором агрессивный курс правительства США, ведущего «грязную войну» во Вьетнаме. Миллионы американцев участвовали в демонстрациях протеста против агрессивных действий США, в знаменитых походах в Вашингтон, в движении протеста против расовой дискриминации и расправы над неграми в стране. Прогрессивные люди Америки понимают, что не может быть свободной Алабамы, пока рвутся бомбы во Вьетнаме, не может быть свободы в

Сан-Франциско, пока продолжается интервенция в Санто-Доминго. Свой голос тревоги и протеста поднимают и честные учёные США.

За разумный политический курс всё чаще выступают и отдельные представители правящих кругов. Некоторые сенаторы и конгрессмены, такие, как Фулбрайт и Морзе, критикуют отдельные аспекты внутренней и внешней политики США.

Роман «Семь дней в мае» в основе своей глубоко реалистичен и политически актуален. Вот почему он с интересом встречен советским читателем. Роман помогает глубже ознакомиться с политическими нравами, царящими в США, лучше понять, какую большую опасность таит в себе агрессивный курс американских милитаристов и «бешеных». Эта книга приоткрывает завесу над тем, что в действительности представляет собой «американский образ жизни» и пресловутый «свободный мир».

П. Шишкин
ПРЕДИСЛОВИЕ⁵

Читателя этой книги ждут происшествия необычные. Авторы берут на себя смелость вторгнуться в мир, доступный лишь немногим. Действующие лица романа — президент США и его ближайшее окружение, высокопоставленные генералы и адмиралы. Вы входите в Белый дом, проникаете в огромный и мрачный Пентагон, становитесь свидетелем сложных и напряжённых событий.

Действие романа происходит почти в наши дни, в 1974 году. Американские военные круги недовольны политикой президента. Заключённый президентом договор с Советским Союзом о ядерном разоружении внушает им недоверие к действиям правительства, страх перед возможными последствиями. В узком кругу руководителей Пентагона и ультрареакционных членов конгресса созревает план насильственного устранения президента с его поста и захвата власти в свои руки — план государственного переворота.

В современных условиях государственные перевороты не редкость. Они происходят и в «старой» капиталистической Европе и в «молодой», развивающейся Африке. То и дело пронунасиаменто вспыхивают в странах Латинской Америки.

В подавляющем большинстве государственных переворотов главную роль играет человек в военной форме. Армия свергает королей и президентов, разгоняет парламенты, устанавливает военную диктатуру.

1963-й год, когда роман Флетчера Нибела и Чарльза Бейли «Семь дней в мае» увидел свет, отличался довольно большим числом государственных переворотов. Если за 1960-1962 гг. по статистике лондонского «Таймс» военные совершали в среднем пять переворотов в год, то в 1963 году антиправительственная активность военных возросла. Происходят военные перевороты в Гватемале и Эквадоре, в Доминиканской республике и Гондурасе власть захватывают военные

---

⁵ Ф. Нибел, Ч. Бейли. Семь дней в мае – М.: Прогресс, 1970 – с. 5-20.

хунты, в Того военные убивают президента, военные пытаются узурпировать власть в Турции.

Один из американских историков⁶, анализируя эти факты, задаётся вопросом — а может ли подобное произойти в Соединённых Штатах? Он находит немало «убедительных» аргументов, чтобы сказать: «Нет, конечно, нет. Невозможно такое в нашей демократической стране».

Американские теоретики склонны считать, что военные перевороты как признак слабо развитой государственности присущи лишь странам невысокой цивилизации, не имеющим прочных демократических традиций. В цивилизованном обществе военный переворот, по их мнению, почти исключён. Военный переворот 1967 года в Греции, профашистский режим «чёрных полковников», оказывается, не опровергает их теории, а говорит о возможности отступления от исторических правил. Но если отступления возможны, то где гарантия, что военный сапог не оставит своих следов и на звёздно-полосатом знамени Соединённых Штатов?

Перечень насильственных актов, преследующих цели изменения политической линии, в данном случае американского правительства, следует продолжить. В ноябре 1963 года жертвой заговора, пока не раскрытого, пал президент Соединённых Штатов Америки Джон Кеннеди. В 1968 году во время избирательной кампании был убит один из кандидатов в президенты — Роберт Кеннеди, что можно рассматривать и как своего рода превентивную попытку оказать влияние на правительственный курс.

Защитники Пентагона призывают в свидетели высокой ответственности военных за судьбы американской демократии историю США, которая, действительно, не знала «официально признанных» военных переворотов. Президенты США приходили и уходили из Белого дома в полном соответствии с конституцией страны. Правда, три президента из тридцати семи пали жертвой террористических актов. Но истинные причины убийств традиционно оставались «неизвестными», и самым важным в этой традиции стало всячески избегать сло-

---

⁶ J. Raymand. Power of Pentagon, N. Y. 1964, p. 319.

ва «заговор». Президента могли убить по любым причинам — личным, общественным, политическим — допускалось всё, только не заговор. Считалось, что убийца всегда действовал в одиночку, его связи оставались «нераскрытыми», соучастники «неизвестными». Так государственные преступления погружались во мрак давно прошедшего, а американская демократия пребывала «незапятнанной» антиправительственными заговорами.

Авторы романа «Семь дней в мае» чутко улавливают эту фальшь.

Нибел и Бейли писали свой роман «Семь дней в мае» как бы с натуры. Окружающая американская действительность питала их замысел обильными фактами усиливающегося влияния военных на государственные дела. Перед ними проходила колоритная галерея действующих лиц — агрессивных генералов, призывающих к атомной войне, ультрареакционных конгрессменов и сенаторов, требующих усиления гонки вооружений, опытных политиканов, действующих в интересах военно-промышленных корпораций.

Милитаризм, получивший после второй мировой войны быстрое развитие в США, оказывает воздействие на многие стороны жизни американского общества — экономику, политику, идеологию, науку, культуру. Начиная с 1946 года Соединённые Штаты израсходовали на вооружение триллион долларов. «Капиталы» военного ведомства — предмет подобоострастного восхищения людей большого бизнеса. Даже гигантские промышленные корпорации в сравнении с Пентагоном (по своим капиталам) выглядят жалкими пигмеями. Военное министерство, писал американский журнал «Форчун», можно уподобить компании фантастических размеров, против которой «безграничная» «Америкен Телефон энд Телеграф компани» не более как телефонный коммутатор в захолустной провинциальной гостинице.

Пожалуй, наиболее выразительным символическим воплощением американской военной машины служит само здание военного министерства — Пентагон. Он столь же огромен, сколь и мрачен, этот каменный пятиугольник. Одна лишь сторона его длиннее, чем три футбольных поля. Беско-

нечные коридоры тянутся на десятки километров. Более 40 тысяч телефонных аппаратов и 2000 телетайпов связывают сотрудников между собой и с внешним миром. Свыше 30-ти тысяч военных и штатских ежедневно заполняют эту серую громаду.

Пентагон возведён в конце второй мировой войны на заболоченном берегу реки Потомак, на месте большой грязной свалки, именуемой в народе «Чёртовым дном». Название это можно было бы и забыть, тем паче, что давно нет ни болота, ни свалки, если бы не американские историки, которые, говоря о мрачном здании военного ведомства, никогда не преминут вспомнить о нечистой силе. Своими огромными размерами Пентагон как бы наглядно демонстрирует тот размах и мощь, которые приобрёл милитаризм в США. В одном лишь крыле (из пяти) Пентагона мог бы свободно разместиться весь Капитолий с полным составом конгресса и обслуживающим его персоналом. В этом условном соотношении власти гражданской и военной также есть определённая символика.

Пентагон ведёт активную пропаганду своих действий и идей. Бюро информации военного ведомства регулярно снабжает редакции газет, журналов, а также иностранных журналистов политической и военной информацией и другими материалами. Оно готовит записи на плёнку для радио- и телевизионных компаний. Кроме того радиотелевизионные станции самого Пентагона передают три раза в неделю программы для всей страны. Пентагон организует публичные выступления военных деятелей и снабжает их готовыми текстами лекций. Пропагандистскую машину Пентагона обслуживает более 3000 военных и штатских специалистов пропаганды и рекламы.

Влияние и опасность американского милитаризма возрастали по мере того, как он своими корнями всё глубже уходил в экономику, как расширялась военная индустрия страны. Бывший президент США генерал Эйзенхауэр утверждал, что до второй мировой войны в США почти не было профессиональной военной промышленности. Она создавалась во время войны и особенно быстро после её окончания.

На почве взаимной заинтересованности образовался альянс военных промышленников и генералов⁷. Военные устанавливали связи с промышленными корпорациями, чтобы быть уверенными в выполнении своих заказов. Корпорации, в свою очередь, добивались осведомлённости в военных планах, чтобы получить больше военных заказов, приносящих им огромные прибыли. Таким путём генералы становились советниками президентов корпораций, а последние — советниками Пентагона. Журнал «Бизнес уик» писал, что в деловых кругах то и дело слышались советы обзаводиться генералами. Доводы приводились убедительные: какое государственное ведомство больше всего расходует средств — военное, кто лучше всех умеет протолкнуть выгодный заказ сквозь бюрократические дебри — генерал или адмирал. Так сделайте же его председателем совета директоров! И корпорации обзаводились военными, спрос на генералов и адмиралов непрерывно возрастал. По подсчётам одного из сенаторов в 1969 году более 2000 высших офицеров, ушедших в отставку, работали в 100 корпорациях, выполняющих заказы Пентагона. (В 1959 году таких было лишь 721).

На опасность этого союза промышленников и военных обращал внимание американцев не кто иной, как тот же генерал Эйзенхауэр. В своём последнем президентском послании конгрессу США в 1961 году он отмечал: «Сплыв многочисленного военного персонала и сильной промышленности, производящей вооружение, представляет собой новое явление в истории Америки. Его экономическое, политическое и даже духовное влияние сказывается во всех городах, во всех законодательных собраниях, во всех учреждениях федерального правительства. Мы должны помешать этому военно-промышленному комплексу приобрести — намеренно или волей обстоятельств — чрезмерное влияние в правительственных органах»⁸.

Роман «Семь дней в мае» писался в годы президентства Джона Кеннеди. Это не означает, что Кеннеди явился прото-

---

⁷ J. Raymond. Power of Pentagon, N. Y. 1964, p. 18.

⁸ J. Raymond. Power of Pentagon, N. Y. 1964, p. 18.

типом выведенного в романе президента США Джордана Лимена. Последний слишком уж ординарен, краски, его характеризующие, однообразны и тусклы. Но он не лишён весьма ценного для президента крупнейшей страны качества — чувства реального. Он — сторонник реалистической политики, и этот курс приводит его к заключению Московского договора о ядерном разоружении. В этих действиях президента Лимена несомненно есть что-то и от президента Кеннеди, подписавшего в 1963 году Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия.

Но главным для авторов романа были не столько личные качества государственных деятелей, сколько политическая обстановка, в которой они действовали. И в этом отношении коллизия между Пентагоном и Белым домом в президентство Кеннеди отличалась особой остротой и серьёзностью. Генералы оказывали на президента, по свидетельству его приближённых, такое давление, которое никак не соотновывалось с их положением подчинённых. В момент кубинского кризиса (1962) военная машина Пентагона была весьма близка к тому, чтобы, слолив преграды, начать действовать бесконтрольно. В опубликованных воспоминаниях брата президента, тогдашнего министра юстиции Роберта Кеннеди, отмечается, что после того, как кубинский кризис был разрешён, «военные всё же требовали атаковать русских в любом случае». Один из высокопоставленных представителей объединённой группы начальников штабов предлагал пустить в ход ядерное оружие. Военные при этом руководствовались, по мнению Р. Кеннеди, примитивной, но весьма опасной философией: если в наш атомный век командующий примет ошибочное решение, то судить об этом его окружению уже не придётся. Р. Кеннеди вспоминает и о таких фактах, когда Пентагон просто игнорировал приказы президента как главнокомандующего. Так, приказ президента о вывозе из Турции ракет, которые по его утверждению устарели и служили лишь целям провокации, не был выполнен Пентагоном, о чём президент узнал только месяц спустя в самые тяжёлые минуты кубинского кризиса. Президент был потрясён самоуправ-

ством военных. Но мрачный и огромный Пентагон слабо реагировал на подобные эмоции Белого дома⁹.

Обсуждение Московского договора (о запрещении испытаний ядерного оружия) в конгрессе вызвало новую волну открытого недовольства генералов политикой президента. Они активно использовали ультраправых в конгрессе, сенаторов и конгрессменов, которые тесно связаны с фабрикантами оружия, чтобы сорвать ратификацию договора. И после того, как он был ратифицирован и подписан президентом и в его лице главнокомандующим вооружёнными силами страны, генералы Пентагона ещё долго продолжали выражать своё неодобрение.

Роман «Семь дней в мае» в художественной форме отражает эту обстановку растущего самовластия американской военщины. Сюжет романа — антиправительственный заговор военных — возникает поэтому не случайно. Это не плод досужего воображения авторов. Они берут на себя ответственность представить силы американской реакции созревшими к тому, чтобы нанести смертельный удар существующей в стране буржуазной демократии.

Действующих лиц в романе немного, драма разыгрывается в узком кругу друзей и врагов президента Лимена. Всё, что за этим кругом — народ, общественность, в романе не участвует. Об их настроениях и взглядах можно лишь догадываться по отдельным штрихам, общему тону романа, очевидным симпатиям авторов. Правильным был бы вывод, что большинство американцев поддерживает реалистическую политику президента Лимена, заключившего договор о всеобщем разоружении. Но это ещё не решение проблемы. Противники (военщина и военные промышленники) слишком сильны, в их руках огромные средства, оружие, армия. И авторы не упрощают обстановку.

Вот почему президент Лимен так обеспокоен надвигающейся угрозой. В его распоряжении немного времени — всего семь дней, — на исходе которых военные во главе с генералом Скоттом, председателем комитета начальников шта-

---

⁹ News Week, op. cit., p. 24.

бов, должны были бы устранить президента и захватить власть в свои руки.

Нибел и Бейли не скрывают, даже вернее подчёркивают, растерянность Лимена, порой он кажется беспомощным и одиноким. Его друзья, — но как мало тех, кому он может довериться и на кого положиться: сенатор Рей Кларк, полковник Гендерсон, случайно напавший на след заговора полковник Кейси, помощник президента Поль Джирард и секретарь президента Эстер Топпинг. С такой «армией» много не навоеешь.

Возможно, в романе допущено преднамеренное смещение фактов. В самом деле, президент США наделён большой властью. Он — глава федерального правительства, главнокомандующий всеми вооружёнными силами страны, лидер правящей партии. И в час грозящей стране опасности он имеет право обратиться к конгрессу, партии, наконец, к народу, чтобы защитить демократию. Но герой романа, президент Лимен, совершенно не намерен воспользоваться этой возможностью. Авторы романа как бы искусственно изолируют его от окружающего мира, замыкают в стенах Белого дома. И всё же мы не можем бросить им упрёка в искажении действительности.

Как уже отмечалось выше, Нибел и Бейли тонко подмечают фальшь в политике государственных лидеров, установившуюся традицию тщательно скрывать обстоятельства государственных преступлений, дабы общественность не увидела на мундире американской демократии подозрительных пятен.

Авторы ставят своего героя перед очень трудной задачей — устранить заговор и сохранить всё в глубочайшей тайне. И ещё вопрос, что тут важнее! Поэтому так малочисленны сторонники президента — чем меньше их, тем легче сохранить тайну. Поэтому так неуверенны и медлительны действия президента — только бы не допустить огласки готовящегося преступления.

Но все предосторожности оказались тщетными. Жена полковника Кейси, того, кто первым обнаружил заговор, вдруг спрашивает его: «Джигс, верно, что на той неделе гото-

вился переворот?...». Полковник, удивлённый и смущённый тем, что тайна уже проникла за стены Белого дома, ответил: «Не знаю, Мардж, право не знаю. У меня нет никаких сведений».

Куда в более тяжёлом положении оказался президент Лимен на пресс-конференции, которую приводят авторы в эпилоге.

Один из присутствующих корреспондентов спросил президента, известно ли ему о каком-либо заговоре в военных кругах с целью государственного переворота. Президент Лимен отверг не только «слухи» о заговоре, но и саму мысль о возможности такого преступления со стороны военных. Он выразил уверенность, что и американский народ не верит в возможность заговора.

Герой романа президент Лимен скрыл правду от американского народа. Он всячески обеляет военных, отмечает «talанты и добродетели» главаря заговора генерала Скотта, обещает уволенным в отставку участникам заговора сохранить их генеральские пенсии.

В этом чувствуется не только стремление рассеять «подозрения» относительно заговора, но и признание силы и влияния военщины, боязнь ещё более обострить отношения с Пентагоном. И не с одним Пентагоном. Правда, в романе нет действующих лиц из мира большого бизнеса, мы не видим влиятельных представителей военных корпораций. Но их злую волю читатель ощущает и в наглой самоуверенности генералов и в беспомощной растерянности президента перед заговором. Их опасные замыслы отражены в энергичных действиях такого персонажа романа как сенатор Прентис. Он — главное связующее звено между заговорщиками-генералами и промышленными воротилами, которые, как и в реальной действительности, остаются в тени. Сам сенатор — совладелец крупных ракетных предприятий — проявляет непосредственную заинтересованность в заговоре. В конце романа становится очевидным, что именно Прентис, сенатор-делец, был душой заговора. Авторы совершенно ясно дают понять, что в военно-промышленном ансамбле первую скрипку играет всё-таки бизнес. Однако нельзя сказать, что военным в ро-

мане отведена роль исполнителей чужой воли. Нибел и Бейли не лишают их самостоятельного значения, не умаляют опасности их реакционных замыслов.

Роман «Семь дней в мае» вызвал интерес, ещё не увидев света. Президент Кеннеди, узнав, что роман готовится к публикации, прочитал его в гранках и одобрил. Это избавило авторов от многих сомнений, и роман появился на книжном рынке.

Официальная американская критика встретила «Семь дней в мае» весьма холодно. Демократия в США — факт непреложный, писала «Нью-Йорк таймс», и сочинение, которое повествует о её ниспровержении, способно лишь шокировать читателя. Пентагон возмущала непозволительная дерзость штатских сочинителей, вторгшихся в мир «совершенно секретного». Бригадный генерал С. Маршалл писал о романе «Семь дней в мае»: «В этой книге военные Соединённых Штатов представлены карикатурно, подобно примитивным автоматам, которые беспрекословно выполняют приказы вышестоящих начальников»¹⁰. Раздражение, несомненно, мешало генералу более внимательно вчитаться в текст. Авторы не заслужили его упрёков, ибо в романе не кто иной, как сами военные, раскрывают президенту планы заговора.

Роман «Семь дней в мае» быстро завоевал симпатии читателей не только в США. Книга разошлась во многих странах. Американский режиссёр Френкенхаймер по роману создал фильм, с успехом показанный и на зарубежных экранах.

Читателей привлекает острая политическая фабула произведения, напряжённый, возрастающий динамизм происходящих событий. И в этом ключ его успеха. Художественные же средства авторов довольно ограничены, в романе нет глубокого проникновения в психологию действующих лиц, их характеры во многом условны и схематичны.

Флетчер Нибел и Чарльз Бейли — журналисты. Они взяли за нелёгкий писательский труд с намерениями честными — привлечь внимание читателей, заставить их ещё и ещё раз задуматься над тем, сколь опасен американский ми-

---

¹⁰ J. Raymond. Power of Pentagon, N. Y. 1964, p. 320.

литературизм и как необходимо остановить его губительную поступь. «Семь дней в мае» — не первый и не последний их роман.

Они начали совместное творчество с книги под названием «Без веских оснований» (*No High Ground*, 1960) — об атомной бомбардировке Хиросимы. Книга полностью основана на фактах. В ней приводятся мнения известных американских учёных, принимавших непосредственное участие в создании атомной бомбы, многочисленные высказывания политических и общественных деятелей. Все они в той или иной мере признают, что для применения атомной бомбы у США не было военной необходимости. Жители Хиросимы и Нагасаки стали жертвой далеко идущих политических планов Соединённых Штатов, планов утверждения своего мирового господства.

Книга незаслуженно не получила широкого распространения. Её фактологический характер, близкий к политическому репортажу, привлекал лишь определённый круг читателей.

В 1964 году выходит их третий роман «Съезд» (*Convention*).

Внезапная смерть Чарльза Бейли¹¹ положила конец этому творческому содружеству. Флетчер Нибел продолжает писать один. В 1965 году был опубликован его роман «Ночь в Кемп Дэвиде» (*Night of Camp David*), а в 1967 году роман «Исчезнувшие» (*Vanished*).

Через все произведения этих авторов проходит мысль о необходимости избежать атомной войны, добиться ядерного разоружения. Авторы не придерживаются какой-либо политической или хронологической последовательности в развитии задуманной темы.

В романе «Семь дней в мае», действие которого отнесено к 1974 году, договор о ядерном разоружении между США и СССР уже заключён.

---

¹¹ Дабы опровергнуть это заявление, Чарльз Бейли приехал в Москву в 1972 году.

В романе «Съезд» события происходят в 1980 году, но о ядерном разоружении пока нет и речи. Главное действующее лицо его — министр финансов, бывший банкир Манчестер, добивается выдвижения своей кандидатуры на президентский пост от республиканской партии, выступая с очень умеренной программой. Он против военных заказов на новые ракеты, которые на двенадцать секунд быстрее тех, что уже имеются, могут достигнуть Советского Союза. Избирательную кампанию Манчестер ведёт под лозунгом «довольно — этого довольно», т. е. произведённого оружия достаточно, следует остановиться. После «Семи дней в мае» роман «Съезд» оставляет впечатление, что авторы решили не торопить события, отступить назад, ближе к американской действительности, и показать, кто враги разоружения, насколько они сильны и какая с ними предстоит борьба.

В романе Нибела «Исчезнувшие» договор о ядерном разоружении подготавливается в строжайшем секрете. На маленьком острове, затерянном в Атлантическом океане, собрались учёные пяти великих держав и втайне от всего мира разрабатывают условия договора. Операция носит кодовое название «Альфа». В США об этом знает лишь президент и его ближайший друг, юрист Грир. Его-то президент и посылает на это совещание в качестве своего личного представителя. Но как это происходит? Грир, надев спортивный костюм, готовится играть в гольф и вдруг бесследно исчезает. Агенты ФБР в тщетных поисках сбиваются с ног, печать теряется в догадках, кто и почему похитил самого близкого президенту человека, да ещё в разгар избирательной кампании. Тем временем Грир на таинственном острове успешно разрабатывал операцию «Альфа».

Зачем понадобилась президенту эта ультраконспирация? От кого он так тщательно скрывал готовящийся договор о ядерном разоружении? В этом-то и есть гвоздь романа. Оказывается, президент больше всего боится своего Центрального разведывательного управления, представленного Нибелом ярким противником разоружения. Президент подозревает, что ЦРУ имеет своих агентов в Белом доме и следит за каждым его шагом. Узнай ЦРУ о готовящемся договоре,

оно использовало бы все средства, чтобы сорвать его. Но всё в романе кончается благополучно. Президент одерживает победу на выборах и остаётся в Белом доме на второй срок. Операция «Альфа» удачно завершена, и президент даже распустил ЦРУ, сменил его руководящий аппарат, устранил и это препятствие на пути к ядерному разоружению.

Произведения Нибела и Бейли написаны в жанре политического романа.

Американские литературоведы, говоря о политическом романе, определяют его как «сложный жанр», и нередко подобной оценкой ограничивается анализ его литературных особенностей. Однако есть и другие характеристики. Например: «Политический роман — это такое произведение, в котором политические идеи играют доминирующую роль, или в котором политическая обстановка является главным объектом изображения».

Далее отмечается, что автор политического романа ограничен в своём творчестве, с одной стороны, «необходимостью» изложить свои политические взгляды, с другой — «возможностью» сделать это в конкретной политической обстановке. Его литературным замыслам противостоит опыт истории, на пути его чистых идеалов — противоречивая реальность. Долг писателя — умело сочетать желаемое с действительным.

В такой характеристике, пожалуй, больше всего предупреждений автору, приступающему к написанию политического романа, о том, сколь нелёгкий предстоит ему труд и как велика его ответственность.

Профессор университета в Теннесси Джеймс Дэвидсон¹² в определении политического романа исходит из трёх элементарных положений, которые он кратко сформулировал так: сюжет романа — политика, цель — убеждение (чрезмерная пропаганда снижает воздействие замысла), литературные средства — любые, в зависимости от необходимости.

---

¹² J. Davidson. Political Science and Political Fiction. American Political Science Review. December 1961, p. 851.

В этой схеме интересно замечание о том, что политический роман не ограничен в литературных средствах. Что касается американских авторов, то чаще всего в политических романах они прибегают к тем же литературным средствам, что и в детективном жанре. Это придаёт сложным политическим проблемам сюжетную остроту и занимательность, а также позволяет автору в любой политической ситуации, независимо от логики развития событий, завершить произведение благополучным концом.

Не случайно поэтому одни критики считают «Семь дней в мае» политическим романом, другие — типичным детективом. Есть также мнение, что это роман одновременно и политический и детективный.

Профессор Дэвидсон в определении политического романа подчёркивает его идейную сторону. Роман может быть политическим, пишет он, когда автор намерен убедить читателя в правоте определённых политических идей и взглядов.

Подобное понимание идейности встречает острую оппозицию со стороны буржуазных литературных критиков. Большинство из них признаёт социально-идеологическую основу в политическом романе закономерной, но назвать политический роман «романом идей» равносильно в их глазах преданию его анафеме¹³.

Решительные возражения критиков против такого романа сводятся обычно к тому, что его идеи (особенно прогрессивные) якобы далеки от действительности. Эти обвинения выдвигались и против романа «Семь дней в мае». Его критиковали за «нереалистичность» замысла о военном перевороте в США.

Несомненно, в оценке политического романа наиболее важным является его связь с реальной действительностью, соответствие выдвинутых в нём идеи конкретной политической обстановке. Этим, собственно, и определяется его познавательное значение. Американские литературоведы цель политического романа видят в том, что он «учит политиче-

---

¹³ J. Davidson. Political Science and Political Fiction. American Political Science Review. December 1961, p. 858.

скому искусству управлять», помогает приобретать такого рода опыт, который в реальной действительности получить невозможно. Однако они считают политический роман бесполезным в смысле познания политической истории, как в отношении фактов, так и обстановки¹⁴.

Конечно, политический роман это не учебник истории, но он средствами недоступными историческому произведению может полнее и ярче передать политическую обстановку, её особенности и характер.

Дело, очевидно, прежде всего, в том, какой это политический роман. В этом жанре выступают американские авторы самых различных идейно-политических взглядов и направлений — от ультрареакционных до леволиберальных. В зависимости от этого политический роман носит или конформистский, явно апологетический характер, или в нём преобладают элементы критического отношения автора к изображаемой им действительности. Конформистский роман (Л. Урис, Р. Мур, Р. Пауэлл и др.) открыто или в завуалированной форме защищает и воспекает «достоинства» капиталистической системы, буржуазной демократии, обеляет американский империализм. Нередко он насыщен антикоммунизмом. Конформистский роман, однако, допускает и некоторую критику существующих порядков, дабы придать тем самым пропагандистскому вымыслу определённое правдоподобие. Но это критика «справа».

В романе второго рода превалирует критика, и подчас острая, многих институтов капиталистического общества. В современных условиях роста движения за мир политический роман своеобразного «левокритического» направления приобретает всё более антимилитаристский характер. Сюда относятся и вышедшие в свет произведения Ф. Нибела и Ч. Бейли.

Однако и этот роман не выходит из круга весьма умеренных идей. Авторы, обычно либералы различных оттенков, отнюдь не стремятся «ниспровергнуть» существующие порядки. Критикуя многочисленные недостатки капиталистиче-

---

¹⁴ J. Davidson, *op. cit.*, p. 857.

ского общества, они оставляют всяческие возможности для их исправления, ничего по существу не меняя. Поэтому и в политическом романе критического направления апология в тех или иных дозах — нередкое явление. Она, в первую очередь, в благоприятном финале, когда острые ситуации в конце концов разрешаются без ущерба для американской демократии — она как бы нейтрализует их опасные проявления.

“Happy end” характерен и для произведений Нибела и Бейли. Возможно, это дань традиции или даже своеобразная форма выражения политической благонадёжности авторов. Во всяком случае, удачный исход романа «Семь дней в мае» не является логическим следствием развивающихся событий. Наоборот, события почти исключают «счастливую» развязку, и лишь случай спасает положение. Весьма вероятно, что такой «счастливый случай», опрокидывающий всё заранее и тщательно подготовленное, не более как литературный приём. Однако в романе политическое значение случайного иное, чем в романе детективном. Военный заговор, например, мог провалиться по непредвиденному стечению обстоятельств. Но в самом факте его подготовки соединились причины политические, социальные, идеологические, в которых нет ничего случайного. Они остаются и продолжают действовать независимо от случайного конечного результата.

Хотя Ф. Нибел и Ч. Бейли и пользуются художественными средствами детективного романа, всё же было бы необоснованным относить их произведения к жанру чистого детектива. По важности политических мотивов, по насыщенности событиями чисто политического характера роман «Семь дней в мае» и некоторые другие их произведения, несомненно, относятся к жанру политического романа. Они не лишены недостатков, частично уже указанных. Тем не менее, Ф. Нибел и Ч. Бейли своими произведениями выполняют благородную миссию, убедительно разоблачая возрастающую опасность американского милитаризма и помогая тем самым формированию антимилитаристских настроений широкой общественности в США.

Советский читатель, познакомившись с романом Ф. Нибела и Ч. Бейли «Семь дней в мае» на языке оригинала, найдёт немало полезного и интересного в правдивых картинах политических нравов Белого дома и Пентагона, раскрывающих опасные замыслы американской военщины.

Михаил Сагателян
**ПОЧЕМУ У НАС НЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФИЛЬМОВ
О ЗАПАДЕ?**

*Вместо рецензии на «Рыцарей “Золотой перчатки”»*¹⁵

...Теперь насчёт «липы». Думаю, что на девяносто процентов она образуется совсем не от непохожести декораций и уличных съёмов, а от непохожести героев - их речей, действий, отношения к окружающему, от сути возникающих между ними конфликтов. Но это уже зависит не от трудности съёмки «под Америку», а от знания предмета.

Делать такие фильмы нужно квалифицированно, с налёта подобную ленту не снимешь. Самый лучший пример тому - недавняя попытка, предпринятая нашим Центральным телевидением, экранизировать превосходный роман американских журналистов Нибела и Бейли «Семь дней в мае». Назвав своё произведение «Заговор» (речь в книге идёт о заговоре американской военщины против президента США, заключившего с Советским Союзом соглашение о разоружении и начавшего его выполнять), авторы, не поработав толком над диалогами и характерами, просто-напросто вложили цитаты из романа в уста актёров. К тому же с первых минут чувствовалось, что драматург и режиссёр никакого представления о сегодняшней Америке не имеют ни в больших, ни в малых деталях. В результате получился лихой кавалерийский наскок на тему, которая в книге «Семь дней в мае» решена блестяще и очень убедительно. Фильму же не веришь уже с первых минут первой серии. «Липа» расцветает тогда, когда ею напичканы образы героев, и не обстановка бара тут раздражает неправдой, а то, что эти герои говорят там «липовые» слова, совершают «липовые» поступки...

---

¹⁵ ж. «Искусство кино», 1970, № 7, с. 150-151.

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ НЕДЕЛЯ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ МНЕНИЙ

Литература и искусство, 11 – 17 августа

7×7¹⁶

1. Какая передача на прошедшей неделе понравилась Вам больше других?

2. Возможно, была передача, вызвавшая ощущение зря потерянного времени?

Сергей БАРУЗДИН

2. К сожалению, я не читал роман Ф. Нибела и Ч. Бейли. Но снятый по нему четырёхсерийный фильм «Последний довод королей» весьма скучное зрелище. Дикторский текст лишь усугубил это впечатление.

Григорий ГОРИН

2. Фильм «Последний довод королей» Впрочем, объективно судить не могу: не хватило сил досмотреть до конца.

Лев КЕРБЕЛЬ

1. «Последний довод королей». Фильм, снятый в популярном жанре политического детектива, на мой взгляд, довольно точно отражает борьбу реально мыслящих политических деятелей США с грозным чудовищем — военно-промышленным комплексом в этой стране.

Виктор РОЗОВ

1. «Последний довод королей». Удачно включение документальных кадров. Актёры (кто меньше, кто больше) работают в добротной манере американского политического детектива. Но комментарии В. Дунаева слишком прямолинейны, разрушают впечатление о фильме.

---

¹⁶ г. «Литературная газета», 20 августа 1986 г., № 34 (5100), с. 2.

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА ИСКУССТВ «ЛГ»

Наши «эксперты» на этой неделе ещё менее единодушны, чем на прошлой, и говорить о передаче «призёре» просто невозможно. Не означает ли это, что прошедшая телнеделя была весьма тусклой? А может быть, расхождения объясняются теми требованиями, которые предъявляют нынче телевидению зрители, ожиданиями перемен, обновления, остроты, нешаблонности.

Ещё год-два назад, уверены, был бы принят более благосклонно сериал «Последний довод королей» — работа добротная, интересная актёрски. Но сегодня даже след штампа, ориентация на привычное, «проверенное» вызывают подчас резкое неприятие.

Я. Боровой
ОДНАЖДЫ В МАЕ¹⁷

Когда президенту США Джордану Лимену в телефильме «Последний довод королей» в одно обычное майское утро сообщают о том, что медные каски во главе с генералом Джеймсом Скоттом намереваются совершить военный переворот под кодовым названием «Холодный огонь», он искренне восклицает: «У нас это невозможно». Знакомые слова. Именно так — «У нас это невозможно» — назывался роман-памфлет Синклера Льюиса, написанный более пятидесяти лет назад, в 1935 году. В этом произведении, возможно, впервые в американской литературе обличались тайные и явные приверженцы фашизма в США. Льюис бил в набат. В дальнейшем эта тема получила развитие во многих произведениях, в том числе и в нашумевшем в своё время романе Флетчера Нибела и Чарльза Бейли «Семь дней в мае» (1963 год). Тогда авторы (американские журналисты, которым хорошо известны теневые механизмы вашингтонской кухни) отнесли действие на десять лет вперёд — к 1974 году. Их прогноз во многом сбылся. В августе того года из Белого дома был изгнан после унижительной процедуры импичмента президент Никсон. Причин тому было много. Но важно выявить одну из главных — Никсон был первым послевоенным президентом США, который пошёл на разрядку и на сотрудничество с Советским Союзом. Так что описанное в романе Ф. Нибела и Ч. Бейли развитие событий вполне возможно и уже случалось за кулисами вашингтонской жизни.

Авторы нового четырёхсерийного художественного телефильма «Последний довод королей» (студия «Укртелефильм») сценарист Владимир Дунаев и режиссёр-постановщик Виктор Кисин взяли на себя смелость перенести действие на 10-15 лет вперёд уже от наших дней (где-то на конец века). Роман Ф. Нибела и Ч. Бейли был как бы прочитан заново политическим обозревателем ЦТ В. Дунаевым.

---

¹⁷ г. «Советская культура», 23 августа 1986 г., с. 2.

Этот телефильм — американская версия реальных событий. Это грозное предостережение не Лиману, а всей Америке и не только Америке. Чем яснее, очевиднее становится угроза ядерной войны, чем сильнее движение в самой Америке за прекращение гонки вооружений, за долговременное сближение с Советским Союзом, тем отчаяннее будет сопротивление военно-промышленного комплекса, тем острее будет конфликт между здравомыслием и мракобесием.

Заправили военно-промышленного комплекса не задумываются о судьбах человечества, ибо их действиями руководят соображения алчности, корысти. По данным комиссии палаты представителей конгресса США, из 169 концернов военно-промышленного комплекса 94 удалось в прошлом году получить прибыль в размере 50 процентов, 49 — свыше 100, а 22 — 200 процентов. Три концерна получили до 500 процентов, а один даже 2 тысячи процентов. Конечно же, ради таких баснословных дивидендов боссы ВПК готовы на любые преступления вплоть до установления фашистской диктатуры.

Гонка вооружений тормозит социально-экономический прогресс. Расчёты специалистов Иллинойского университета в США доказывают, что, если направить ресурсы из военного сектора в сферу образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, это позволило бы увеличить число рабочих мест в США на 6,7 миллиона. Под воздействием неумолимых факторов человеконенавистнический характер военно-промышленного комплекса признают и некоторые представители правящего истеблишмента. Так, бывший президент США Д. Эйзенхауэр был вынужден заявить, что «каждая пушка, которая производится, каждый военный корабль, который спускается на воду, каждое ракетное устройство в конце концов являются кражей у тех, кто голодает, у тех, кто мёрзнет, у тех, кто раздет и разут». На другую сторону опасности для судеб всего мира указывал и сменивший Эйзенхауэра президент Кеннеди: «Военные имеют одно громадное преимущества. Если мы сделаем то, что они хотят от нас, ни один из нас не останется в живых, чтобы сказать им впоследствии, что они ошиблись». Мудрые и по сей день слова.

В этом поистине трагическом противоречии здравомыслия и имперских амбиций ВПК и заключается основной смысловой узел телефильма. В своём стремлении к искоренению даже остатков буржуазной демократии военно-промышленный комплекс опирается на социальную демагогию ультраправых, рядящихся в тогу ура-патриотизма, на существующие и активно действующие организации фашистского толка. Вглядимся в вымышленного телепроповедника Макферсона. Как же он похож на реального Джерри Фолуэлла, лидера «морального большинства»!.. Это он для огромной телеаудитории в 14 миллионов душ заявляет: «Бог — против договора с русскими». Это его «ребята» травят «мягкотелых» сенаторов, предают анафеме движение за замораживание ядерных арсеналов, прославляют объявленные и необъявленные войны Америки...

Макферсон — не только беснующийся проповедник, сеятель зла. Он открыто связан с фашистами, посещает сборища ку-клукс-клана и готов жечь кресты. Преувеличение? Нет! Это возможно... В телефильме, насыщенном интересными фактическими данными, приводятся сведения о нацистской «Организации белых людей». У них отделения в 22 штатах. У них склады оружия, подпольные стрельбища, свой гитлерюгенд, свой культ Гитлера-сверхчеловека... Да, в реальной жизни террористы из ККК и неонацистских группировок активизируют пропаганду расизма и мракобесия в США. Они уже приступили к действиям. На счету неонацистской группы «Ордер» — «Порядок» — убийство либерального комментатора одной из радиостанций Денвера Алана Берга, взрыв синагоги в штате Айдахо, хранение огромного запаса оружия и взрывчатки, составление списков людей, подлежащих уничтожению, в число которых попал целый ряд видных государственных и общественных деятелей США. Чем это не прелюдия к фашизму?

Угроза фашизма в Америке вполне реальна. Как отмечал американский журналист Бертрам Гросс в своей книге «“Дружелюбный” фашизм», в последние годы в Соединённых Штатах проявляется тенденция «к установлению всё более концентрированного, беспринципного, репрессивного,

милитаристского контроля со стороны крупного бизнеса и «большого правительства», которые в целях сохранения привилегий сверхбогачей, хозяев корпораций, высших военных и гражданских чинов ущемляют права и свободы других людей, как в США, так и за рубежом»

Пока что в фильме в поединке Лимен–Скотт побеждает президент, сумевший умело и чётко сгруппировать свои силы и погасить «Холодный огонь». Дело заканчивается компромиссом: Скотт смещён со своего поста, он сам вроде бы добровольно подаёт прошение об отставке. Лимен уверен: «Зло повержено, добро торжествует». Но так ли это? И вот примечательный момент из телефильма: генерал пишет заявление об отставке за письменным столом президента, рассуждая при этом: «Сражение проиграно. Но не война», а в кулуарах угрожает «мягкотелым» сенаторам: «Мы ещё встретимся, господа». Ультраправые в коричневой упаковке рвутся к власти. Пока это им не удаётся. Пока.

Важным моментом фильма является то обстоятельство, что авторы «Последнего довода королей» не акцентируют внимания на социальных различиях между Лименом и Скоттом. И впрямь: они представляют интересы одного и того же класса, только разные его группировки. Они, конечно же, за сохранение господствующих порядков. Более того, если Скотт — ставленник военно-промышленного комплекса, то президент Лимен тоже... ставленник финансистов Новой Англии, группы промышленников Среднего Запада и Юга.

В XVIII века стреляли из единорогов, гаубиц, мортир... На экране наших телевизоров в начале каждой из четырёх серий появлялась французская бомбарда, на которой Людовик под номером четырнадцать приказал выбить грозный девиз: «Ультима рацио региум», что значит: «последний довод королей». Сейчас, в ядерный век, эти пушки времён Людовика представляются театральной бутафорией».

В телевизионном фильме «Последний довод королей» убедительно показано, что внутри Америки предстоит тяжёлая, трудная борьба за реализм в политике, за ядерное разоружение, за сотрудничество с СССР. Как отмечалось в последнем Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС

М. С. Горбачёва по советскому телевидению, «мы хотели бы надеяться, что в американских оценках и действиях возьмут верх реализм, понимание необходимости совместных поисков путей к оздоровлению международной обстановки, прекращению бессмысленной гонки вооружений, к ликвидации ядерного оружия».

А. Файнгар
СЕМЬ ДНЕЙ В ЛЮБОМ МЕСЯЦЕ¹⁸

«Разговор, вначале совершенно банальный, под полночь вдруг принял фантастический поворот.

— Нет ничего легче.— Бригадный генерал, по натуре отличавшийся тяжеловесностью, от спиртного и подавно словно налился свинцом.— Для этого за глаза хватит полка военной полиции.

— А я, с вашего позволения, использовал бы морскую пехоту. Крепкие ребята, и не задают лишних вопросов.

— Возможно, вы правы. Эту часть операции мы поручим вам.

— Пришлите нам морских пехотинцев! — прокаркала генеральская жена в стакан с виски.

— Но ведь это только Белый дом. А как быть со всей страной?

— Нет ничего проще. У нас своя иерархическая лестница. Каждый приучен получать приказания от вышестоящего начальника и не задавать вопросов. Поэтому, когда мы накроем Белый дом и Пентагон...

— Вот тут-то нам и понадобится ваш второй полк,— сказал бригадный генерал.— Пока мы будем сажать под домашний арест начальников штабов, вы надёжно упрячете президента. Потом устроим пресс-конференцию в Белом доме, дадим объяснение событиям...

— Какое же вы дадите объяснение?

— Что мы спасли страну,— спокойно ответил генерал.— От ваших комми, от Нового курса...»

Приведённый разговор — несколько военных разоткровенничались на светской вечеринке — позаимствован из переведённого у нас романа американского писателя Гора Видала «Вашингтон, округ Колумбия». Действие происходит в годы второй мировой войны, в рузвельтовские времена. Что это, писательская выдумка? Неужели Соединённые Штаты

---

¹⁸ Ф. Нибел, Ч. Бейли. Семь дней в мае — М.: Прогресс, 1990 — с. 329-336.

Америки можно уподобить банановой республике, где военные перевороты стали печальной обыденностью? Послушаем Гора Видала дальше; вот как он комментирует этот отрывок из собственного романа в статье «Вест-Пойнт», написанной несколькими годами позднее: «Накануне второй мировой войны я не раз слышал, как генералы военно-воздушных сил, смеясь, говорили о той лёгкости — и это превратилось у них в навязчивую идею, — с какой они могли бы захватить Белый дом, разогнать конгресс и удержать страну от вступления в войну, которую этот еврей Франклин Д. Розенфельд собирался начать против Гитлера... Я отнюдь не считаю, что этот образ мыслей мёртв сегодня. Однажды я спросил Флетчера Нибела, что натолкнуло его на идею романа «Семь дней в мае», живого и популярного детектива о попытке военного переворота в Вашингтоне. „Разговоры с адмиралом Редфордом, — сказал мне Нибел. — Он напугал меня до смерти. Я словно воочию увидел, как комитет начальников штабов вышибает Кеннеди из Белого дома“».

Читателю всегда интересно, откуда берутся сюжеты литературных произведений. Свидетельство сразу двух писателей заслуживает полного доверия. Г. Видал родился в Вест-Пойнте в семье выпускника и преподавателя расположенной в этом городке на Гудзоне Военной академии США, дядя его — генерал ВВС; журналист Ф. Нибел в течение многих лет был главой вашингтонского бюро газетного концерна Коулса и много писал о Пентагоне. Итак, сюжет романа, который вы только что прочитали, взят из жизни, и только на первый взгляд кажется невероятным, неправдоподобным.

Если бы он был таковым, то не значился бы роман «Семь дней в мае» сорок девять недель подряд в списке американских бестселлеров и не имел бы такого шумного успеха снятый по нему режиссёром Франкенхаймером фильм с Кирком Дугласом, Бертом Ланкастером и Фредом Марчем в главных ролях, не чета, кстати, крайне неудачному фильму нашего телевидения. Давно подмечено, что широко популярным может стать лишь такое литературное произведение, которое затронуло волнующие многих людей проблемы. Одной сюжетной занимательности недостаточно; бессчётные детек-

тивы вспыхивают на мгновение, иной раз довольно ярко, и тут же сгорают как бы в собственном пламени.

Скользя по поверхности, легко прийти к заблуждению, будто «Семь дней в мае» именно такой детективный роман с традиционно благополучным исходом. В самом деле: генералы плетут сеть заговора, случайная записка, попавшая в руки честного полковника, и ряд загадочных фактов заставляют президента насторожиться; группа близких друзей президента приступает к расследованию и, благодаря цепи счастливых случайностей, успевает вовремя разоблачить заговорщиков.

Внешне всё выглядит именно так. Американская демократия уцелела благодаря счастливой случайности. Если на этом поставить точку, то возникает резонный вопрос: много ли стоит политическая система, существование которой зависит, скажем, от серебряного портсигара, чудом уцелевшего со своим содержимым в обгоревших обломках самолёта, разбившегося за тысячи миль от Вашингтона?

В романе таких случайностей немало: скомканная записка, избавление сенатора Кларка из-под ареста на военной базе, упомянутый сплюснутый портсигар с обгоревшим по краям документом внутри, нехарактерные, по мнению президента, для сотрудника госдепартамента сообразительность и расторопность — все эти чудеса служат в романе точками опоры детективного сюжета. Но не только. Прежде всего, в них — гротескное выражение основной мысли авторов: когда милитаризация достигает определённого уровня, военные могут захватить власть в любой стране простым нажатием нескольких кнопок.

Почему же гротескное? Да потому, что, несмотря на точно подмеченную опасность — в сущности, о ней предупреждал Дуайт Эйзенхауэр, говоря о военно-промышленном комплексе накануне своего ухода с поста президента,— гражданская власть отнюдь не безоружна.

Характерно, что, уловив смутный ещё душок военного заговора, честный гражданин полковник Кейси бросился, прежде всего, искать текст американской конституции. В романе рассказано, как он не без труда нашёл его в некоем старом альманахе, но не говорится, что этот офицер мог вычи-

тать в самом тексте. А о делах военных там ничего практически нет, кроме того, что президент США является главнокомандующим вооружёнными силами страны. Таким образом, получается, что попытка военного переворота с точки зрения конституции США является изменой ей самой и нарушением субординации, то есть это простая констатация очевидного факта, сама по себе не являющаяся гарантией политической стабильности. Такая гарантия, если она возможна, заключается только в политических и военных традициях страны.

Сейчас мало кто помнит, почему городок Лозантвиль был в 1790 году переименован в Цинциннати, хотя, быть может, именно эта акция, осуществлённая губернатором Северо-Западной территории (штата Огайо тогда ещё не было), в каком-то смысле лежит у истоков американской военной традиции. Городок получил новое имя в честь Общества Цинциннатов — организации офицеров, созданной накануне роспуска континентальной армии, когда нужда в ней миновала — то есть после победы над английскими войсками короля Георга в войне колоний за независимость. Первым президентом общества стал Джордж Вашингтон, и знаменитая картина запечатлела прощание бывшего главнокомандующего со своими офицерами; у всех мокрые от слёз глаза. Сейчас трудно установить, действительно ли рыдали офицеры или это фантазия художника; важно другое: армия и её военный лидер, выполнив возложенную на них миссию, возвращались к гражданской жизни, совсем как римский патриот Цинциннат (V в. до н. э.), взявший на себя функции диктатора на время внешней опасности и сложивший их сразу же после победы над врагами. Правда, Цинциннат ещё раз принял обязанности диктатора — когда воссталась чернь — и потом снова вернулся на свою ферму. В этой истории трудно отделить правду от мифа, ведь Цинциннат — личность полупоупендарная, но в качестве символа она бесценна. Ибо в ней воплощён идеал военного деятеля, принципиально отвергающего притязания на политическую власть.

Среди сорока с лишним президентов США было несколько генералов: назовём Джорджа Вашингтона, Эндрю Джексона, Улисса Гранта, Дуайта Эйзенхауэра. Все они при-

шли в Белый дом на волне своей исключительной популярности в качестве военных деятелей. Все они вышли в отставку до вступления в должность и заняли её в качестве гражданских лиц. Некоторые из знаменитейших генералов не добились выдвижения своей кандидатуры в президенты (Дуглас Макартур в 1948 и 1952 гг., о нём ещё пойдёт речь), а другие принципиально воспротивились такой перспективе (Уильям Шерман в 1884 г.; при этом он произнёс слова, достойные Цинцинната: «Если меня выдвинут, я откажусь быть кандидатом, если меня выберут, я откажусь служить»). Не из всех генералов получились хорошие президенты; в качестве таковых в историю войдут, видимо, два первых из четырёх перечисленных. Но дело не в этом. Хорошие президенты не всегда получаются и из гражданских лиц.

По традиции, закреплённой законом о национальной безопасности 1947 года, пост министра обороны занимает гражданское лицо; более того, три министра родов вооружённых сил — армии, авиации и флота — также гражданские лица. Всё это кирпичики, из которых складывается понятие гарантии от захвата власти военными в современном демократическом обществе, но главным всё же должно быть имманентное чувство уважения со стороны военных к политическим институтам страны и безукоризненно точное понимание ими своего профессионального долга. Хотя и говорят иногда, что генералы уже по определению являются политиками, всё же именно профессионализм обязывает их предоставить решение политических вопросов тем, кто занимается этим тоже профессионально. Любопытно, что маршал Г. К. Жуков, прочитав роман «Семь дней в мае», по воспоминаниям дочери, сказал: «Авторы не понимают, что такое профессиональный военный».

Замечание прославленного советского полководца отнюдь не означает, что Нибел и Бейли высосали свой сюжет из пальца. Посмотрим, на чём конкретно они могли основываться. Характеризуя отрицательную роль военных в ряде политических решений 60-х гг., историк А. Шлезингер говорил: «Комитет начальников штабов отнюдь нельзя назвать непогрешимым. Я знаю, какие рекомендации он давал в период

серьёзных кризисов при правительстве Кеннеди... и в каждом случае его рекомендации оказались ошибочными. Президент Кеннеди однажды прислушался к его советам, принимая серьёзное решение. Это было перед событиями в заливе Кочинос. Он никогда больше не повторил этой ошибки... Внезапное преклонение перед военными не в традициях Америки. Когда генерал Макартур развернул кампанию в конгрессе и среди общественности за эскалацию корейской войны, президент Трумэн сместил его».

Речь идёт о ситуации, когда генерал выходит за рамки своего профессионализма и начинает навязывать руководству страны политические решения. В данном случае президент Трумэн пожинал плоды своей же недалёковидности: в поверженной Японии Макартур был наделён диктаторскими полномочиями и в военной, и в политической сфере. К тому моменту, когда началась война в Корее, Макартур превратился в политического генерала. Обозреватель Джеймс Рестон крайне отрицательно отнёсся к назначению его главнокомандующим: «Генерала Дугласа Макартура просят стать не только великим солдатом, но и великим государственным деятелем, не только руководить битвой, но и одновременно удовлетворять Пентагон, госдепартамент и Объединённые Нации... Дипломатичность, внимание к мнениям и чувствам других — политические качества, необходимые для этого назначения, а ведь Макартура и раньше упрекали в отсутствии именно этих качеств». Личные качества генерала, разумеется, немаловажны, но, по существу, вопрос касается профессионального долга военного. С этой точки зрения характерно заявление президента о смещении неуправляемого и политиканствующего генерала: «Я пришёл к выводу, что генерал армии Дуглас Макартур не в состоянии оказывать безоговорочную поддержку политике правительства Соединённых Штатов... Широкие и бурные дебаты по вопросам национальной политики являются неотъемлемым элементом конституционной системы нашей свободной демократии. Существовавшие, однако, что военные командиры обязаны руководствоваться политической линией и директивами в соответствии с законом и конституцией». Заявление Трумэна едва ли

не текстуально совпадает с тем, что сказал в романе президент Лимен о мотивах смещения им генерала Скотта.

И ещё о профессиональном долге. Вернёмся к статье Г. Видала, которую мы уже цитировали. «Долг. Честь. Родина. Таков девиз Вест-Пойнта. Забавно, что до недавнего времени никто не обратил внимания на многозначительную последовательность, при которой Родина оказывается третьей по счёту в списке лояльностей нашей военной элиты. На первом месте стоит долг. Долг по отношению к чему? Галлоуэй и Джонсон (Г. Видал рецензирует исследование названных авторов по истории Военной академии США. — А. Ф.) отвечают на этот вопрос недвусмысленно: к офицерскому сословию... Выпускники Вест-Пойнта недолюбливают гражданских лиц, а их презрение к политическим деятелям столь же сильно, сколь глубоко непонимание ими институтов, которые они призваны защищать, — после долга, разумеется, и после чести». Не нужно объяснять, что это ложно понятый профессиональный долг, и если резкость оценки Галлоуэя, Джонсона и Видала частично объясняется временем — то были годы непопулярной вьетнамской войны, — следует всё же признать, что это тоже часть военных традиций США, работающая, в силу своей антидемократичности, против упомянутых выше гарантий.

В нашей собственной истории тема военного переворота глухо звучит в ряде публикаций в связи с именами Тухачевского и Жукова. Никогда никаких доказательств обнаружено не было (очевидно, их нет), однако Тухачевский пал жертвой сталинских репрессий, а Жуков был дважды смещён с высоких постов, сначала Сталиным (известно, что после войны бериевские следователи выбивали у нескольких арестованных генералов показания о якобы замышлявшемся Жуковым военном заговоре) и позже — Хрущёвым. В своих мемуарах Хрущёв, очевидно пытаясь оправдаться перед историей, утверждает, что у него были основания для снятия Жукова с поста министра обороны, но фактов не сообщает. Недавно сын Хрущёва говорил о том, что Жукову инкриминировалось несанкционированное создание десантной части, якобы предназначенной для военного переворота. Всё это ма-

ловоятно и никак не вяжется с образом маршала, каким он предстаёт со страниц своих книг и многочисленных воспоминаний о нём. Остаётся предположить, что слухи эти дошли до Нибела и Бейли, ведь генерал Скотт в их романе тайно создаёт диверсионную воинскую часть...

В наши дни тема гипотетического военного переворота время от времени попадает на страницы газет. Чем это можно объяснить? Во-первых, атмосферой гласности, когда остаётся всё меньше запретных для обсуждения тем. Во-вторых, историки и мемуаристы рассказали о роли армии в кризисные моменты, скажем, в дни ареста Берии, во время событий в Новочеркасске (вообще надо сказать, что всякое использование армии для решения внутривнутриполитических проблем таит в себе потенциальную опасность для гражданской власти; вспомним, кстати, вторую — неприглядную — часть легенды о Цинциннате). И наконец, обострением противоречий в нашем обществе, которые обнажились благодаря перестройке. Но именно перестройка призвана создать правовое государство и политические традиции, исключая возможность незаконного захвата власти.

В майские дни 1972 года один из авторов романа «Семь дней в мае» Чарльз Бейли побывал в Москве. Он находился в числе нескольких сот американских журналистов, сопровождавших президента Р. Никсона. По заданию «Литературной газеты» я встретился с писателем и взял у него интервью. Интервью было напечатано, но полностью выполнить возложенную на меня задачу я не сумел. Меня просили привезти Ч. Бейли в редакцию газеты, девятая полоса которой в те дни называлась «Семь дней в мае». Но писатель проявил себя настоящим газетчиком: с минуты на минуту ожидалось подписание договора об ограничении систем противоракетной обороны, и мы беседовали у входа в гостиницу «Интурист», ожидая появления машины с пресс-секретарём президента США. Мы говорили о значении договора, о том, что советско-американский договор о ядерном разоружении играет существенную роль в сюжете романа «Семь дней в мае». Мило улыбнувшись, писатель сказал, что критики обнаружили в романе глубины, которых они с Нибелом не имели в виду...

Когда машина с транспарантом под стеклом «мистер Зиглер» подошла к подъезду, Бейли заспешил на пресс-конференцию.

Действие романа происходит в 1974 году. Когда книга вышла, этот год казался далёким будущим, теперь стал далёким прошлым. Роман ничуть не устарел, хотя с тех пор многое изменилось. Между нашими странами подписаны важные соглашения, дипломаты работают без устали, новое политическое мышление позволило наладить контакты и в военной области. Не рискуя ошибиться, можно утверждать, что лучшей гарантией против военных авантюр любого рода является разоружение, снижение уровня военной опасности и глубокая демократизация военных институтов.

Флетчер Нибел (род. 1911) — американский писатель и журналист.

В 1950-1964 гг. — вашингтонский корреспондент газетного агентства «Коулс павликейшнз». Совместно с Ч. Бейли опубликовал книгу об атомной бомбардировке Хиросимы (1960), а также романы «Семь дней в мае» (1962) и «Конвент» (1964). В дальнейшем занялся литературным трудом; автор романов «Ночь в Кемп-Дэвиде» (1965), «Дорога в Зинзин» (1966), «Исчезнувший» (1968), «Преступление» (1969), «Тёмная лошадка» (1972) и др.

Чарлз Уолдо Бейли-второй (род. 1929) — американский писатель и журналист.

В течение ряда лет — глава вашингтонского бюро газеты «Миннеаполис трибюн», с 1972 г. — главный редактор этой газеты. В 1972 г. приезжал в Москву для освещения визита президента Р. Никсона.

В соавторстве с Ф. Нибелом им написаны книга об атомной бомбардировке Хиросимы, романы «Семь дней в мае» и «Конвент».

---

¹⁹ Ф. Нибел, Ч. Бейли. Семь дней в мае — М.: Прогресс, 1990 — 4 с. обл.

ЧИКАГСКИЙ ВАРИАНТ

CHICAGO

ЧИКАГСКИЙ
ВАРИАНТ

CHICAGO

СБОРНИК ЗАРУБЕЖНОГО
ДЕТЕКТИВА

В. Пархоменко,
кандидат исторических наук
[ПРЕДИСЛОВИЕ]²⁰

В американском политическом марафоне — президентских выборах своеобразную роль играют национальные съезды, или, как их называют у себя, конвенты двух основных политических партий США — демократической и республиканской, на которых происходит выдвижение потенциальных кандидатов в очередные президенты. Проводимые за несколько месяцев до президентских выборов, эти съезды проходят как всеамериканские рекламные шоу: своего рода политические спектакли, которыми две ведущие партии открывают схватку за кресло в Белом доме.

Вся эта буффонада тонет в бравурных мелодиях, урапатриотических приветствиях и отрепетированных демонстрациях в поддержку кандидатов.

Впрочем, карнавальная буффонада — лишь видимая часть айсберга. Пока в зале съезда не смолкают оркестры и трещотки, раздаются приветствия, за его стенами в узком кругу партийных боссов «делается политика», идёт ожесточённый торг между представителями конкурирующих группировок и блоков, заключаются сделки, предваряющие решения съезда о кандидатах партии на пост президента и вице-президента. В ожесточённой борьбе за обеспечение поддержки большинства делегатов съезда в пользу того или иного кандидата их сторонники, руководители и сотрудники их избирательных кампаний не брезгают никакими средствами. Подкуп, шантаж, всевозможные махинации и интриги дело обычное.

Об этой скрытой, но весьма характерной для американской политической системы стороне партийных съездов по выдвижению кандидатов в президенты и повествуют в своём романе, который журнал предлагает читателю, американские писатели Флетчер Нибел и Чарлз Бейли, уже известные у нас

---

²⁰ ж. «Вокруг света», 1984, № 1, с. 53.

по ранее публиковавшимся произведениям «Семь дней в мае», «Ночь в Кэмп-Дэвиде» и «Исчезнувший».

Обстоятельно нарисованная в романе картина падения политических нравов США и той роли, которую играют в политической жизни этой страны финансовые и монополистические круги, стоящие за спиной тех или иных кандидатов и прокладывающие им путь в Белый дом, как бы перекликаются с сегодняшней Америкой, которую ещё недавно потрясали ураганы Уотергейта и для которой подобные политические скандалы стали нормой.

Не обошли они, как известно, стороной и нынешнюю американскую администрацию, когда летом 1983 года обнаружили сенсационные факты так называемого «нового Уотергейта», свидетельствующие о причастности многих высокопоставленных сотрудников сегодняшнего хозяина Белого дома Рональда Рейгана к тайной шпионской операции против своего противника Дж. Картера во время избирательной кампании 1980 года. Вот почему роман «Чикагский вариант» даже спустя двадцать лет после выхода в свет в основе своей остаётся весьма злободневным. Усилившиеся в США за этот период политическая коррупция и расходы на гонку вооружений намного превзошли смелую фантазию его авторов.

Аркадий Вайнер
ПРЕДИСЛОВИЕ²¹

Издательство «Казахстан» приступило к выпуску новой книжной серии «Лабиринт», в которую войдут приключенческие, детективные и научно-популярные произведения как наиболее именитых, так и сравнительно малоизвестных советских и зарубежных писателей, причём эта «сравнительная малоизвестность» объясняется отнюдь не недостатком художественных достоинств: просто в своё время у нас, к сожалению, получил распространение до некоторой степени однобокий подход к переводу зарубежной — если речь идёт о зарубежной — приключенческой прозы (это, кстати говоря, следствие общей недооценки жанра в нашем литературоведении). Мы знали Оскара Уайльда, Вашингтона Ирвинга, Уилки Коллинза, Эдгара По, Артура Конан Дойла, Агату Кристи; мы неплохо знаем Джеймса Чейза и Эрла Гарднера. Но нам почти неизвестны имена таких замечательных авторов, как Генри Слизар, Джон Коллиер, Джон Волл или Честер Хейме, Дональд Уэстлейк или Джон Дан Макдональд. А ведь эти писатели создали великолепные и очень содержательные, социально и психологически насыщенные приключенческо-детективные произведения, которые во многом обогатили наши познания о мире и человеке как социальном существе.

В чём, на мой взгляд, состоит главная ценность приключенческого и детективного произведения? Думается, в том, что оно, подобно произведению любого другого жанра, несёт людям определённую (чаще, к счастью, полезную и ценную) морально-нравственную идею, причём в доходчивой, концентрированной форме и при этом без малейшего налёта начетничества и догматизма. В педагогике это называлось бы воспитанием не через полезную, но порой скучную нотацию, а через увлекательную игру. Обладая практически всем набором общелитературных достоинств, детектив смог, кроме того, найти ту форму их подачи, которая обеспечивает ему бесспорные преимущества перед другими жанрами. Пре-

---

²¹ Сб. «След истины», Алма-Ата: Казахстан (Лабиринт), 1989 – с. 3-4.

поднесение идеи в ходе насыщенного динамического действия - это способ обращения к разуму читателя через эмоцию, способ внушения высоких побуждений через сочувствие доброй силе, активно и порой с большим риском противостоящей злу.

Отсюда и особое значение образа героя в детективном и приключенческом произведении. Шерлок Холмс, Дюпен, Эркюль Пуаро — они запомнились нам не столько своими блистательными мыслительными способностями, сколько тем огромным и неистребимым зарядом добра и человечности, который несут нам их души. Недаром доктор Уотсон, отнюдь, как известно, не блиставший сыщицкими талантами, воспринимается нами как совершенно равноправный партнёр, друг и соратник умницы Холмса. Почему? Наверное, потому, что и тот, и другой были одинаково одержимы идеей нравственного очищения человека и общества, и тот, и другой проявляли лучшие черты личности.

Я не стану повторять расхожих фраз о том, что в приключенческой и детективной литературе масса топорных поделок. Это общеизвестно. Не они определяют лицо жанра и, соответственно, не они интересуют нас. Нам ценно то безусловно хорошее, что есть в приключениях и детективе, то, что начиналось с Роберта Льюиса Стивенсона и Томаса Майн Рида и продолжается теперь в прекрасных книгах Жоржа Сименона, Хэммонда Иннеса, Джона Болла, Чарльза Перси Сноу, Робера Мерля, Фридриха Дюренматта, Пера Валё...

Детектив, приключение - что может быть увлекательнее и таинственнее? Где ещё найти столько ненавязчиво преподнесённого познавательного материала? Где ещё встретимся мы с мужеством и добром, доходящими до своего апофеоза в беспощадной борьбе со злом, грязью, трусостью и предательством? Думается, именно здесь лежит то ценное зерно, ради которого человек берёт в руки книгу...

Хорошее дело затеяли алма-атинские друзья. От всей души желаю им успеха.

[АННОТАЦИЯ] ²²

В сборник включены остросюжетные приключенческо-детективные романы и рассказы английских и американских писателей. Основная тема произведений — борьба против фашизма и гонки ядерных вооружений, раскрытие и разоблачение нравов современного буржуазного общества.

Широкому кругу читателей.

[АННОТАЦИЯ] ²³

«Стеклянный ключ» Д. Хэммета, «Чикагский вариант» Ф. Нибела, Ч. Бейли, «Экстренный случай» Дж. Хадсона представляют настоящий сборник зарубежного детектива. Они по праву являются классическими образцами детективного жанра, в основе которого, как и полагается, лежит преступление. Захватывающая интрига, стремительное развитие сюжета не оставляют читателя равнодушным и заставляют следовать за героями в поисках раскрытия преступлений.

---

²² Сб. «След истины», Алма-Ата: Казахстан (Лабиринт), 1989 – с. 2.

²³ Сб. «Чикагский вариант», Баку: Главная редакция Азербайджанской Советской Энциклопедии, 1990 – с. 2.

Флетчер НИБЕЛ

41026

В КЭМШ ДЭВИДЕ

Роман

Роман Нибела «Ночь в Кэмп Дэвиде» принадлежит к тому своеобразному жанру, который за отсутствием термина, санкционированного критикой или литературоведением, можно обозначить как «политическую фантастику» по аналогии с «научной фантастикой». Это уже второй публикуемый у нас роман Нибела, посвящённый тому, что может или могло бы случиться в США в ближайшем будущем. Первый роман (написанный в соавторстве с покойным ныне Чарльзом Бейли) «Семь дней в мае», который получил широкую популярность у советского читателя, повествовал о возможности военного путча в США.

Однако хотя романы Нибела посвящены тому, чего ещё не было, и действие их отнесено в будущее, автор исходит из вполне реалистических посылок. Он провёл много лет в Вашингтоне в качестве журналиста, обладает широкими связями среди политиков, военных, дипломатов. Не случайно действие его романов развёртывается и в клубных залах, и в сенатских приёмных, и в кабинетах политических дельцов... Нибел прекрасно знаком с действием тайных механизмов, приводящих в движение огромную государственную машину Соединённых Штатов.

Вот несколько примеров. Проблема, так сказать, «престолонаследия», ставшая ключевой в сюжете романа, всегда занимала умы Вашингтонских политиков. Причина этого заключается в своеобразии устройства верхушки американского государственного аппарата. Хотя в США по конституции исполнительная власть отделена от законодательной, а судебная в свою очередь от первых двух, особенности конституции привели к тому, что на деле существует (особенно при сильном президенте) режим личной власти. Президент США — он и глава государства, и глава правительства, и верховный главнокомандующий. Министры ответственны не перед конгрессом, а перед президентом. Таким образом, в его руках

---

²⁴ ж. «Нева», № 7, с. 128-130.

сосредоточена огромная власть, которую он ни с кем не делит. Что касается вице-президента, то, по меткому определению одного журналиста, это «забытый человек в американской конституции».

Вот почему возможность конфликта, подобного тому, который описан в романе Нибела, всерьёз тревожит правящие круги США. 23 февраля 1967 г. Джонсон подписал 25-ю поправку к конституции США, направленную на то, чтобы уменьшить возможность такого конфликта. Поправка эта расширяет и уточняет права вице-президента на случай внезапной болезни президента. Если последний по состоянию здоровья не может выполнять свои обязанности, то вице-президент становится исполняющим обязанности президента. Передача власти при этом происходит или по просьбе самого президента (как, в конце концов, получилось в романе), или если вице-президент и большинство членов кабинета придут к выводу, что состояние здоровья президента неудовлетворительно (как это почти получилось в романе). В случае если между президентом и вице-президентом возникнет конфликт, решение принадлежит конгрессу.

Таким образом, «фантастика» Нибела при ближайшем рассмотрении оказывается вполне реалистической.

Не менее обоснован и другой мотив романа — опасения министра обороны Сиднея Карпера по поводу того, что психически больной президент может ввергнуть страну и весь мир в пучину ядерной войны.

Уже не в романе, а в статье самого же Нибела, опубликованной пять лет тому назад в журнале «Лук», мы находим весьма тревожные детали: «Сложные шифры, при помощи которых президент Соединённых Штатов может открыть огонь нашими ракетами (через сложную, но почти моментально действующую сеть связи) носят с собой пять армейских уорент-офицеров. Ежедневно круглые сутки уорент-офицеры дежурят поочерёдно, сменяя друг друга. Один из них, всегда имея при себе эту коробочку, постоянно находится под руками у президента». Когда президент спит в Белом доме, «шифры переносят в большой зал около его комнаты, а рядом размещается военная охрана. Когда президент работа-

ет, рядом с ним занимает свой пост уорент-офицер. Когда президент находится в пути, за ним следуют в штатском люди с шифром».

При такой организации дела гарантия того, что психически больной президент во время одного из припадков не употребит эти шифры, представляется весьма недостаточной. У Карпера несомненно есть все основания беспокоиться.

Ещё пример. Сенатора Маквейга потрясает идея Холленбаха организовать всеобщее подслушивание телефонных разговоров. А ведь уже осенью 1965 г. телефонисткам Белого дома было приказано регистрировать все входящие телефонные вызовы. И это пример далеко не единичный. В феврале 1967 г. сенатор Гейлор Нельсон заявил, что в стране растёт угрожающая тенденция превращения Соединённых Штатов в полицейское государство. Он проиллюстрировал эту тенденцию примерами того, как ЦРУ финансирует общественные организации для своих целей, как агенты различных государственных учреждений включаются в телефонную сеть для подслушивания, как крупные корпорации и некоторые правительственные учреждения применяют частных детективов и т. д.

Проблема подслушивания, слежки и прочих атрибутов полицейского режима, которые всё шире распространяются в Соединённых Штатах, уже не первый год занимает американскую общественность. Под её давлением этой проблемой стал заниматься и конгресс. В шестидесятых годах не менее дюжины различных комиссий и подкомиссий конгресса изучали ту или иную сторону вопроса. Наиболее активными среди них были комиссия палаты представителей по правительственным операциям, возглавляемая конгрессменом Джоном Моссом, сенатская подкомиссия по конституционным правам с сенатором Сэмом Эрвином во главе, подкомиссия палаты представителей по вопросам вмешательства в частную жизнь (председатель конгрессмен Корнелиус Галлахер из Нью-Йорка). Наконец с 1964 г. этой проблемой занимается сенатская подкомиссия по административной практике и процедурам, возглавляемая сенатором Эдвардом Лонгом.

Документально установлено, что федеральные ведомства в нарушение конституции вмешиваются в частную жизнь граждан США, применяя при этом как старомодное подглядывание в замочную скважину и примитивное подслушивание под дверьми, так и многочисленную и разнообразную аппаратуру, созданную на основе последних достижений науки и техники. Совершенно фантастических форм достигла маскировка передатчиков для тайного подслушивания. Они могут быть оформлены в виде пуговицы на рубашке, авторучки или металлической нити, вшитой в жилет. Наиболее эффектные из такого рода фактов использовал сенатор Лонг в недавно вышедшей книге «Те, кто вторгается. Вмешательство правительства и бизнеса в частную жизнь».

Таким образом, какой бы вопрос, затронутый Нибелом в книге, ни взять, он сразу же приводит нас в гущу реальных событий в Вашингтоне. Хотя действие романа переброшено автором лет на десять-пятнадцать в будущее, вся политическая и бытовая обстановка взяты из настоящего. Роман «Ночь в Кэмп Дэвиде» является в высшей степени реалистическим изображением быта и нравов политической верхушки США в шестидесятые годы XX века.

Роман-памфлет Флетчера Нибела интересен и тем, что ставит — пусть в самой общей, условной форме — ряд важнейших психологических и философских проблем. Главные из них связаны с образами центральных героев романа — президента США Марка Холленбаха и младшего сенатора от штата Айова Джемса Маквейга.

Энергичный, одарённый, по-своему преданный делу политик, Марк Холленбах становится носителем страшной угрозы для своей страны, для всего человечества. Его энергия становится разрушительной, его хваленая логика оборачивается сумасшествием, его призывы к нравственному совершенству оказываются проповедью гнусного полицейского произвола. Как это могло случиться?

В решительном разговоре с лидерами своей партии Холленбах заявляет: «Пост президента неузнаваемо меняет человека, джентльмены! Ведь он — номер один! Он стоит у пульта управления, и никто не смеет ему прекословить! Че-

тыре года он правит, как самодержавный монарх. И разве удивительно, что президент начинает думать о себе, как о стране в целом? Всё, что наносит вред Америке, он воспринимает как личное оскорбление! Любое благотворное начинание ставит себе в заслугу! И все вы сами только способствуете этому своим преклонением перед президентом!.. Вы все помогаете укреплению неограниченной власти президента, джентльмены, все! А потом говорите, что человек в Белом доме помешался на власти!»

Отгороженный от народа огромным бюрократическим аппаратом, отделённый от окружающих ореолом власти, Холленбах мнит себя эталоном совершенства и стремится навязать свои единоличные решения, мнения, планы, представления всей стране, всему народу, всему человечеству. Это приводит его к катастрофе, потому что в современной политической жизни от субъективизма до произвола, от произвола до авантюры, от авантюры до безумия — всего один шаг. В этом смысле глубоко знаменательна фраза, сказанная Л. Джонсоном своей дочери: «Твой отец, возможно, войдёт в историю как человек, начавший третью мировую войну» («Правда», 16 мая 1967 года).

С того момента как Джемс Маквейг вступает в неравную борьбу с могущественным и безумным президентом, он оказывается в совершенном одиночестве. Друзья отворачиваются от него, жена считает его сумасшедшим, женщина, которой он был увлечён, доносит на него. Маквейга преследуют сыщики из ФБР и Секретная служба, его свободе и жизни угрожает серьёзная опасность, и только неожиданно благоприятный поворот событий вывозит его из сумасшедшего дома.

Но среди всех опасностей и грозных неожиданностей, преследуемый, подозреваемый, терзаемый недоверием окружающих и собственными сомнениями, Джемс Маквейг упрямо идёт к своей цели. Что же принуждает этого доброго малого, любителя весело пожить — кутнуть, выпить с друзьями, приволокнуться за хорошенькой женщиной — вступить в опасную борьбу с главой государства? Какая сила заставляет этого легкомысленного (он сам, смеясь, называет себя «мо-

тыльком») красавца отказаться от высокого и почётного поста, от власти и денег и поставить на карту всё своё будущее?

Эта сила — чувство ответственности за происходящее, за судьбу своей страны, за будущее Америки. Впервые в жизни Маквейг, этот испорченный, слабый, нерешительный человек, становится гражданином. «Действовать немедленно! Его собственные маленькие, ничтожные тревоги ничего уже не значили перед лицом этой огромной страшной опасности. На карту поставлена судьба нации! Мысль эта вызвала у него улыбку. Подумать только, Джим Маквейг, мотылёк — и приносит себя в жертву своей стране! Ладно, может, это и нелепо, но куда от этого денешься! Так сделай же что-нибудь, Маквейг!..»

Самоотверженная преданность интересам своей страны могущественнее себялюбивого произвола. Здравый смысл сильнее безумия. В этом значение победы Джемса Маквейга над президентом. В этом — оптимистическое звучание романа Флетчера Нибела.

Флетчер Нибел ИСЧЕЗНУВШИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ

РОМАН

Флетчер
Нибел

ИСЧЕЗНУВШИЙ

[АННОТАЦИЯ]²⁵

Это политический детектив с элементами фантастики известного американского писателя. В нём рассказывается о том, как учёные и государственные руководители великих держав мира добиваются утверждения в ООН проекта соглашения о запрещении ядерного оружия на земле.

---

²⁵ Флетчер Нибел. «Исчезнувший», М.: Молодая гвардия, 1973 – с. 416.

Ю. Кривцов
ФАНТАСТИКА, ДЕТЕКТИВ И ВРЕМЯ
(предисловие)²⁶

Современный американский писатель Флетчер Нибел до сих пор был известен советскому читателю по романам, написанным им совместно с Чарлзом Бейли. Их романы «Семь дней в мае» и «Ночь в Кемп-Дэвиде» читались и читаются с неослабевающим интересом. Это остропублицистические произведения, в которых авторы предупреждают читателя о всегда существующей в империалистической Америке угрозе подавления реакционными лидерами всякой демократии.

Предупреждение «Семи дней в мае» развернулось ужасной трагедией «семи дней в сентябре» 1973 года, правда, не в Соединённых Штатах, а в Чили.

Ф. Нибел и Ч. Бейли работали в Вашингтоне корреспондентами издательского концерна Коулса и писали, основываясь на непосредственных наблюдениях политической жизни Вашингтона. Их произведения поражают остротой и правдивостью картин закулисной жизни американской столицы и дают возможность читателю проследить, как из человеческих слабостей, алчности и расчёта сплетаются нити «высокой» государственной политики.

Свою журналистскую деятельность Флетчер Нибел закончил видным политическим обозревателем популярных издательств страны. Сейчас он занимается исключительно литературой, живёт и работает в городе Принстоне, штат Нью-Джерси. «Исчезнувший» — его первый крупный роман, написанный без соавтора.

Первое издание романа датировано 1968 годом. Герой романа — третий или четвёртый по счёту президент после Джона Кеннеди. Время действия — предвыборные месяцы август-октябрь предположительно 1976 года. Поэтому политическая ситуация и цели героев романа для сегодняшнего

---

²⁶ Флетчер Нибел. «Исчезнувший», М.: Молодая гвардия, 1973 – с. 5-15.

читателя фантастичны лишь по форме, а по существу близки к современным.

Сдвиг вперёд по времени позволил автору не касаться весьма многих событий недавних лет. Не касаться, чтобы по мечтать и поверить в возможность идеала, поверить в успех, победу мудрости и человеколюбия в стране, где никогда не прекращается война политиков и политиканов, прогрессивных сил и противостоящей им реакции. Поэтому роман Ф. Нибела — это не только детектив, который захватывает читателя нарастающим каскадом загадочных событий, но и фантастическая утопия об идеальном, с точки зрения рядового американца, президенте. И всё же это не идиллическая утопия, убаюкивающая читателя, поскольку с её помощью автор разоблачает силы американской реакции, и сейчас стоящие на пути оздоровления международной обстановки, мешающие осуществлять программу борьбы за мир и разоружение.

Роман Ф. Нибела убеждает читателя в необходимости преодоления этих преград.

Роман «Исчезнувший» — это политический детектив. Действующие лица противоборствующих сторон — президент США, лидеры правящей и оппозиционной партий, главы разведывательных служб, видные представители деловых кругов и прессы. Основные нити интриг сплетаются в узлы, центрами которых являются Белый дом, резиденция Центрального разведывательного управления и предвыборные штаб-квартиры ведущих политических партий.

Не раскрывая сюжета романа, следует, однако, сказать несколько слов о канве событий.

Накануне президентских выборов загадочно исчезает ближайший друг и советник президента адвокат Стивен Грир. Найти его и разгадать причину исчезновения важно для обеих конкурирующих в предвыборной кампании сторон: для того чтобы скомпрометировать или отстоять популярность президента, для того чтобы предрешить исход выборов. Поиск поручен ФБР, но в него вопреки запрету президента негласно включается и ЦРУ. Глава ЦРУ, этого «государства в государстве», Ингрэм хочет иметь все козыри на руках, чтобы обес-

печить себе пост и прежнее влияние вне зависимости от того, кто станет президентом, какая партия победит. Ради газетных сенсаций в поиск включаются и частные лица. Вслед за пропавшим Гриром обнаруживается исчезновение двух видных учёных — Любина и Киссича.

Поиск «исчезнувшего» и составляет сюжет романа.

Сюжет романа многоплановый и динамичный. События развёртываются быстро и одновременно во многих местах, как в киносценарии. События и картины воспринимаются и запоминаются как бы в наплыве трансфокатора аппарата. Вырастают шрифты заголовков газет: «СЕНСАЦИЯ! ИСЧЕЗНОВЕНИЕ! БЕГСТВО!» Чередуются размеры и план кадров: стремительный бег машин; фигура крупным планом, стоп-кадр — фотопортрет. Читатель ощущает смену света и тени.

В романе нет выстрелов и убийств, так как на подобном уровне противников уничтожают намёком, словом, сфабрикованной информацией, статьёй и телевизионным обозрением, хитроумным запросом в конгрессе или искусственно вызванным падением акций на бирже. Информация и умение пользоваться ею — основное орудие достижения политических успехов и получения сверхприбылей. Информацию добывают любыми средствами: слежкой, подслушиванием, шантажом и подкупом; информацией торгуют, её хранят в сейфах под надёжными запорами ЦРУ и ФБР.

Читатель становится свидетелем кухни предвыборных интриг американских лидеров. Видит он и стиль «работы» ЦРУ: как в «интересах обеспечения безопасности страны» организуется вербовка молодых учёных-физиков, которые должны следить за успехами иностранных учёных, как внедряются осведомители в лагерь политических конкурентов вплоть до слежки за самим президентом.

Читатель получает представление о беспринципности и алчности политиканов, финансовых воротил и бизнесменов, что особенно рельефно вырисовывается в предвыборный период.

Нибел-художник не только показывает события, но и с большой убедительностью раскрывает психологию действу-

ющих лиц. Он достигает этого без риторических отступлений в тексте, путём скупого отбора характерных мелочей в облике, словах и манерах персонажей. Это даёт возможность следить за настроением и ходом мыслей героев романа. Это определяет глубину художественного воздействия, благодаря которому у читателя создаётся как бы эффект присутствия, будь то в кабинете президента, на заседании руководителей разведок или в ночном кабаре.

Как и в прежних романах, в «Исчезнувшем» Ф. Нибел основную ставку в борьбе за победу добра над злом ставит на сильного, умного, справедливого президента. Его Роудбуш — гипотетический идеал президента и с точки зрения его внешнего облика, и как человек, и как государственный деятель. Ему поручает писатель высказать своё политическое и моральное кредо.

С большой теплотой обрисованы друзья и единомышленники президента: настырный великан журналист Дэйв Полик, обаятельный трудяга, детектив негр Ларри Сорм, прелестная Джилл — секретарь президента, робкая, нежная миссис Дебора Киссич.

Представителей противоположного лагеря автор описывает более скупое. Осторожный холодный Ингрэм, директор ЦРУ, умеющий прятать свою холодность под маской добродушия. Он выступает олицетворением подозрительности и расчёта. Его безукоризненная внешность, лаконичность речи сковывают собеседника и ставят между ними определённый барьер. Совсем схематично обрисованы губернатор Уолкотт — грузное тело в кожаном глубоком кресле, дым сигары и высокий бокал джина со льдом, и его распорядитель по выборам циничный политикан Мэтью Силкуорт — толстяк с жёсткими волосами и синеватыми тенями на щеках.

На протяжении всего романа поиск «исчезнувшего» ведётся враждующими сторонами скрытно, с нагнетанием всё новых, кажется, исключаяющих взаимную связь, загадочных событий. И так вплоть до заключительной главы романа, в которой представители прессы, реакционеры всех мастей, близкие люди «исчезнувшего» и сам Каллиган — пресс-секретарь Белого дома, от лица которого ведётся бóльшая

часть повествования, — оказываются в положении умилённого доктора Ватсона с широко раскрытым от изумления ртом, а президент — в роли Шерлока Холмса, который в этом романе занимается не раскрытием преступления, а решает важнейшую проблему современности.

Эта последняя, всё объясняющая глава написана в мелодраматическом ключе, в стиле традиционного в английской литературе времён Диккенса «хеппи-энда». Здесь, на наш взгляд, художественный вкус изменил Ф. Нибелу.

Неожиданность развязки, которую автор хотел сохранить до конца, в какой-то степени удалась, и, хотя читатель догадывался об исходе и раньше, точка над «и», ставится автором лишь в самом конце романа. В счастливом конце — как восклицательный знак. Но стоит задуматься... и счастливый восклицательный знак превращается в целый ряд больших и малых вопросительных знаков.

У американского читателя 1968 года должен был возникнуть, например, простой, но весьма тревожный вопрос: «А что было бы, не найдись такого политически дальновидного президента, как Рудбуш, и таких верных ему друзей? Как в этом случае представить будущее?»

Роман оставлял немного оснований для оптимистического ответа. И это не удивительно, поскольку нельзя найти выход, опираясь на анализ только внутренней жизни капиталистического государства. Готовность отдельных дальновидных политиков трезво оценить положение в мире — условие хоть и необходимое, но недостаточное.

А убедительно ли, что президенту Рудбушу и десятку преданных ему друзей удалось обмануть прессу, разведку и представителей своей и оппозиционной партий? Не только неубедительно — фантастично, несмотря на все старания автора, на необычайно сложные действия его героев, их метания по всему свету, их необыкновенное упорство и смелость.

Чёткие, убедительные ответы на вопросы, поднятые в романе, даёт в наше время сама жизнь.

В 1968 году, когда впервые появился роман «Исчезнувший», книга, несомненно, имела научно-фантастическую

окраску, так как время действия было отнесено на несколько лет вперёд, а методологическая основа книги заключалась в прогнозировании международных отношений, то есть в ответе на вопрос: «Что будет, если случатся следующие вероятные события?..», или в ответе на вопрос целевого прогноза: «Что следовало бы сделать, чтобы добиться таких-то результатов в изменении международных отношений?»

Так какие же вероятные или ожидаемые события видел в то время Ф. Нибел? Решению каких новых политических проблем посвятил свой опыт, труд и талант прогрессивный американский писатель? Оказывается, основной проблемой для него было, говоря словами гипотетического президента Ровенберга, ни много ни мало «переосмысливание всей деятельности правительства США» и «неизбежность всё более широкого распространения здравого смысла в подходе к проблеме атомной войны».

Переосмысливание всей деятельности правительства США, по Нибелу, должно было привести к заключению международной конвенции о запрещении и уничтожении ядерного оружия.

Главной научно-фантастической проблемой для реализации такой конвенции автор наметил разработку новых технических средств контроля за наличием ядерного оружия.

Характерно, что для достижения главной цели Ф. Нибел считает необходимым преодолеть ряд специфически американских внутривластных и социальных барьеров. Это значит, прежде всего, прекратить неконституционные действия разведывательных служб, подрывающих международный престиж Соединённых Штатов (в конце книги Центральное разведывательное управление расформировывается вообще). Предлагает Нибел покончить с дискриминацией негров в государственных учреждениях, расширить гласность планов и работ военно-промышленных компаний и установить равноправие в межгосударственных отношениях.

Автор показывает, что без решения этих проблем даже его идеальный президент, облечённый, казалось бы, всей полнотой власти, бессилён. Ровенберг с горечью восклицает: «Знаете, просто невероятно, насколько политики отстают от

простых людей... Мы, профессиональные государственные деятели, погрязли в рутине. Мы торгуемся, разглагольствуем и спорим о бомбе, словно это какое-то языческое божество, которое надо умиротворить. Ещё ни один лидер, и я в том числе, не набрался мужества сказать: «С бомбой пора кончать!»

Роудбуш, рассуждая таким образом в окружении друзей, не набрался мужества заявить об этом вслух, так как опасался реакции противников. Он действует тайно, рассчитывая в случае успеха неожиданно и наверняка выдернуть ковёр из-под ног своих политических соперников.

Свои планы он осуществляет с помощью друзей-учёных. Предполагается, что эти учёные, имеющие обширные личные связи с учёными других стран и представляющие всю пагубность ядерной войны, сумеют договориться и разработать по секрету от всех проект соглашения о запрещении ядерной войны. Такая фантастическая уловка предпринята Нибелом, очевидно, потому, что он не знал в окружающем обществе другой силы, на которую мог бы опереться его прогрессивный президент.

Учёные в романе представлены условно, вне поля зрения читателей. В романе нет их живых портретов и их настроений, о них лишь говорят и рассказывают другие.

Ларри Сторм говорит, например, о Киссиче: «Он из тех борцов за мир, которые думают, что Советский Союз искренне желает мира, а мы нет. Он глубоко и страстно убеждён, что Советский Союз готов вести политику, которая покончит с войнами надолго, политику постоянной разрядки напряжённости — как её называют дипломаты. Но он также убеждён в том, что Соединённые Штаты не пойдут на это, что мы погрязли в трясины «холодной войны».

Если мысли учёных Ф. Нибела и прогрессивны и оказывают влияние на Роудбуша и Грира, то их действия в романе, можно сказать без преувеличения, наивны и являются атрибутом фантастики и детектива: тайное взаимообучение, само исчезновение, невероятные пути следования на мирную конференцию... Всё это по прочтении вызывает у читателя удивление и недоверие, особенно в настоящее время, когда в ре-

зультате открытой и напряжённой работы учёных и специалистов, наделённых широкими полномочиями своих правительств, успешно подготовлены и приняты научно-технические и правовые советско-американские договоры и соглашения.

Прогнозируемые автором события за почти десятилетний период технического прогресса и глубоких общественных изменений частично уже произошли. Теперь читатель вправе оценить фантазию, или, вернее, прогнозы, Нибела. Достаточно напомнить основополагающие документы, подписанные СССР и США в последние годы: о нераспространении ядерного оружия, о запрещении его размещения в океане, соглашения в области противоракетных стратегических вооружений. Сформулированы и утверждены основы взаимоотношений между СССР и США и определены основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении наступательных стратегических вооружений.

Заключён целый ряд соглашений в различных областях экономики, торговли, науки и культуры и в завершение — историческое бессрочное соглашение о предотвращении ядерной войны. Советско-американское соглашение ещё не означает запрещения ядерного оружия, но это важный шаг к предотвращению ядерной войны.

Так действительность за какие-нибудь пять-шесть лет обогнала мечты американского писателя-фантаста.

Иначе обстоит дело с преодолением упомянутых внутренних американских барьеров, которые Ф. Нибел так рельефно обрисовал в своём романе. Нет никаких сдвигов в решении расовой проблемы, а установление контроля со стороны правительства за деятельностью ЦРУ и запрещение подслушивания носят чисто декларативный характер. Нашумевший «уотергейтский процесс» ясно показал, как глубоко проникла в жизнь американцев система негласного сыска и подслушивания. И это тоже подтверждение прозорливости Флетчера Нибела.

Трудно упрекать Ф. Нибела, буржуазного писателя, в прошлом видного вашингтонского журналиста, за то, что приоритет противоатомной кампании он отдал в руки амери-

канского президента. Автор избегает полемики по этому поводу, а его герои не пытаются дать какой-либо оценки политике или действиям других великих держав. Исключение составляет упоминание о затруднениях прогрессивного премьера Китая, который оказывается под угрозой военного переворота, организуемого маоистами. В романе все великие державы единодушно признают необходимость запрещения ядерной войны, а препятствия, которые возникают на этом пути, чисто американские. Их создаёт в основном «домашняя» реакция, подлинно существовавшая тогда и существующая в США поныне.

Появление в американской литературе образов дальновидных политических лидеров не случайно и символично. Достаточно представить себе фон, на котором они появляются. Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Джеймс Олдридж дал краткую характеристику этого западного фона — так называемого массового «искусства»: «Насилие, жестокость, всяческие извращения изображаются с большим умением и ловкостью в наших фильмах, литературе и порнографическом «искусстве»... Художник, служащий правому делу, должен противопоставить плохому искусству хорошее искусство, искусству зла — гуманистическое искусство веры в человека».

Антивоенная, гуманистическая направленность романа «Исчезнувший» не вызывает сомнений. Ф. Нибел вносит свою лепту в исторически необходимое дело. Ещё в наказах делегации в Геную в 1922 году В. И. Ленин писал: «Необходимо сделать всё возможное и кое-что невозможное, для того чтобы... глубже расколоть пацифистски лагерь международной буржуазии с лагерем грубо буржуазным, агрессивно буржуазным, реакционно-буржуазным»²⁷.

Ф. Нибел одним из первых в американской литературе ставит вопрос о необходимости коренного пересмотра привычного курса своего правительства «с позиций силы» и перехода к принципу мирного сосуществования государств с различным строем.

---

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 407–408.

Советскому читателю очевидно, что этот новый, более реалистический подход к вопросам разоружения и внешней политики вызван не внезапным политическим пробуждением отдельных личностей, а является следствием тех коренных изменений в мире, которые произошли в ходе и после второй мировой войны. Для Советского Союза путь к договорам явился продолжением последовательной политики мирного сосуществования, сформулированной ещё в 1923 году В. И. Лениным. Для Соединённых Штатов Америки это был путь осознания глубоких изменений в соотношении классовых сил на мировой арене и болезненного переосмысливания, употребляя выражение Роудбуша, «ортодоксальной политики силы».

Рост влияния политики мира, как результат успехов коммунистического строительства, принципиальности и гибкости ленинской внешней политики мирного сосуществования, всё больше испытывают на себе, хотя того они или нет, и правящие круги капиталистических стран.

Вот почему обязаны появляться так называемые «добрые» президенты (хуже или лучше президента Роудбуша), и не только в мечтах фантастов, журналистов или художников, В подтверждение этого уместно припомнить мысль Фридриха Энгельса о том, что общество ставит перед собой не всякие, а лишь выполнимые задачи, которые выдвигает жизнь.

Ведь происходящий в жизни после XXIV съезда КПСС поворот от «холодной войны» к разрядке напряжённости стал возможен потому, как указывается в решениях апрельского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС, что «Советский Союз и братские страны социализма прорвали фронт «холодной войны», положили начало разрядке в отношениях между государствами...».

В эпилоге романа ООН принимает Тристанский проект, расформируется ЦРУ. Однако, несмотря на несомненный внешнеполитический успех Роудбуша, многие избиратели отходят от него под влиянием агитации его политических противников, которые называют его «мягкотелым идеалистом» и «коммунистическим агентом». Роудбуш избирается на пост президента всего лишь 53 процентами голосов. Он

вынужден и после выборов вести упорную пропаганду в пользу мира. Таким образом, Ф. Нибел не строит иллюзий на счёт прекращения внутрисполитической борьбы в США после выборов.

Но эта борьба на протяжении всего романа происходит вне острых социальных вопросов внутренней жизни страны. Не касается автор и более глубоких вопросов идеологической борьбы.

Мирное сосуществование, как определённая форма классовой борьбы, не означает ослабления идеологической борьбы за умы и сердца людей. Это одно из основных марксистско-ленинских положений, требующее подвергать обстоятельной критике враждебные нам реакционные взгляды.

Мечта Нибела об идеальном президенте, сам его образ, как и образы других героев, взятых вне их идеологических и социальных сомнений и концепций, может показаться недостаточно убедительным. Что руководило «благородством» поступков президент — просто любовь к людям или стремление выиграть выборы? В эпилоге друзья президента рассуждают о том, чем он, президент, лучше своего антипода Ингрема с его моральным девизом: «Цель оправдывает средства».

«— Вместо того чтобы обратиться к народу с призывом запретить атомную бомбу, он придумал секретную операцию. Он поощрял Киссича на шантаж — это его собственное слово!.. Почему он избрал этот путь?»

— Не могу сказать, — говорит Каллиган. — Я знаю Пола, и в то же время я не знаю его. Он честный рыцарь без страха и упрека, и он же ловкий политик...

— Выходит, Роудбуш — второй Ингрем?»

С таким горьким сарказмом автор ставит в заключение вопрос перед читателем о возможности найти в «американской демократии» идеального президента.

Флетчер Нибел уже после выхода романа в свет так отвечает на этот вопрос на страницах журнала «Лук» накануне президентских выборов 1968 года: «Если человек, которого в ноябре изберут президентом, будет поощрять воинствующие организации ультраправых «патриотов», если он будет разде-

лять предрассудки белых расистов... тогда лучше переехать на жительство в другую страну...» Хорошо, что этого не случилось и Ф. Нибел пока дома. «И ещё одно мне совершенно ясно, — добавляет Ф. Нибел, — ветры народных волнений нельзя рассеять выстрелами».

Развенчивание политических иллюзий, предупреждение о возможности трагических ошибок в политике, обнажение волчьих нравов промышленных и финансовых воротил верхушки американского общества — в этом основная заслуга Ф. Нибела, буржуазного писателя и гуманиста, автора романа «Исчезнувший».

После исторического визита в США Л. И. Брежнева, которого с энтузиазмом приветствовала вся трудовая и прогрессивная Америка, мы вправе дружелюбно улыбнуться по поводу тех сложных, скрытных и трудных путей, которые по воле Ф. Нибела нужно было проделать его посланцам мира из-за страха перед ортодоксами «холодной войны».

Теперь, когда США включены в сферу политики мирного сосуществования и решается коренной вопрос советской внешней политики — сделать положительные тенденции необратимыми, хочется вспомнить слова Л. И. Брежнева, произнесённые им во время визита в США: «Она (наша планета) достаточно велика, чтобы мы могли жить на ней в мире, но слишком мала, чтобы подвергать её угрозе ядерной войны».

Э. Араб-Оглы
**ФАНТАЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ**²⁸

Десятого декабря 1987 года на пресс-конференции для журналистов, освещавших встречу на высшем уровне в Вашингтоне между Генеральным секретарём ЦК КПСС и президентом США, М. С. Горбачёву был задан вопрос, который, судя по сообщениям печати, до сих пор занимает умы не только политических деятелей и социальных мыслителей, но и представителей самой широкой общественности: «Если бы два-три года тому назад кто-то попытался прогнозировать то, что произошло сейчас, это отнесли бы, наверное, к политическим фантазиям. Сегодня это становится реальностью. Хочу спросить Вас, какой объективной основой это объясняется? Какая объективная основа лежит под происходящим процессом, под происходящим поворотом? И почему этот поворот происходит именно сейчас?»

Этот вопрос был продиктован вполне понятным осознанием личной причастности подавляющего большинства журналистов (собравшихся в конференц-зале одного из зданий советского посольства в Вашингтоне) к выдающемуся политическому событию, к которому уже несколько десятилетий были устремлены чаяния человечества, но которое до сих пор постоянно отодвигалось в неопределённое будущее. Историческое значение подписанного двумя великими державами в Вашингтоне договора о ликвидации двух классов ракет — средней и меньшей дальности с их ядерными боеголовками — определяется тем, что он (в отличие от всех прежних соглашений и договоров) не просто лимитировал, ограничивал гонку ядерных вооружений всё более высоким потолком, но впервые положил начало реальному сокращению этого смертоносного оружия, угрожающего гибелью человечества и самой жизни на нашей планете.

---

²⁸ Флетчер Нибел. «Исчезнувший», М.: Правда (Политический роман), 1988 – с. 5-12.

По расчётам учёных, ядерные арсеналы, нагромождённые к настоящему времени, достигли таких масштабов, что их хватило бы на то, чтобы уничтожить всё живое на Земле по крайней мере двадцать раз. И вот благодаря смелым, можно даже сказать дерзким политическим инициативам Советского Союза за истёкшие два года со времени Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС от 15 января 1986 года о создании безъядерного мира к 2000 году было принято решение о ликвидации четырёх процентов ядерных вооружений, иначе говоря, станет меньше одной смертью для каждого из живущих на нашей планете пяти миллиардов людей. Это достижение, быть может, многим покажется более чем скромным в сопоставлении с девятнадцатью всё ещё остающимися смертями, нависшими над человечеством. Главное, однако, состоит не в этом формальном количественном сопоставлении, а в том, что новое политическое мышление, опирающееся на поддержку мировой общественности, впервые заставило смерть отступить, сделать шаг не вперёд, а назад, обратило вспять гонку ядерных вооружений. Этот исторический договор международная общественность справедливо расценила как первый и многообещающий «прорыв в безъядерный мир». И тем более стоит напомнить, что в центре переговоров на высшем уровне в Вашингтоне стояла проблема реального и радикального сокращения стратегических наступательных вооружений. В совместном советско-американском заявлении была подтверждена договорённость об их сокращении наполовину и даны соответствующие инструкции с тем, чтобы в ближайшее время был готов к подписанию в Москве договор, вырывающий из рук молоха войны, ещё десять смертей, заготовленных на каждого человека. Всё это действительно делает реальной перспективу утверждения на нашей планете безъядерного, ненасильственного мира к началу нового тысячелетия, позволяет смотреть в будущее с обоснованным оптимизмом.

Вот почему, отвечая на приведённый выше вопрос, М. С. Горбачёв говорил: «Когда мы выступили с Заявлением от 15 января и представили свой план поэтапной ликвидации ядерного оружия и снижения военного противостояния во

всех сферах, многие говорили — иллюзия. Теперь жизнь посрамила этих прогнозистов». Делясь с журналистами, своими воспоминаниями о предшествовавшей «драматической встрече» с Рональдом Рейганом в Рейкьявике, он продолжал: «Помните атмосферу, в какой началась тогда пресс-конференция. Ожидания не оправдались, и всё так драматически оборвалось. В зале я увидел журналистов, и их настроение передалось и мне. Я увидел, что передо мной не просто профессионалы-журналисты, представители средств массовой информации, бойкие на язык, а люди, обеспокоенные тем, что происходит. И это мне передалось». То, что считали фантазией, превратилось в реальность в результате крутого перелома в настроениях мировой общественности. В заключение своего ответа глава советской делегации сказал: «Это произошло благодаря деятельности интеллигенции всех стран. Она сама осознала происходящее — учёные: и физики, и математики, и медики, и художественная интеллигенция. Потом её обеспокоенность и тревога передалась всем слоям населения. Без крутых сдвигов в сознании людей во всех странах вряд ли бы произошли такие перемены, которые позволили выйти на первый крупный шаг реального разоружения, каким стало подписание крупного исторического документа»²⁹.

Это несколько пространное вступление имеет самое непосредственное отношение к роману хорошо известного у нас в стране американского писателя Флетчера Нибела «Исчезнувший». И не только потому, что оно позволяет лучше и глубже понять содержание этого романа, в котором большая роль отводится деятельности средств массовой информации в современном мире и который завершается пресс-конференцией, во многом, вплоть до отдельных деталей, напоминающей реально состоявшуюся в Вашингтоне в декабре 1987 года после встречи на высшем уровне. Кстати, пресс-конференция или аналогичное событие становятся эпилогом и ряда других романов Нибела, написанных в жанре политической фантастики, в том числе переведённых на рус-

---

²⁹ г. «Правда», 1987, 12 декабря.

ский язык его книг «Семь дней в мае» и «Ночь в Кемп-Дэвиде». Прежде всего обращает на себя внимание, что на самого Флетчера Нибела можно с определённым основанием распространить характеристику, данную М. С. Горбачёвым журналистам, близко принимающим к сердцу наиболее острые, настоятельные проблемы современной эпохи, от решения которых зависят судьбы человечества. А литературное творчество этого писателя, при всей фантастичности его сюжетов, несомненно, внесло свой, пусть и скромный вклад в осознание общественностью необходимости предотвратить мировую термоядерную войну, положить конец гонке вооружений, угрожающей гибелью цивилизации и даже жизни на Земле. Именно эта тема неизменно была ведущей в книгах Нибела, независимо от того, что лежало в основе их сюжета — будь то предотвращение военного перепорота в Соединённых Штатах, которому посвящены «Семь дней в мае», или же отстранение от власти президента США Марка Холленбаха, о чём идёт речь в романе «Ночь в Кемп-Дэвиде».

Флетчер Нибел родился в 1918 году в маленьком городе Дальтон в штате Огайо на среднем западе страны. До того как стать писателем, он свыше двадцати лет работал журналистом в Вашингтоне сначала специальным корреспондентом провинциальных изданий, а затем политическим обозревателем крупного издательского концерна Коулса. За эти годы он проник глубоко за кулисы политической жизни столицы США, установил тесные контакты в самых различных сферах официальных учреждений и делового мира, без которых американскому журналисту вообще нечего делать в Вашингтоне. Именно этим обстоятельством объясняется доскональное знакомство автора как с явными, так и скрытыми механизмами политической власти в США, с подлинной ролью и методами действия многочисленных федеральных учреждений, сложным процессом принятия решений в Белом доме и на Капитолии, с влиянием на них лоббистов, наводнивших столицу, а также с деятельностью средств массовой информации.

Первый роман Ф. Нибела, написанный им в соавторстве со своим коллегой-журналистом Ч. Бейли и опубликованный

в 1960 году, посвящён атомной бомбардировке Хиросимы на исходе второй мировой войны. Этот роман не имел большого успеха у читателей. Однако их второй роман «Семь дней в мае» (1962), в котором документальной стиль изложения органически сочетался с фантастическим сюжетом предотвращённого военного переворота в США, сразу же стал бестселлером, несмотря на то, что сама мысль о таком повороте политических событий в Америке воспринималась как невероятная. Переведённый на иностранные языки, этот роман принёс авторам широкую известность как у себя в стране, так и за рубежом. Он был экранизирован американским режиссёром Джоном Франкенхаймером, а у нас по его сюжету был снят фильм на Рижской киностудии. О популярности этого романа у нас в стране свидетельствует, в частности, Тот факт, что вот уже двадцать лет, как девятая страница «Литературной газеты», открывающая её международный раздел, неизменно называется «семь дней» очередного месяца.

Огромный успех этого романа у читателей дал Ф. Нибелу возможность целиком посвятить себя литературно-художественной деятельности. И с тех пор он уже один (после смерти Ч. Бейли) каждые два-три года выпускал в свет свой очередной роман в жанре политической фантастики — «Ночь в Кэмп-Дэвиде» (1965), «Исчезнувший» (1968), «Правонарушение» (1969), «Тёмная лошадка» (1972), «Осенний старт» (1974) и другие. Одновременно яркие публицистические его статьи, затрагивающие острые вопросы внутренней политики и международных отношений, публиковались в ведущих органах американской печати. В этих статьях он постоянно выступал против «холодной войны» и гонки вооружений, предостерегал об опасности термоядерной войны, отстаивал демократические права американского народа от посягательства на них со стороны авторитарных тенденций исполнительной власти и тайной деятельности ЦРУ и других учреждений.

Накопленное десятилетиями знание о хитросплетениях политической жизни и борьбе в высших эшелонах власти Соединённых Штатов придаёт не просто внешнюю реалистичность фантастическим сюжетам, лежащим в основе произве-

дений Ф. Нибела, наполняя их многочисленными почерпнутыми из жизни деталями и убедительными образами действующих в них персонажей, но также позволяем автору, изобретать сценарии возможного развития событий, не уступающее по своей правдоподобности экскурсам американских футурологов в будущее.

Благодаря своего рода «дару предвидения», которое является важным средством художественного воображения всякого талантливое писателя, опирающегося на хорошее знание повседневной жизни, Ф. Нибелу в своих романах нередко удавалось если и не предсказать в деталях, то, во всяком случае, в общих чертах предвосхищать возможность таких политических событий в недавней истории США, как, например, «импичмент», или отстранение от власти президента вследствие его злоупотреблений в романе. «Ночь в Кэмп-Дэвиде» (именно такая участь, как известно, постигла президента Ричарда Никсона в 1974 году, из-за Уотергейга), или же таких международных событий, как заключение договора между великими державами о ядерном разоружении в романах «Семь дней в мае» и «Исчезнувший», саму возможность которого многие считали, до недавнего времени фантастической.

Конечно, тернистый путь к этому договору, отнюдь не похож на тот, о котором столь увлекательно повествуется в романе «Исчезнувший». И заключён он в реальной жизни был не в результате сложных политических комбинаций президента США, а в первую очередь благодаря проницательным, смелым и дальновидным инициативам руководства КПСС и Советского государства. А со стороны США его подписал не вымышленный Нибелом президент-демократ (Джордан Лимен в «Семи днях мая» или же Пол Роудбуш в «Исчезнувшем»), а президент-республиканец Рональд Рейган. И пусть реальный пресс-секретарь Белого дома Марлин Фицуотер мало чем напоминает главного героя романа Нибела Юджина Р. Каллигана, занимающего тот же пост и от лица которого ведётся изложение событий в «Исчезнувшем». Даже резкое падение акций на Уолл-стрите, предшествовавшее подписанию договора, было вызвано в реальной жизни со-

всем иными причинами, чем в романе. Тем не менее, написанный два десятилетия тому назад роман Нибела читается сейчас как репортаж о текущих событиях международной жизни. Даже десяти дней, проведённых мной в Вашингтоне накануне и во время встречи на высшем уровне, было достаточно, чтобы лишний раз убедиться в том, насколько реалистичен Нибел в своих описаниях пресс-конференций, поведения и образа мыслей американских официальных лиц, конгрессменов и журналистов, в воспроизведении политического климата столицы США.

Несомненным достоинством романов Флетчера Нибела является то, что политическая жизнь Соединённых Штатов изображается в них не скупыми чёрно-белыми кадрами, а предстаёт перед нами весьма колоритной как в художественном, так и в эмоциональном отношении. Роман «Исчезнувший» в отличие от типичных произведений в жанре политической фантастики на Западе «населён» (если так можно выразиться) отнюдь не безупречными и добродетельными во всех отношениях героями и противостоящими им мрачными и циничными злодеями. Напротив, он убеждает читателя в том, что современный американский истеблишмент мало похож на примитивный политический птичник, в котором обитают лишь воинствующие ястребы и миролюбивые голуби, как это десятилетиями внушалось западными средствами массовой информации. В действительности же в нём явно преобладают «птицы совсем иного полёта» — от величественных страусов, склонных зарывать голову в песок, до назойливых попугаев, затвердивших стереотипные ответы на все случаи жизни, а также журавлей и синиц, кукушек и ворон. И к каждой из этих птиц при желании можно подобрать по крайней мере несколько выразительных пословиц как на русском, так и на английском языке. Впрочем, яркие характеристики, которые даются автором своим персонажам, глубокое проникновение в их повседневную жизнь и в скрытые мотивы их поступков позволяют читателю несравненно лучше, чем любая «политическая орнитология», постигнуть подлинное столкновение интересов в правящих сферах США, а также сложный и неоднозначный процесс принятия решений

на разных уровнях законодательной и исполнительной власти.

Очевидно, нет занятия более неблагодарного, чем кратко пересказывать в предисловии сюжет увлекательного, похожего на политический детектив романа, лишая тем самым читателя значительной части удовольствия от неожиданного поворота описываемых в нём драматических событий. И тем не менее на одном из фрагментов его сюжета, упоминаемых в нём лишь бегло, имеет смысл задержать внимание читателя, иначе он может быть воспринят им как всего лишь незначительная и вымышленная автором деталь повествования. Между тем в данном случае речь идёт о подлинном событии в политической жизни. Говоря в эпилоге романа о том, что побудило его примкнуть к санкционированному свыше проекту Альфа, один из главных героев романа, Стивен Грир, разъясняет журналистам: «Для меня Альфа началась три года назад однажды вечером в Нью-Йорке на заседании правления Фонда мирового правопорядка, членом которого я состою». Стоит в связи с этим напомнить, что упоминание об этом фонде — вполне реалистическая деталь в романе. Эта неофициальная международная организация, впоследствии преобразованная в Институт мирового правопорядка, отнюдь не вымысел Нибела. Она действительно была учреждена в середине 60-х годов по инициативе видного американского учёного-юриста и общественного деятеля Сола Мендловица, и в её деятельности активное участие принимали учёные многих стран, в том числе советские. Ими был разработан проект «Предпочитаемого мира», во многом совпадающий по своим целям с проектом Альфа, описанным в романе. Однако в отличие от романа Фонд мирового правопорядка не добился столь эффектного воплощения в жизнь своего проекта и был вынужден ограничиться в основном издательской и просветительской деятельностью.

И вот, спустя двадцать лет, присутствуя на официальных церемониях в Белом доме, сопровождающих встречу в верхах руководителей двух великих держав, сидя в просторном зале пресс-центра, расположенного в отеле «Мэрриот», и слушая сообщения о ходе переговоров между М. С. Горбачё-

вым и Р. Рейганом, я не мог отделаться от воспоминаний о проекте «Предпочитаемого мира», которые странным образом сочетались в моём сознании с образами, сошедшими со страниц романа Ф. Нибела. И мне казалось, например, что среди журналистов на брифинге для прессы обязательно должны присутствовать Дэйв Полик и другие, вымышленные Нибелом представители средств массовой информации, а на экранах телевизоров некоторые сенаторы, выступающие против заключения договора о ликвидации двух классов ракет, напоминали сенатора Оуэна Моффата.

В реальности процесс, который привёл к договору, положившему начало ядерному разоружению, шёл иными, непроторёнными путями и был осуществлён иными средствами, чем в своё время представляли себе участники Фонда мирового правопорядка; он не был похож и на проект Альфа в романе Нибела «Исчезнувший». Но вместе с тем этот договор убеждал, что мечта о безъядерном, ненасильственном и справедливом мире, которая ещё в недавнем прошлом выглядела как всего лишь сюжет для фантастического романа или, в лучшем случае, «обоснованная утопия», может быть претворена в действительность, коль скоро она выражает сокровенные чаяния людей и общечеловеческие интересы, воплощается в новое политическое мышление и опирается на политическую волю государственных руководителей нового типа, на стремление народов и поддержку мировой общественности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1964

Ф. Нибел, Ч. Бейли. «**Семь дней в мае**», М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, т/о, 65 000 экз., 352 с.

– А. М. Шевченко. **Предисловие** – с. 5-18.

– Ф. Нибел, Ч. Бейли. **Семь дней в мае**, роман – с. 19-350, пер. П. Видуэцкого и А. Горского.

1966

Ф. Нибел, Ч. Бейли. «**Семь дней в мае**», М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, т/о, 100 000 экз., 352 с.

– А. М. Шевченко. **Предисловие** – с. 5-18.

– Ф. Нибел, Ч. Бейли. **Семь дней в мае**, роман – с. 19-350, пер. П. Видуэцкого и А. Горского.

1967

Ф. Нибел. **Ночь в Кэмп-Дэвиде**, роман – ж. «Нева», пер. Ю. Райского, Ф. Соломатина, илл. Б. Власова.

– № 5, с. 87-126;

– № 6, с. 98-133;

– № 7, с. 99-128.

– Б. Карпович. **О романе Ф. Нибела «Ночь в Кэмп-Дэвиде»** – ж. «Нева», № 7, с. 128-130.

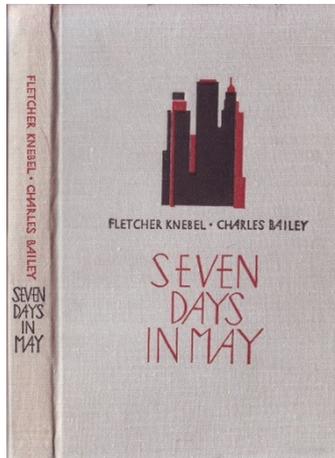
1970

Ф. Нибел, Ч. Бейли. **«Семь дней в мае»**, М.: Прогресс, т/о, 30 000 экз., 376 с., илл. А. Васина.

– П. Шишкин. **Предисловие** – с. 5-20.

– Fletcher Knebel, Charles Bailey. **Seven Days in May**, роман – с. 21-326 (*на английском языке*).

– Г. Войтова. **Notes** – с. 327-375.

1972

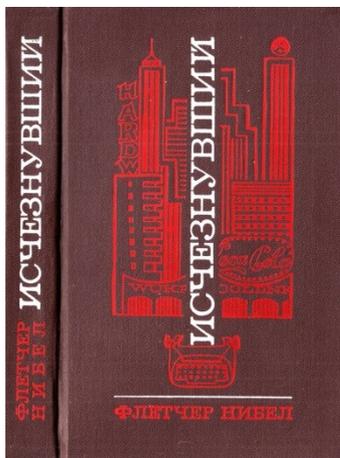
Чарльз Бейли. **«...Очень важные соглашения»**, интервью А. Хамадана – г. «Литературная газета», № 23, 07 июня – с. 9, 14.

1973

Флетчер Нибел. «Исчезнувший», М.: Молодая гвардия, т/о, 75 000 экз., 416 с., илл. А. Семёнова.

– Ю. Кривцов. **Фантастика, детектив и время (Предисловие)** – с. 5-15.

– Флетчер Нибел. **Исчезнувший**, роман – с. 16-414, пер. Ф. Мендельсона.

1984

Ф. Нибел, Ч. Бейли. **Чикагский вариант**, роман – ж. «Вокруг света», пер. А. Шарова (сокр.), илл. Г. Филипповского.

– В. Пархоменко. **[Предисловие]** – с. 53.

– № 1, с. 52-59;

– № 2, с. 46-53;

– № 3, с. 32-39;

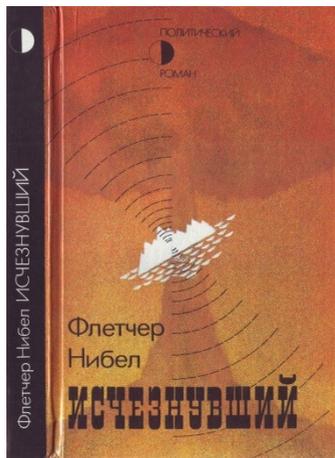
– № 4, с. 51-57.

1988

Флетчер Нибел. «Исчезнувший», М.: Правда (Политический роман), т/о, 450 000 экз., 416 с., илл. П. Г. Островского.

– Эдвард Араб-оглы. **Фантазия и реальность: двадцать лет спустя**, статья – с. 5-12.

– Флетчер Нибел. **Исчезнувший**, роман – с. 13-413, пер. Ф. Мендельсона.

1989

Сб. «След истины», Алма-Ата: Казахстан (Лабиринт), ISBN: 5-615-00442, т/о, 100 000, 704 с., илл. Л. Тетенко, Г. Горелова.

– Аркадий Вайнер. **Предисловие** – с. 3-6.

– Ф. Нибел, Ч. Бейли. **Чикагский расклад**, роман – с. 221-314, пер. А. Шарова.

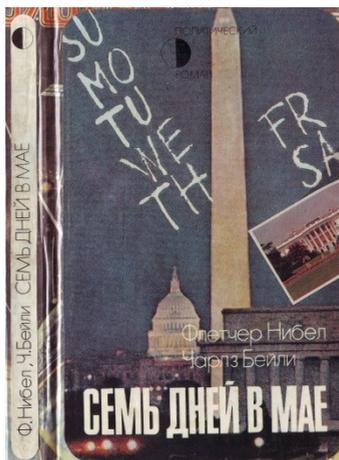

1990

Ф. Нибел, Ч. Бейли. «Семь дней в мае», М.: Прогресс (Политический роман), ISBN: 5-01-002095-5, м/о, 300 000 экз., 336 с., илл. В. Е. Терещенко.

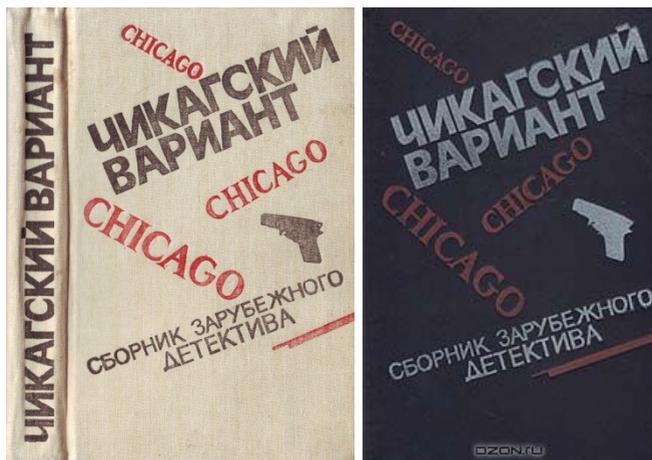
– Ф. Нибел, Ч. Бейли. **Семь дней в мае**, роман – с. 5-328, пер. П. Видуэцкого и А. Горского.

– А. Файнгар. **Семь дней в любом месяце**, статья – с. 329-336.

Сб. «**Чикагский вариант**», Баку: Главная редакция Азербайджанской Советской Энциклопедии, ISBN: 5-89600-020-0, т/о, 100 000 экз., 448 с.

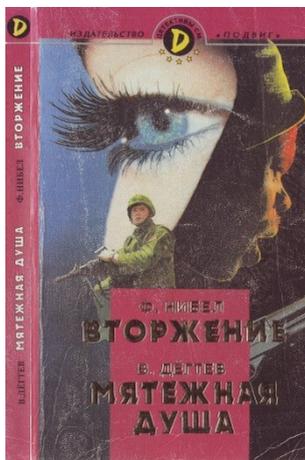
– Ф. Нибел, Ч. Бейли. **Чикагский вариант**, роман – с. 190-281, пер. А. Шарова (сокр.).

1998

Альм. «Детективы» (приложение к журналу «Сельская молодёжь»), № 1, М.: «Сельская молодёжь», м/о, 8 500 экз., 320 с., илл. Ю. Маркина.

– Ф. Нибел. **Вторжение**, роман – с. 6-307, пер. И. Полоцка.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ / SEVEN DAYS IN MAY

Режиссёр: Джон Франкенхаймер

Автор сценария: Род Серлинг

Оператор: Эллсуорт Фредерикс

Композитор: Джерри Голдсмит

В главных ролях: Кирк Дуглас, Фредрик Марч, Бёрт Ланкастер.

Длительность: 118 мин

Страна: США

Год: 1964

Экранизация одноимённого романа Флетчера Нибела и Чарльза У. Бэйли.

Разгар «холодной войны», май 1970 года. Дабы предотвратить старт ядерной войны, президент США Джордан Лиман (Фредрик Марч) подписывает с Советским Союзом договор о ядерном разоружении. Ратификацию встречает публичное возмущение, в особенности среди оппозиции и военных, не доверяющих русским.

С увеличением протестов полковник морской пехоты Мартин Кейси (Кирк Дуглас) приходит к внезапному выводу: весь объединённый комитет начальников штабов, включая их

руководителя, генерала ВВС Джеймса Скотта (Бёрт Ланкастер), собираются организовать государственный переворот с целью смещения Лимана с должности президента.

Кейси делится со своими догадками с президентом, на что тот реагирует созданием специальной комиссии по расследованию возможного инцидента. В её состав входят приближённые к Лиману люди: руководитель Секретной службы Арт Корвин (Барт Бёрнс), министр финансов США Кристофер Тодд (Джордж Макреди), личный помощник президента Пол Джирард (Мартин Болсам) и сенатор Джорджии Рэймонд Кларк (Эдмонд О'Брайен).

Кейси навещает бывшую любовницу Скотта, Элеанор Холбрук (Ава Гарднер), которая передаёт ему компрометирующие генерала письма. Джирард отправляется на Средиземное море, к вице-адмиралу Барнсуэллу (Джон Хаусман) за письменным признанием в существовании заговора. Джирард получает его, но по пути в Белый дом погибает в авиакатастрофе.

Лиман, наконец, вызывает Скотта на диалог тет-а-тет в Овальный кабинет. Президент напрямую обвиняет генерала в организации заговора и просит его и остальных начальников штабов добровольно подать в отставку. Скотт отрицает свою вину, попутно заявляя, что президент — преступник и должен быть судим за подписание договора о ядерном разоружении. Сразу же после беседы с Лиманом Скотт объясняет ситуацию начальникам штабов и напоминает им, что у президента нет никаких доказательств.

На пресс-конференции Лиман объявляет общественности об отставке всех начальников штабов. К президенту прибывает посол США в Испании, который доставляет ему чудом уцелевшее признание вице-адмирала Барнсуэлла. Копии передаются Скотту и остальным участникам заговора. Каждый из них по своей воле уходит в отставку.

Фильм завершается патриотической речью президента Лимана о будущем страны.

Альтернативный финал

Согласно Кирку Дугласу, был снят запасной вариант финальной сцены, но Франкенхаймер предпочёл более мирный:

«Генерал Скотт, коварный персонаж Бёрта Ланкастера, выезжает на своём спортивном автомобиле и погибает в авткатастрофе. Была ли это случайность или самоубийство? Из повреждённого в обломках радио слышна речь президента Джордана Лимана о святости Конституции».

Роман завершается похожей ситуацией — автомобильным суицидом сенатора Прентиса.

«Я хотел сделать фильм, который показал бы гражданам Америки, что они не должны чувствовать себя такими самодовольными всё время, что вещи такого рода могут случиться. Ты читаешь о том, что это происходит в других различных странах, и говоришь: „Ну, в Штатах такое не случится никогда“. Дело в том, что может случиться. Это и была проблема, которой я заинтересовался перед тем, как ознакомиться с романом „Семь дней в мае“». (Джон Франкенхаймер, интервью 1964 года).

Прочитав роман, Франкенхаймер понял, что это его тема. «Это должен был быть фильм, для наслаждения которым вы не должны разбираться в системе всей американской политики» — говорил он.

Рычаги производства картины запустил актёр Кирк Дуглас, исполнивший в ней главную роль полковника Кейси. Дуглас владел кинокомпанией Joel Productions, которая вложила половину стоимости за выкуп прав на экранизацию книги, а вторую половину добавил режиссёр Франкенхаймер. Затем был нанят сценарист Род Серлинг. «Мы получили почти тот сценарий, что хотели, у нас был Бёрт Ланкастер, Фредди Марч и Кирк, и затем мы отправились к прокатным компаниям с полным набором» — рассказывал постановщик.

Дуглас вначале рассматривался на роль генерала Скотта, но затем Франкенхаймер понял, что в таком случае играть полковника Кейси будет попросту некому. Фредерик Марч на роль президента Лимана был утверждён безо всяких проб, так

как режиссёр ещё до написания сценария видел его в этом образе. Практически никаких вопросов не было и с Эдмондом О'Брайеном, за исключением возрастной — Франкенхаймер не был уверен, что 50-летний актёр справится с ролью немолодого южного сенатора-алкоголика, но все сомнения отпали после проб с применением грима. Именно с Марчем Франкенхаймеру больше всего понравилось работать:

«Ты должен иметь в запасе экстраординарного актёра, чтобы было с чего начинать. И Марч был восхитителен. Мы репетировали ленту за две недели до формального старта съёмок — когда он появился, он знал каждую строчку, он никогда не запинаясь на длинной речи, никогда».

На создание фильма ушло почти три месяца, из которых полтора заняли съёмки в павильонах и ещё почти месяц на выездах. Больше недели Франкенхаймер снимал в Вашингтоне и Аризоне, использовал множество локаций в Калифорнии.

Ещё не начав съёмки, Франкенхаймер знал, что фильм должен идти не более двух часов, так как вся история не должна длиться столь долго. Окончательный вариант фильма стоил на 25 тысяч долларов меньше, нежели выделенная бюджетная сумма.

Франкенхаймер считал «Семь дней в мае» своим лучшим проектом в карьере — возможно, потому, что ему удалось донести до зрителей послание политического характера сквозь призму саспенса.

«Семь дней в мае» вызвали одобрение со стороны советского руководства, кинопрессе страны было разрешено хвалить картину. Однако купить её для проката в СССР не решились, так как только что в результате похожего на показанный в фильме заговора руководящих должностей лишился Н. С. Хрущёв.

ЗАГОВОР

Режиссер: Светлана Аннапольская

Сценаристы: Александр Рохлин, Анатолий Шайкевич

Оператор: Сергей Журавлёв

Композитор: И. Галицкий

Страна: СССР

Производство: Главная редакция литературно-драматических программ ЦТ

Год: 1971

Серий: 3

Актеры: Павел Массальский, Валентин Гафт, Григорий Аннапольский, Владимир Муравьев, Ирина Гошева, Вячеслав Степанов, Галикс Колчицкий, Юрий Пузырьев, Ирина Мирошниченко, Маргарита Юрьева, Лев Иванов, Юрий Леонидов, Сергей Сафонов, Владимир Привальцев.

По мотивам романа американских журналистов Ф.Нибеля и Ч.Бейли «Семь дней в мае».

О вымышленных событиях, которые могли бы произойти в 1974 году в США. Высшие чины Пентагона готовят заговор против Президента Лимена с целью захвата власти. Об этом становится известно сторонникам президента, которые намечают контрмеры. Но спасти Лимена все же не удастся...

ИСЧЕЗНУВШИЕ / VANISHED

Режиссер: Базз Кьюлик

Сценарий: Дин Райснер, Флетчер Нибел

Оператор: Лайонел Линдон

Композитор: Леонард Розенман

Страна: США

Год: 1971

Продолжительность: 196 мин.

В главных ролях: Ричард Уидмарк, Скай Обри, Том Босли, Джеймс Фарентино, Ларри Хэгмэн, Мюррэй Хэмилтон, Артур Хилл, Роберт Хукс, Э. Г. Маршалл.

Экранизация романа Ф. Нибела «Исчезнувший».

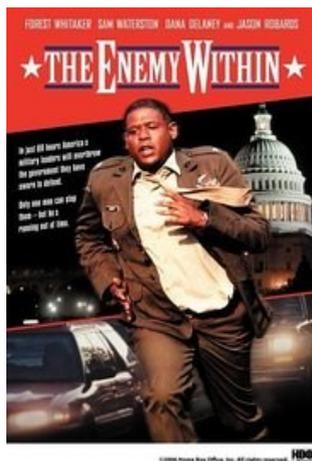
ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД КОРОЛЕЙ

Режиссер: Виктор Кисин
Сценарист: Владимир Дунаев
Оператор: Юрий Бордаков
Композитор: Владимир Быстрыков
Страна: СССР
Производство: Укртелефильм
Год: 1983
Серий: 4

Актеры: Георгий Дрозд, Александр Филиппенко, Ростислав Янковский, Валерий Ивченко, Ада Роговцева, Михаил Данилов, Давид Бабаев, Владимир Дунаев

По роману Флетчера Нибела и Чарльза Бейли «Семь дней в мае». В центре сюжета — масштабный заговор группы военных США, возглавляемый генералом Джеймсом Скоттом и направленный против действующего президента Джордана Лимена. Сценарий сериала написан знаменитым международным обозревателем Владимиром Дунаевым.

Создание картины курировал Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов. Фильм был снят в 1983-м году и выпущен на экраны в начале февраля 1984-го.

ВНУТРЕННИЙ ВРАГ / THE ENEMY WITHIN

Режиссер: Джонатан Дэрби

Сценарист: Род Серлинг

Оператор: Кис Ван Оострум

Композитор: Джо Делия

Страна: США

Год: 1994

Продолжительность: 86 мин.

В ролях: Уильям О'Лири, Лиза Саммерур, Джейсон Робардс, Джордж Дзундза, Дэкин Мэтьюз, Сэм Уотерстон, Йозеф Зоммер, Изабель Глэссер, Дана Дилэйни, Форест Уитакер.

Телевизионный ремейк картины «Семь дней в мае» (1964) с Сэмом Уотерстоном в роли президента, Форестом Уитакером в роли полковника Кейси и Джейсоном Робардсом в роли генерала Скотта.

Популярность президента Уильяма Фостера упала до рекордно низкого уровня. Некоторые чиновники из его окружения, недовольные незначительным сокращением ассигнований на оборону, замышляют государственный переворот.

Содержание

В. Токарев. Семь дней в мае	4
Ч. Бейли. Очень важные соглашения	93
[Аннотация].....	98
А. Шевченко. Предисловие.....	99
П. Шишкин. Предисловие.....	120
М. Сагателян. Почему у нас нет политических фильмов о Западе?	137
Телевизионная неделя	138
Я. Боровой. Однажды в мае	140
А. Файнгар. Семь дней в любом месяце	145
[Авторы]	154
В. Пархоменко. [Предисловие].....	156
А. Вайнер. Предисловие.....	158
[Аннотация].....	160
[Аннотация].....	160
Б. Карпович. О романе Ф. Нибела «Ночь в Кэмп Дэвиде»	162
[Аннотация].....	169
Ю. Кривцов. Фантастика, детектив и время.....	170
Э. Араб-Оглы. Фантазия и реальность: 20 лет спустя.....	182
Библиография.....	191
Фильмография.....	197